

И.И.Поп

ЧЕХОСЛОВАКИЯ –
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
1941–1948 гг.

· НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения
и балкаистики

И.И.Поп

ЧЕХОСЛОВАКИЯ –
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1941–1947 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. К. ВОЛКОВ

МОСКВА. НАУКА. 1990

ББК 66.4(0)
П57

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. Д. МАРЧЕНКО,
доктор исторических наук В. В. МАРЬИНА

Поп И. И.

П57 Чехословакия — Советский Союз. 1941—1947 гг.
М.: Наука, 1990. — 288 с.
ISBN 5-02-009967-8

В книге прослеживаются взаимоотношения между Чехословакией и Советским Союзом в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Автор рассказывает о том, как были подписаны важнейшие соглашения и договоры между этими странами, о борьбе революционных и буржуазных сил республики вокруг проблемы ее внешнеполитической ориентации.

Предназначается для историков и всех интересующихся новейшей историей Чехословакии.

0503030000-229
П $\frac{042(02)-90}{84-90-1}$

ISBN 5-02-009967-8

© Издательство «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война привела к глубоким социально-политическим и психологическим сдвигам во всех странах и на всех континентах. Самый глубокий след война оставила в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы, где она собственно начиналась и привела к потере независимости ряда стран; установлению национального «нового порядка», представлявшего собой смертельную угрозу самому существованию поработенных народов. В свою очередь эта опасность обусловила нарастание национально-освободительной борьбы в оккупированных нацистами странах, в которой активное участие приняли представители всех социальных слоев.

Катастрофа, постигшая государства Центральной и Юго-Восточной Европы в самом начале второй мировой войны, привела в движение все слои общества этих стран, заставила переосмыслить внешнеполитические приоритеты, которыми руководствовались правительства и которые привели к столь печальным результатам. В процессе этого переосмысления рождалось новое понимание национально-государственных интересов с т р а н региона, что заставляло все без исключения политические партии и направления рассматривать в качестве актуальнейшей политической проблемы вопрос о будущем месте г о с у д а р с т в региона в послевоенном мире. Решение этой проблемы позволяло ответить в дальнейшем и на многие другие вопросы государственного бытия: о внешнеполитической ориентации, о союзниках на международной арене, об отношении к возможным межгосударственным союзам, о послевоенных границах в регионе и гарантиях их неприкосновенности. В этой связи существенное место в изучении межгосударственных связей и отношений в Центральной и Восточной Европе занимает анализ начального, самого сложного этапа складывания новой расстановки сил в регионе.

Важной составной частью новой системы межгосударственных связей и отношений на заключительном этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы стало развитие двусторонних отношений между Советским Союзом и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Особое значение в этой связи имеет изучение формирова-

ния и развитие отношений между Чехословакией и Советским Союзом под углом зрения взаимосвязи и взаимообусловленности развития межгосударственных отношений двух стран в условиях национально-освободительной борьбы и революционного процесса во второй половине 40-х годов в Центральной Европе.

Необходимо проследить и раскрыть качественные изменения межгосударственных отношений, происходившие под влиянием эпохальных сдвигов на международной арене в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы; определить степень совпадения внешнеполитических задач и национально-государственных интересов Чехословакии и Советского Союза в ходе борьбы против гитлеровской Германии и закрепления итогов второй мировой войны в послевоенном мирном урегулировании; проанализировать процесс формирования нового понимания национально-государственных интересов и внешнеполитических приоритетов различными течениями чехословацкого движения Сопротивления в период второй мировой войны и закрепления их в сознании широких кругов общественности в ходе национально-демократической революции.

История развития отношений между Чехословакией и Советским Союзом в переломный для Европы и мира период, их детальное раскрытие позволяют определить, какие положительные элементы получили широкое развитие, а какие были утрачены в процессе гегемонистской деформации отношений между двумя странами, превращения их из отношений дружбы, сотрудничества и уважения суверенитета в отношения господства и подчинения.

Глава первая

СКЛАДЫВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Советско-чехословацкое Соглашение 18 июля 1941 г.
и его влияние на расстановку сил
в чехословацком движении Сопротивления

Нападение гитлеровской Германии на СССР стало важнейшим рубежом в развитии национально-освободительного движения чешского и словацкого народов, расширению и укреплению советско-чехословацких отношений. Вступление в борьбу против фашистских агрессоров первого государства рабочих и крестьян вселило уверенность в конечную победу над поработителями у всех участников движения Сопротивления. «Мы уже не одни. Мы снова стоим бок о бок с могучим Советским Союзом, вновь переходим к открытой борьбе против фашизма, и не одна или две великие державы, а весь мир сегодня с нами», — писал в эти дни в подпольной газете «Руде право» Ю. Фучик¹. «Нет необходимости расписывать, чем было для нас это событие, — вспоминал впоследствии один из руководителей подпольной организации „Остаемся верными!“, Й. Грня. — Вновь вспыхнула у чехов давняя любовь к русскому народу, а вместе с ней появилась для всех нас, узников лагеря „Протекторат Чехия и Моравия“, и ясная картина конца войны — триумфа человечества над фашизмом. Ведь до этого момента наша вера и надежда не имели никакой материальной основы. Ничто не предвещало возможности военного поражения Германии. Ни один фантаст не мог себе представить высадку британской армии на другом берегу пролива и спасения ею решающего удара Германии. И, наконец, надежды обрели конкретную форму: Россия, Россия!»²

Война приобрела новое политическое и социальное содержание, она вышла за пределы капиталистической системы. Битва на востоке Европы была не только национально-освободительной борьбой народов Советского Союза за против нацистского порабощения, но и решающим

вооруженным противоборством первого социалистического государства, олицетворявшего силы прогресса, и ударных сил империализма. Советский народ, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы против гитлеровской агрессии, выполнял одновременно и свой интернациональный долг помощи всем поработанным народам. Своей решимостью в борьбе против самых реакционных сил империализма он революционизировал мир, и его отвага в борьбе против нацистских орд стала лучшей пропагандой социализма.

Начало второй мировой войны застигло чехословацкое движение Сопротивления в состоянии глубокого кризиса, разделения на многочисленные течения и группы, отсутствия единого руководящего центра, единой политической концепции, которая бы определяла перспективы движения. Ясной была только общая цель — освобождение от нацистского порабощения и восстановление независимой Чехословацкой республики. Политические течения и группы в движении Сопротивления как на оккупированной родине, так и за рубежом имели свои представления о том, каким должно быть новое государство чехов и словаков, его внешнеполитические приоритеты и связи. Подполье в чешских землях с самого начала было представлено широким политическим спектром групп и группировок — правые элементы чешского национализма, затем длинная цепочка политически аморфных групп и, наконец, последовательно антифашистское революционное крыло во главе с КПЧ. С начала 1940 г. основные некоммунистические течения объединяются и создают организацию «Центральное руководство движения Сопротивления в оккупированной стране» (ЦРДС). В идейном отношении движение Сопротивления в чешских землях отличалось радикальной критикой общественной системы доминирующей республики. Это движение было направлено от буржуазии, а нередко и против нее. Его базу составляли широкие слои трудящихся. Это имело определяющее значение и для внешнеполитической ориентации чешского движения Сопротивления³.

При необычайно активном идейном брожении в среде народных масс, наступившем сразу же после расчленения гитлеровцами Чехословакии и учреждения «протектората», в кристаллизовавшихся представлениях о будущем республики преобладали «отрицающие» оценки. Люди лучше понимали, как не должно быть, но не знали каким будет это будущее. Быстрее и глубже всего произошла

переоценка широкой общественностью внешнеполитической ориентации. Всеобщему осуждению подверглась односторонняя ориентация на Англию и Францию, и как положительный момент процесса можно отметить распространение просоветских настроений. Это отмечали все группы в движении Сопротивления.

Движение Сопротивления в Словакии в силу своих специфических общественно-политических условий было более узким, чем в чешских землях. Образование словацкого марионеточного государства как бы устраняло момент национального угнетения, столь характерный для чешского движения Сопротивления. Изображая это событие как переломный этап национальной истории, словацкие фашисты, людаки, сформулировали на этой основе неофициальную идею словацкого государства: ссылались на постоянную угрозу оккупации со стороны хортистской Венгрии, они изображали как меньшее зло образование марионеточного государства под покровительством нацистской Германии. Эта идея в начальный период сыграла определенную роль в стремлении фашистского людацкого режима воспрепятствовать активному движению Сопротивления. Вместе с тем она была ограничена во времени, так как существование словацкого государства обуславливалось результатом сложившихся международных отношений⁴. Слабость движения Сопротивления объяснялась и существовавшей социальной структурой Словакии, где преобладала крестьянская масса, инертная в политическом отношении и к тому же находившаяся под сильным влиянием политического католицизма, перешедшего на службу фашистскому режиму. Не превратилось в политическую оппозицию людацкому режиму ущемленное протестантское меньшинство, занявшее выжидательную позицию.

Среди имущих слоев Словакии некоторые оппозиционные тенденции наблюдались в узкой прослойке сторонников домюнхенской республики. В результате в отличие от чешских земель, где движение Сопротивления с самого начала имело широкую социальную базу, сплотив в своих рядах самые различные социальные и политические силы, в Словакии движение Сопротивления представляла только коммунистическая партия. Это в свою очередь придавало словацкому движению Сопротивления характер классовой антифашистской пролетарской оппозиции. В этом было его преимущество, но одновременно и слабость, ибо словацкое антифашистское движение имело в

первый период узкую социальную базу, расширять которую коммунистам пришлось в очень трудных условиях⁵.

Наибольший интерес представляет анализ политических концепций чехословацкого движения Сопротивления в эмиграции. Нет сомнения в том, что центр тяжести национально-освободительного движения, борьбы за ликвидацию гитлеровского режима находился не за границей, а на территории расчлененной и оккупированной Чехословакии. Эмиграция и движение Сопротивления за рубежом — это только производное от общенародной борьбы. Движение Сопротивления за границей имело свои, специфические задачи, в значительной мере отличные от задач движения Сопротивления в оккупированной стране. В решении ЦК КПЧ от июня 1939 г. указывалось: «В более широком, общем смысле работа за рубежом заключается в следующем: путем широкой пропагандистской акции обратить внимание на насилие, совершенное Германией над Чехословакией, указать на угнетение чехословацкого народа и способствовать тому, чтобы мировая общественность, демократические страны, все другие народы и прежде всего трудящиеся массы решительно выступили против гитлеризма; использовать спонтанные симпатии в мире к Чехословакии с тем, чтобы общественное мнение в отдельных странах посредством акций солидарности поддержало борьбу за справедливое дело Чехословакии; соединить национально-освободительную борьбу чехословацкого народа с борьбой всех народов против фашизма, добиваться того, чтобы восстановление независимости Чехословакии стало одним из постулатов и идей международной антифашистской борьбы»⁶.

Буржуазное крыло эмиграции, претендовавшее на руководящую роль в чехословацком движении Сопротивления, также ставило перед собой цель утвердить на международной арене необходимость восстановления независимости Чехословакии, добиться осуждения расчленения и оккупации Чехословакии и признания неправомерности мюнхенского соглашения⁷.

Чехословацкая эмиграция была представлена практически всеми политическими течениями домюнхенской Чехословакии, за исключением фашистов. Реакционное буржуазное крыло символизировали такие деятели, как бывший чехословацкий посол в Париже Ш. Осусский, которого поддерживали французские мюнхенцы, и генерал Л. Прхала, нашедший опору у пилсудчиков.

Одну из самых сильных и активных политических групп чехословацкого движения Сопротивления за рубежом представляли коммунисты (секретариат КПЧ под руководством Я. Швермы и Б. Кёлера сначала в Париже, а с 1940 г. в Лондоне, и зарубежное руководство компартии во главе с К. Готвальдом в Москве⁸. Из буржуазных групп наибольшую активность развили сторонники бывшего президента Э. Бенеша. Ведущее положение среди них наряду с самим Бенешем заняли бывшие представители руководства буржуазных и реформистских политических партий — Я. Шрамак, Р. Бехине, Яр. Странский, а также младшее поколение буржуазных политических деятелей — Г. Риска, П. Дртина, группа эмигрировавших высших офицеров — С. Ингр, Р. Вист, Г. Пика, Ф. Моравец и др.⁹ Весьма немногочисленной являлась словацкая буржуазная эмиграция, представители которой почти целиком были выходцами из рядов бюрократии доинхенской республики. В политическом отношении группа сторонников Бенеша представляла ту часть чешской и словацкой буржуазии, для которой гегемония германского империализма означала полную потерю как ее имущественного положения, так и ее политических позиций. Поэтому программой данной группы было восстановление прежних политических и классовых отношений в освобожденной республике. Вместе с тем политические деятели — сторонники президента Бенеша несли полную ответственность за капитуляцию Чехословакии в дни Мюнхена.

Каким же образом они, и в первую очередь сам Э. Бенеш, вновь появились на политической арене и заняли ведущее положение в рядах чехословацкого буржуазного движения Сопротивления?

Уже вскоре после Мюнхена некоторые видные представители чешского буржуазного лагеря доказали свое понимание глубины последствий мюнхенской капитуляции. В сентябре 1939 г. в Лондоне на собрании эмигрантского клуба доверенное лицо Э. Бенеша Я. Странский откровенно заявил: «Все, кто вроде меня несет ответственность за политическую жизнь Чехословакии, закончили свою игру, и в будущем слово будет принадлежать уже другим... За наш крах мы несем коллективную ответственность... Мы умели создавать коалиции... но не сумели обеспечить безопасности нашего государства»¹⁰. Осознание деградации и разложения собственного класса составляло смысл и содержание того явления, которое

получило название «мюнхенского комплекса» чешской буржуазии¹¹. Капитуляцией в Мюнхене она предала свой собственный идеал, выработанный ее лучшими представителями во второй половине XIX — начале XX в. Таким образом, сделанный в 1938 г. роковой шаг был двойным предательством чешской национальной идеи, самым грубым попранием национальных и народных традиций, традиций борьбы за социальный прогресс и национальную свободу.

Мюнхенская проблема стояла перед всей чешской нацией. Народные массы, как свидетельствовал опыт майского и сентябрьского кризисов 1938 г., и движение Сопротивления в первые дни оккупации готовы были разрешить эту проблему путем борьбы. Буржуазия же потерпела полный провал, не сумев найти выход из создавшегося положения и выработать свою новую политическую концепцию. Крупная чешская буржуазия пошла по пути коллаборации с нацизмом и тем самым вынесла себе смертельный приговор. Либеральное буржуазное крыло могло выработать новую политическую платформу, осудив мюнхенскую капитуляцию, но это означало бы признать собственное предательство. Буржуазные политические деятели не способны были сделать этот шаг, опасаясь полной дискредитации в глазах народных масс. В результате чешская буржуазия так и не смогла решить мюнхенскую проблему; она всеми силами стремилась оправдать капитуляцию.

Как ни парадоксально, но во главе чехословацкого буржуазного движения Сопротивления, его зарубежного крыла, встал политический банкрот, бывший президент Э. Бенеш. Мюнхенская капитуляция Чехословакии была осуществлена при его содействии, и поэтому ответственность за предательство национальных интересов лежит именно на нем. Как известно, положение политического деятеля определяется не только его действительной политической ролью, но и тем, каким его видят широкие круги общественности. В кризисные дни 1938 г. он несколько раз был готов капитулировать, однако не решался сделать это ввиду давления масс трудящихся. Это способствовало возникновению иллюзий в отношении его политической позиции. Бенеш стал мишенью для оголтелых нацистов всех рангов — Гитлера, Генлейна, Франка — как капуне Мюнхена, так и после него, когда на президента обрушился поток клеветы чехословацкая реакция. Все это сделало Бенеша в глазах демократической общественно-

сти жертвой, и действительная его кашитулянтская роль таким образом затушевывалась. В результате Э. Бенеш и после оккупации республики сохранил определенный политический авторитет и доверие масс.

В буржуазных кругах кашитулянтство Э. Бенеша воспринималось как естественное и, следовательно, неизбежное явление, не могущее обесценить его роли как политического деятеля. Кроме того, Э. Бенеш олицетворял домюнхенские отношения, он ставил их реставрацию на первый план своей программы, а это было пределом мечтаний чешского буржуа. Поэтому буржуазное крыло движения Сопротивления недолго колебалось в выборе лидера. Но тот факт, что на авансцену политического представительства чехословацкого буржуазного движения Сопротивления выходил политический деятель, уже однажды потерпевший полный крах, говорил об упадке класса, его выдвинувшего, отсутствии у него выбора.

В эмиграции Э. Бенеш стал самым последовательным сторонником войны, «беллистом», как его называли в ближайшем окружении. Ему казалось, что война станет поворотным пунктом в политике западных держав. «Война, — писал он, — заставит их проводить такую политику, за которую мы ратовали на протяжении всех предыдущих двадцати лет»¹². Но опыт Мюнхена привел Бенеша к пониманию того непреложного факта, что без поддержки СССР нет надежды на решение чехословацкой проблемы. Поэтому поворот в политике Запада он связывал с необходимостью заключения союза между Великобританией, Францией и Советским Союзом¹³. В такой ситуации, по мнению Бенеша, Запад гарантировал бы восстановление в Чехословакии домюнхенских буржуазных порядков, а СССР — восстановление территориальной целостности республики. Начиная свою деятельность по консолидации чехословацкой буржуазной эмиграции, Э. Бенеш признавал, что в Париже и Лондоне «ситуация для нас неблагоприятная»¹⁴. И тем не менее он без колебаний избрал Великобританию и Францию полем своей деятельности и главной опорой.

Чехословацкие коммунисты не питали иллюзий относительно позиции британских и французских мюнхенцев в чехословацком вопросе даже в связи с началом войны и выступали с резкой критикой политики опоры на Запад. В директиве, изданной секретариатом КПЧ в Париже в июне 1939 г., указывалось: «Коммунисты будут бороться

против попыток связывать судьбы чехословацкого Сопротивления только с интересами западноевропейской империалистической буржуазии. Они будут стремиться к соединению движения за независимость Чехословакии с проблемой единого антифашистского фронта народов... Они будут подчеркивать решающую роль Советского Союза в борьбе против агрессоров, а соответственно и в судьбах народов Чехословакии. Коммунисты будут ориентировать чехословацкое движение Сопротивления за рубежом на Советский Союз, который продемонстрировал в прошлом свою решимость помочь Чехословакии в защите ее независимости. Коммунисты будут ориентировать чехословацкое движение Сопротивления на борьбу в современных условиях, существенно отличающихся от периода 1914—1918 гг. прежде всего тем, что существует Советский Союз, который становится решающим фактором в судьбах Европы»¹⁵.

В начале войны чехословацким буржуазным деятелям в эмиграции казалось, что настало время устранения препятствий, которые мешали Англии и Франции объявить мюнхенское соглашение недействительным и оказывать чехословацкому движению полную поддержку. Однако никакого существенного поворота в позиции Парижа и Лондона не произошло. В 1939 — начале 1940 г. там по-прежнему откровенно враждебно относились ко всяким начинаниям чехословацкой эмиграции.

Значительно ухудшил ситуацию чехословацкого движения Сопротивления советско-германский пакт от 23 августа 1939 г., после подписания которого СССР установил дипломатические отношения с марионеточной Словакией, документировав тем самым отрицание чехословацкой государственности. Представительство Чехословакии в Москве было упразднено.

Общественное мнение и пресса Европы, казалось, напрочь забыли о Чехословакии. В особенности это относилось к Англии, которую Э. Бенеш и его окружение избрали центром своей деятельности. Для нее Центральная Европа всегда была «слишком далекой» и значила несравнимо меньше, чем, например, Ближний Восток. «Общественности Великобритании о странах Центральной Европы известно было немного... Центральная Европа была расположена, по ее представлению, где-то „за семью морями“ и поэтому не стоила внимания»¹⁶. Только после падения Франции британское правительство признало де-факто реорганизацию созданного осенью

1939 г. в Париже Чехословацкого национального комитета во временное правительство, а также создание Государственного совета как консультативного органа этого правительства. Однако при этом Великобритания не брала на себя никаких обязательств в отношении будущих границ Чехословакии. Поражение Франции было тяжелым ударом для чехословацкого буржуазного движения Сопротивления, ориентировавшегося исключительно на скорую победу западных стран. В рядах буржуазного движения Сопротивления как в оккупированной стране, так и за рубежом наступает депрессия. Ее избежали только чехословацкие коммунисты, которые не связывали перспективы чехословацкого национально-освободительного движения исключительно с Западом¹⁷.

Неясность перспектив национально-освободительной борьбы, шаткость положения чехословацкого временного правительства делали политику буржуазной эмиграции противоречивой. Антисоветская истерия, бушевавшая на Западе в 1939—1940 гг., охватила и чехословацкую эмиграцию, хотя ее руководство неоднократно заявляло о своем лояльном отношении к СССР. Э. Бенеш, с одной стороны, стремился к тому, чтобы в отношениях между СССР и чехословацким движением Сопротивления «не произошло чего-либо непоправимого»¹⁸, а с другой — тщательно следил за тем, чтобы «все наше движение на Западе приспособлялось к существующей ситуации»¹⁹. В политике чехословацкой буржуазной эмиграции и ее представительных органов, в частности временного правительства, наступает период самых неожиданных поворотов, колебаний и сложного маневрирования. В ноябре 1940 г. правительство Бенеша под воздействием Великобритании и правых сил в буржуазной эмиграции приняло свой самый важный в тот период дипломатический шаг. Оно подписало соглашение о так называемой чехословацко-польской конфедерации, которая имела явно антисоветскую направленность и преследовала цель восстановления прежней концепции «санитарного кордона»²⁰. Это был самый реакционный акт в политике лавирования и маневрирования, столь характерной для самого Бенеша и возглавляемого им эмигрантского правительства. Весьма примечательно, что почти одновременно с этим под давлением движения Сопротивления на оккупированной территории страны Э. Бенеш и его окружение устанавливают новые контакты с СССР. Тем самым они пытались затуманить антисоветскую направленность плана

польско-чехословацкой конфедерации, обуславливая его осуществление подписанием соглашения с СССР²¹.

На фоне целой серии неудач западных держав — капитуляции Франции, поражения Англии в Африке и на Балканах — самым важным антигитлеровским актом этого периода в глазах чешских и словацких антифашистов было укрепление позиций Советского Союза. В чешских землях упорно распространялись слухи, что вариант присоединения к СССР возможен и для «протектората». Освобождение от нацистской оккупации казалось близким²². Этим же было вызвано появление лозунга подпольного ЦК КПС «За советскую Словакию!», квалифицированного впоследствии как левацкий²³. Волна просоветских симпатий охватила и словацкие буржуазные, оппозиционные людацкому режиму, круги (группы Я. Лихнера, «Флора», «Всеславянская организация за ревизию границ» и др.). В будущее людацкого режима они не верили, эмигрантское правительство и Э. Бенеш, отстаивавшие теорию «чехословакизма», которая отвергала возможность каких-либо изменений в положении словаков в освобожденной республике, не оставляли надежд²⁴. Выход из этого тупика они видели в ориентации на СССР, что, однако, вовсе не означало их перехода на социалистическую платформу. Я. Лихнер, находившийся летом в 1940 г. в Белграде и участвовавший в дискуссии о перспективах освобождения Чехословакии, писал в своих заметках: «Остается ... только Советский Союз, который способен разбить Гитлера. Освобождение может принести лишь Советский Союз... Нашей надеждой является только Советский Союз, и нечего нам искать на Западе, нужно попытаться установить связь с Москвой»²⁵. Появление и широкое распространение таких настроений в чешских землях и в Словакии в 1940 — начале 1941 г. имело свои объективные причины. Во-первых, они были вызваны чувством отчаяния, а иллюзия о присоединении Словакии и «протектората» к СССР являлась своеобразной формой самозащиты. Во-вторых, сказывался комплекс малого народа с присущим ему ожиданием освобождения извне, в первую очередь со стороны России. Исторические корни таких настроений очевидны. Отсюда и необычайное оживление идеи славянской взаимности.

Все это оказало положительное воздействие на расстановку сил в движении Сопротивления на оккупированных чешских землях. Попытки изолировать КПЧ созданием в начале 1940 г. ЦРДС — руководящего центра

Сопrotивления без коммунистов — оказались безуспешными. Несмотря на то, что влияние буржуазной эмиграции усилилось, тем не менее ей не удалось подчинить движение Сопrotивления в стране правым силам²⁶. После первых крупных арестов руководства плохо законспирированной сети буржуазного крыла движения Сопrotивления на смену ему пришли новые люди, реалистически оценивавшие ситуацию и понимавшие необходимость объединения всех антифашистских сил. Под влиянием все усиливавшихся просоветских симпатий широких кругов чешской общественности часть членов ЦРДС весьма критически высказывалась в отношении внешнеполитических концепций эмигрантского правительства, в особенности планов польско-чехословацкой конфедерации, и требовала от Э. Бенеша установления связи с СССР²⁷. Учитывая эти настроения, Э. Бенеш, по словам советского посла в Лондоне И. М. Майского, «предприимал значительные усилия, чтобы улучшить отношения с советским посольством в Лондоне ... мы часто встречались, он давал нам важную информацию о ситуации в Чехословакии, Германии, Юго-Восточной Европе»²⁸. Советские дипломаты, находившиеся в то время в западноевропейских столицах практически в изоляции, не позволявшей им выполнять необходимую работу, ценили такие шаги представителей чехословацкой эмиграции. Следует заметить, что Э. Бенеш поддерживал контакты с советскими дипломатами не только под давлением левых сил в чехословацком движении Сопrotивления. Он хотел избежать постоянного давления и зависимости со стороны западных государств и противодействовать претенциозному поведению польского эмигрантского правительства, которое активно поддерживали реакционные круги Великобритании и США.

Падение Франции заставило Э. Бенеша внести коррективы в свою концепцию «Запад—Восток» (Франция—СССР). Место Франции в схеме президента заняли Великобритания и США, а союзные отношения с СССР в будущем, по его предположению, должны были быть укреплены путем установления общей границы между двумя государствами²⁹.

Уже с середины 1940 г. чехословацкое эмигрантское правительство предпринимает попытки налаживать неофициальные контакты с Советским Союзом. В конце 1940 — начале 1941 г. в Стамбуле проходили чехословацко-советские переговоры о расширении двусторонних связей. Была достигнута договоренность об обмене информацией

разведывательного характера и посылке весной 1941 г. чехословацкой военной миссии в СССР³⁰. 28 апреля 1941 г. чехословацкое правительство в Лондоне приняло решение об отъезде полковника Г. Пики в Москву в качестве «военного и политического представителя чехословацкого правительства в Советском Союзе и Турции с постоянным местом пребывания в Москве»³¹. В СССР Г. Пике был оказан дружественный прием, он мог установить широкие контакты в дипломатических кругах. О возможностях Пики свидетельствует его донесение Бенешу от 18 июня 1941 г. В донесении говорилось, что, по полученным сведениям, нападение Германии на СССР планируется 23 июня, в донесении была детально описана эвакуация семей посольств государств фашистского блока в Москве³². Начало восстановлению отношений между ЧСР и СССР было положено.

С первых дней Великой Отечественной войны Советское правительство предпринимало энергичные шаги на международной арене к сплочению всех антифашистских сил. Советская дипломатия делала все для того, чтобы буржуазные государства, находившиеся в состоянии войны с нацистской Германией и фашистской Италией, стали союзниками СССР, образовали сплоченную коалицию государств — противников гитлеровской Германии. Создание такой коалиции отвечало и интересам самих западных держав, оказавшихся на грани катастрофы, когда перед ними встала задача борьбы за свою независимость. В результате предпринятых усилий уже летом 1941 г. был образован (путем различных дипломатических соглашений) советско-англо-американский союз, ставший ядром антигитлеровской коалиции³³. Факт создания последней стал выдающимся достижением советской дипломатии в годы второй мировой войны.

Правящие круги западных держав в тот момент заключили этот союз из чисто эгоистических побуждений, с целью отвести от себя нацистскую опасность и способствовать тому, чтобы гитлеровская Германия и Советский Союз взаимно ослабили друг друга. Однако создание антигитлеровской коалиции объективно способствовало росту небывалой активности народных масс в антифашистской борьбе и в конечном счете определило позитивный характер коалиции. Постепенно антигитлеровская коалиция переросла в невиданное до сих пор объединение, включавшее самые различные политические течения — коммунистическое, социалистическое, национально-осво-

бодительное, либерально-демократическое и др. Война привела в движение огромные общественные силы, разрушила традиционные связи и дала важный импульс к новому переустройству мира. Хотя антигитлеровская коалиция возникла в условиях войны, она стала примером образования системы мирного сосуществования и активного взаимодействия государств с различным общественным строем.

Проводя линию на объединение в антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в поражении гитлеровского блока, Советское правительство в начале июля 1941 г. заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией и Югославией. По указанию правительства СССР советский посол в Великобритании И. М. Майский начал переговоры с Э. Бенешем о восстановлении дипломатических отношений между Советским правительством и чехословацким правительством в Лондоне и о заключении соглашения о взаимной помощи и поддержке в войне против Германии. 8 июля 1941 г. во время встречи с Бенешем Майский заверил президента, что программой Советского правительства является самостоятельная Чехословакия со своим национальным правительством, при этом правительство СССР придерживается принципа невмешательства во внутренние дела Чехословацкой республики. Чехословацкому правительству предложена была помощь в организации чехословацкой воинской части на территории Советского Союза. В связи с этим Советское правительство считало возможным организацию специального национального чехословацкого комитета, который помогал бы в организации чехословацких воинских частей на территории СССР. Чехословацкому правительству предложено было также направить в Москву своего посланника³⁴.

В беседе с И. М. Майским Э. Бенеш коснулся проблемы послевоенного устройства Европы и выразил уверенность, что «в Центральной Европе решающую роль будет играть Россия». «Для нас, — подчеркнул он, — такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть наше будущее, безопасность республики»³⁵. Президент высказал уверенность в том, что у Чехословакии и СССР в будущем будет общая граница, при этом он добавил, что чехословацкая сторона настаивает на принципе преемственности (это означало, что Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина. — *И. П.*) должна входить в состав Чехословакии). К этому вопросу Э. Бенеш во

время беседы возвращался дважды, причем высказывания президента были противоречивы, хотя И. М. Майский ни одно из его положений не оспаривал. Бенеш то утверждал, что «Подкарпатская Русь может принадлежать лишь нам или России», то вновь настаивал, что «Чехословакия ни в коем случае от этого края не откажется»³⁶. В беседе с начальником канцелярии президента Я. Смутным Бенеш вновь коснулся проблемы Закарпатской Украины. Он указал, что на конференции в Версале эта область была передана Чехословакии, так как судьба ее в тот период решалась без России. «Но на сей раз, — заметил он, — все будет иначе, русские будут присутствовать на мирной конференции и, надеюсь, как победители, поэтому разговор о данной проблеме будет иным»³⁷.

В беседе с послом Майским возражения со стороны Бенеша последовали только по вопросу о национальном комитете. Э. Бенеш заявил своему собеседнику, что в принципе он не против создания такого комитета, однако считает, что представителем правительства должен стать специальный уполномоченный, который призван руководить всей военной и политической деятельностью граждан ЧСР в иностранном государстве и которому будет подчиняться национальный комитет³⁸. Э. Бенеш опасался, что чехословацкий национальный комитет в Москве может превратиться во второе правительство под руководством коммунистов. Именно поэтому он, не отвергая в целом возможности создания такого органа, решительно выступил против его самостоятельности³⁹.

Министр иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства Ян Масарик настаивал, чтобы президент вообще отказался от этого пункта советского предложения, и требовал «быть твердым». Э. Бенеш не придавал этому такого значения, для него важнее было скорейшее и полное признание чехословацкого правительства, чего он не мог добиться от западных держав вот уже третий год⁴⁰.

О советском предложении Э. Бенеш сообщил правительству Великобритании через представителя Форин оффис Р. Б. Локхарта. Это сообщение, по замечанию Бенеша, «англичан не обрадовало»⁴¹. Локхарту президент Бенеш заявил: «Разве мы виноваты в том, что вынуждены так долго добиваться вашего признания? Почему в ситуации, когда мы неделями ждем ответов от вас, а вы до сих пор не назначили своего посла, и мы все еще имеем у вас статус временного правительства, нам надо отка-

зваться от русского предложения? В данном положении этого от нас никто не имеет права требовать. Более того, я попросил бы вас довести до сведения компетентных лиц, что нам очень тяжело в такой ситуации»⁴². Советское предложение заставило поторопиться и британское правительство. Министр иностранных дел А. Иден обещал Я. Масарику назначить посла при чехословацком правительстве через неделю⁴³.

16 июля 1941 г. посол СССР в Великобритании И. М. Майский передал президенту Э. Бенешу текст проекта советско-чехословацкого соглашения. Вопрос о национальном комитете в нем свимался, и на пути подписания соглашения не было препятствий⁴⁴. Начальник канцелярии Я. Смутный сделал в тот день восторженную запись в своем дневнике: «Сегодняшний день можно считать одним из самых знаменательных в политическом отношении: от Советского правительства поступило предложение о заключении межгосударственного соглашения, и правительство Великобритании приняло решение об урегулировании отношений с нами, о полном признании республики и назначении посланника. Об этом сообщил на приеме у короля Черчилль доктору Э. Бенешу»⁴⁵. Смутный отмечал, что «доктор Бенеш был достаточно зол на англичан за то, что они все еще медлят с признанием республики. Они признали нас как временное правительство, а речь идет о превращении его в постоянное. Признание русскими, о чем известно англичанам, оказывает давление на них, и, по всей вероятности, сообщение о нем будет опубликовано раньше, нежели об английском»⁴⁶. Президент распорядился немедленно готовить текст советско-чехословацкого соглашения к подписанию. Президент решил не показывать его премьер-министру Я. Шрамеку, так как опасался, что «он сначала упрятал бы это в стол на неделю и стал бы размышлять. Затем все будут говорить об этом, и мы ни к чему не придем»⁴⁷.

18 июля 1941 г. в Белом зале посольства СССР в Лондоне состоялось подписание советско-чехословацкого соглашения. С советской стороны его подписал посол И. М. Майский, с чехословацкой — министр иностранных дел Я. Масарик. В соглашении указывалось, что оба правительства обменяются посланниками, взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии. Правительство СССР дало также согласие на образование

па территории СССР чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначенным чехословацким правительством по согласованию с Советским правительством. В оперативном отношении чехословацкие воинские части на территории СССР подчинялись советскому Верховному командованию⁴⁸. Таким образом, в соглашении речь шла не о новом установлении дипломатических отношений между двумя странами, а о восстановлении отношений, временно прерванных. Советский Союз стал первым государством, которое без всяких условий признало независимость и целостность Чехословацкой республики в ее довоенных границах. «Благодаря этому соглашению, — указывал К. Готвальд, — Чехословакия снова вышла на международную арену как законно признанное самостоятельное государственное образование со всеми атрибутами государственного суверенитета»⁴⁹. Это же подчеркивал и Э. Бенеш: «СССР вновь признал республику полностью и без всяких оговорок в ее довоенном статусе»⁵⁰.

Советско-чехословацкое соглашение сыграло огромную роль в укреплении международных позиций Чехословацкого государства. Уже в день его подписания Я. Масарик посетил Форин оффис и продемонстрировал этот важнейший для Чехословакии документ А. Идену. При этом Масарик заметил, что британское правительство целый год откладывает признание чехословацкого правительства. А. Иден в этот же день в письме на имя Я. Масарика сообщил о назначении британского посланника при президенте Э. Бенеше, что означало окончательное признание чехословацкого правительства де-юре⁵¹. Однако это признание существенно отличалось от советского, ибо, во-первых, британское правительство вопрос о непрерывности существования Чехословацкого государства оставило «для рассмотрения в будущем в подходящий для этого момент», во-вторых, оно не брало на себя никаких обязательств в отношении будущих границ в Центральной Европе⁵².

Тем не менее это не помешало Э. Бенешу в выступлении по радио 26 июля 1941 г. поставить британское признание (он назвал его полным и окончательным, включая отказ от мюнхенского соглашения) на первое место, а советское на второе⁵³. Такое заявление, не соответствовавшее ни хронике событий, ни политическому значению актов, было откровенной ложью, сервильностью Э. Бенеша в отношении правящих кругов Великобрита-

нии. Заявление президента умаляло роль СССР в укреплении дипломатических позиций Чехословакии в антигитлеровской коалиции. Однако потуги Бенеша успеха не имели, так как его информация была дополнена на оккупированной территории Чехословакии сообщениями из других источников. Так, Ю. Фучик в одном из подпольных выпусков газеты «Руде право», вышедшем в конце июля 1941 г., писал: «В историю народа Чехословакии вписана новая дата: 18 июля. В этот день пополуночи советский посол в Лондоне Майский в качестве представителя правительства СССР и чехословацкий министр иностранных дел Ян Масарик от имени правительства Чехословацкой республики подписали соглашение... В тот же день в 4 часа по примеру Советского Союза (подчеркнуто нами. — *И. П.*) правительство Великобритании также заявило о признании... правительства самостоятельной и целостной Чехословацкой республики»⁵⁴.

США признали чехословацкое правительство в эмиграции 31 июля 1941 г. Ввиду того, что подписи представителя США не было под мюнхенским соглашением (тем не менее администрация Рузвельта ассистировала мюнхенцам), в американской ноте указывалось, что США не связаны никакими обязательствами по вопросу о границах Чехословакии. Посол США в Лондоне в ноте чехословацкому правительству о признании добавил приложение, в котором подчеркивалось, что «связи между нашими двумя правительствами не означают, что правительство США берет на себя какое-либо обязательство относительно границ ЧСР или юридической преемственности чехословацкого правительства во главе с д-ром Бенешем. Американское правительство считает, что еще не настало время для обсуждения этих двух пунктов»⁵⁵. Таким образом, из трех великих держав антигитлеровской коалиции только Советский Союз выступил за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах. Тем не менее международное признание, путь к которому открыло советско-чехословацкое соглашение от 18 июля 1941 г., способствовало укреплению позиций чехословацкого эмигрантского правительства, росту авторитета чехословацкого движения Сопротивления. Перспектива восстановления Чехословацкой республики в ее домюнхенских границах была подтверждена Советским Союзом как одна из целей антигитлеровской коалиции в войне.

Подписание в Лондоне в июле 1941 г. советско-чехословацкого соглашения получило широкий отклик в Советском Союзе. Советская пресса широко информировала своих читателей об этом событии как о факте укрепления антифашистских сил, активных и успешных усилий советской дипломатии в создании и укреплении антигитлеровской коалиции. 21 июля 1941 г. газета «Правда» опубликовала статью под названием «Чехословакия в борьбе за свою независимость». В статье говорилось об усилении сопротивления чешского и словацкого народов фашистским поработителям: «Народы Чехословацкой республики знают, что Отечественная война, которую ведет Советский Союз против Гитлера, несет помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма, вдохновляет их на активную борьбу против фашистских захватчиков»⁵⁶. Советское радио также сообщило о заключении соглашения и широко комментировало его как важное событие дипломатической жизни. Особое внимание уделялось этому акту в радиопрограмме для заграницы, и в первую очередь в вещании на Чехословакию⁵⁷.

Заключение соглашения оказало большое влияние на консолидацию сил в чехословацком движении Сопротивления. Оно прежде всего открыло путь к сотрудничеству двух основных течений — коммунистического и некоммунистического. Руководство КПЧ предложило платформу для совместной борьбы всех слоев нации, которые выступают против фашизма, — идею национального фронта, включавшего пролетариат, интеллигенцию, крестьянство, мелкую буржуазию и ту часть буржуазных слоев, которая готова была бороться с гитлеризмом⁵⁸. Компартия подчеркивала, что борьба против оккупантов должна вестись решительными методами, она призвала расширить акции саботажа и диверсий.

Э. Бенеш вынужден был считаться с возросшим авторитетом коммунистов, признать заграничное руководство КПЧ в Москве равноправным вторым центром движения Сопротивления и вступить с ними в переговоры об участии коммунистов в Государственном совете и других чехословацких эмигрантских органах в Лондоне. В результате коммунисты получили шесть мест в Государственном совете и одно место в редакции радиопередач, созданной при министерстве иностранных дел. Членами Государственного совета стали В. Носек, А. Годинова-Спурна, Й. Вало, К. Крейбих, И. Петруцак. Представителем чехословацкой группы эмигрантов в СССР и Государст-

венном совете стал Б. Врбенский⁵⁹. Количество мест, предоставленных коммунистам в эмигрантских органах, не отвечало влиянию КПЧ на оккупированной территории республики и роли в движении Сопротивления. Но для коммунистов в данный момент важна была демонстрация единства всех антифашистских сил. Кроме того, участие в представительных органах эмиграции давало возможность оказывать воздействие на внешнеполитический курс эмигрантского правительства, прежде всего в направлении укрепления его связей с СССР. В СССР компартией были созданы радиостанции «За национальное освобождение» и «За словацкую свободу» для связи с оккупированной страной⁶⁰. Коммунисты вступили также в чехословацкие военные формирования в Англии.

После подписания соглашения Э. Бенеш дал указания своим сторонникам в движении Сопротивления в «протекторате» к установлению связи с коммунистами. Наряду со стремлением к единству рядов движения Сопротивления президент преследовал и другую, более важную для него цель — установить контроль над коммунистическим подпольем и сохранить свою руководящую роль в Сопротивлении. Но в том, что касается практических действий организаций Сопротивления, эмигрантское правительство придерживалось прежней линии пассивного выжидания, выступало против форм активной борьбы, отвергало требования СССР об активизации диверсионной работы.

Несмотря на сдерживающие инструкции из Лондона, волна сопротивления нацистским оккупантам в чешских землях после нападения Германии на СССР возрастает. В Праге, Кладно, Моравской Острове бастуют рабочие крупнейших заводов, широкое распространение получает лозунг «Работай медленно». Множатся случаи саботажа и диверсий. По данным оккупационных властей, производительность труда чешских рабочих к осени 1941 г. упала на 15—20 %. И хотя движение Сопротивления в Чехии и Моравии не приняло таких форм, как в Польше, Югославии, Греции, тем не менее в летние месяцы 1941 г. оно развивалось скорее в направлении, определенном коммунистами, а не Лондоном и подчиненным ему ЦРДС. Призыв коммунистов к решительной борьбе с оккупантами и пример боровшегося советского народа были сильнее увещаний Бенеша «сохранять хладнокровие»⁶¹. Просоветские симпатии охватили в той или иной мере практически все слои чешского народа, нередкими

они были и в Словакии, марионеточные правители которой объявили Советскому Союзу войну⁶². Вера в неизбежное поражение нацистов обрела твердую почву и сближала всех патриотов: коммунистов, социалистов, националистов, рабочих, крестьян, буржуа. Одни уповали на жизненную силу нового социалистического государства, другие — на извечный оплот славянства.

В этой ситуации происходит сближение двух центров подпольного движения Сопротивления, ЦК КПЧ и руководства ЦРДС. Коммунисты выдвинули лозунг единения всех сил Сопротивления для борьбы против нацистских работодателей. Руководство некоммунистического крыла движения Сопротивления также понимало необходимость сотрудничества с коммунистами. Переговоры были трудными, прежде всего по вопросу о создании руководящих органов. Представители ЦРДС отвергли предложение коммунистов о создании единых руководящих органов движения Сопротивления на всех его ступенях — так называемых национально-революционных комитетов. В октябре 1941 г. в одном из номеров газеты «Руде право» были опубликованы сообщения о создании единого руководящего органа движения Сопротивления и призыв к созданию национальных комитетов⁶³. Однако именно в тот период в «протекторате» было объявлено чрезвычайное положение и гестапо нанесло чувствительный удар по чешскому подполью. Особенно пострадала плохо законспирированная сеть ЦРДС, поэтому работа по созданию единого руководящего органа и национальных комитетов на местах на некоторое время была приостановлена. Тем не менее это событие сыграло важную роль в чешском движении Сопротивления, поставив на повестку дня проблему тесного сотрудничества различных его течений.

Полоса международного признания Чехословакии, начатая советско-чехословацким соглашением от 18 июля 1941 г., означала серьезный удар по клерофашистскому режиму людаков в Словакии, обозначив новую перспективу чехословацкой государственности. Участие в войне против Советского Союза вызвало важные изменения в Словацком «государстве». Был усилен террор против антифашистов, проведены массовые аресты, в первую очередь коммунистов, введены «превентивное» заключение в концлагере в Илаве и смертная казнь за «антигосударственные преступления», т. е. за поддержку движения Сопротивления⁶⁴.

Участие словацких солдат в войне против СССР противоречило растущим просоветским настроениям в Словакии и широкому распространению идеи славянской взаимности, имевшей давнюю традицию⁶⁵. Неудивительно поэтому, что уже во время первого боя на Восточном фронте, 22 июля 1941 г., часть словацких военнослужащих перешла на сторону Красной Армии⁶⁶. Милитаризация и централизация управления народным хозяйством, проведенные импровизированно, без опытного аппарата, привели к хаосу в обеспечении, к коррупции на всех уровнях управления и вызвали резкое недовольство в среде рабочих, средних и бедных слоев крестьянства, для которых обязательные поставки превратились в реквизиции, поскольку откупиться они, в отличие от богатых крестьян, не могли. Мелкое и среднее крестьянство начинает скрытую войну с государственными органами, всячески саботируя предписания об «управляемом» сверху хозяйстве. Растет черный рынок, выгодами которого пользуются богатая часть села, людацкое чиновничество, мелкая городская буржуазия.

Новая международная ситуация требовала от словацких коммунистов определения новой тактики и стратегии. Их ответом на нападение гитлеровской Германии на СССР было усиление борьбы против фашистского режима, против участия Словакии в войне, создание в Восточной и Центральной Словакии вооруженных групп. Однако ясных стратегических целей руководство КПС (второй подпольный ЦК КПС — Я. Осога, О. Крайняк, В. Шкробала) тем не менее не имело. Возникновение антигитлеровской коалиции требовало внести коррективы в программу антифашистской борьбы, в представления о будущем Словакии, но Компартия Словакии, действовала в то время в крайне трудных условиях и не имела связи ни с Московским руководством КПС, ни с руководством Коминтерна, оставаясь на прежних политических позициях. Последнее касалось и понимания роли СССР в войне. Освободительные задачи Советского Союза интерпретировались словацкими коммунистами только в смысле социального освобождения⁶⁷.

Коммунистическая партия Словакии выступила в поддержку советско-чехословацкого соглашения от 18 июля 1941 г., однако при этом не отказывалась от своей оценки политической программы чехословацкого эмигрантского правительства. Подпольный орган ЦК КПС газета «Глас люду» писала в сентябре 1941 г.: «Нет ли в полити-

ке КПС противоречия, когда она, с одной стороны, выступает за право на самоопределение, а с другой — поддерживает соглашение СССР с правительством, нынешний состав которого никак не гарантирует справедливое решение словацкой проблемы?»⁶⁸ Отвечая на этот вопрос, автор статьи указывал, что словацкие коммунисты не отрывают национальный вопрос от вопроса о пролетарской революции, ибо полное национальное и социальное освобождение Словакии может быть осуществлено только в результате такой революции. «В настоящее время мы должны учитывать соотношение сил в борьбе между капитализмом и социализмом в еще большей мере, чем после первой мировой войны, и проблему решения национального вопроса ставить таким образом, чтобы всегда и при всех обстоятельствах укреплять позиции Советского Союза, чтобы тем самым ускорить победу пролетарской революции и обеспечить себе национальное и социальное освобождение... Соглашение Советского Союза с правительством ЧСР в эмиграции мы понимаем не как соглашение с правительством будущего государства с определенными границами и определенным режимом, созданного без прямого участия и волеизъявления трудящихся Словакии, а как соглашение, которое создает основу для совместной борьбы чехов и словаков против общего врага... Словацкий народ после освобождения от фашистского ига решит сам, как ему жить, в самостоятельном ли государстве, автономном или в федеративном союзе с братским чешским народом»⁶⁹.

Такая интерпретация советско-чехословацкого соглашения от 18 июля 1941 г. немногим отличалась от прежнего, к тому времени устаревшего лозунга КПС «За советскую Словакию». Однако это нельзя рассматривать только как субъективные ошибки руководства КПС и лично члена ЦК Я. Осоги — автора указанного лозунга.

Идейно-политическая ситуация в словацком движении Сопротивления была сложнее, чем в чешском. Изменения положения чехословацкого эмигрантского правительства на международной арене, признание его Советским Союзом; установление сотрудничества между ним и коммунистами не воспринимались так однозначно в Словакии, как в чешских землях. Для словацких коммунистов оставался неясным целый ряд вопросов, например вопрос о том, какая Чехословакия признана в качестве члена антигитлеровской коалиции — прежняя, доюнхенская, за которую выступало эмигрантское правительство, или

другая. Домюнхенский буржуазный режим с его чехословацким централизмом в Словакии вообще и в среде словацких коммунистов в частности был непримлем. А возможность трансформации программы эмигрантского правительства Э. Бенеша в социальном и национальном отношениях в направлении кристаллизации прогрессивной модели чехословацкой государственности летом 1941 г. была еще слишком туманна.

Постепенно с получением руководством КПС более точной и широкой информации из московских радиопередач руководства КПЧ о сущности антигитлеровской коалиции, задачах чешского и словацкого движения Сопротивления концепция словацких коммунистов меняется, приближаясь к выдвинутым Коминтерном и поддерживаемым заграничным руководством КПЧ ⁷⁰.

Таким образом, подписание соглашения оказало огромное влияние на расстановку политических сил в чешском и словацком движении Сопротивления, способствовало укреплению его левого крыла, заставило все группы, участвовавшие в движении, определить программные цели и, наконец, создало предпосылки к созданию единого национального фронта в борьбе против фашистских поработителей.

**Планы переустройства Центральной Европы
и их отражение в отношениях между ЧСР и СССР
в 1941—1942 гг.**

**Формирование чехословацкой воинской части
на территории СССР**

Вступление Советского Союза во вторую мировую войну и изменение в связи с этим ее характера оказали определяющее влияние не только на ход мировых событий, в частности на планы ведения войны всеми ее участниками, но и потребовали выработки целей войны и программы послевоенного устройства.

Для будущего Чехословакии и советско-чехословацких отношений наибольшее значение имели планы послевоенного переустройства Центральной Европы, выдвинутые основными участниками антигитлеровской коалиции. Уже в обращении к советскому народу председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г. указывалось: «Целью этой всепародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является

не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»⁷¹. О стремлении СССР оказать помощь поработанным странам Европы в восстановлении их независимости говорили также соглашения, подписанные между СССР и эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии в июле 1941 г.

Коренное изменение международной обстановки в связи со вступлением Советского Союза во вторую мировую войну потребовало также от США и Англии пересмотра их планов ведения войны, согласования внешнеполитического курса и определения целей. Эти вопросы рассматривались на американо-английской конференции с участием президента США Ф. Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Она проходила 9—12 августа 1941 г. в Ардженшии (Ньюфаундленд) и получила название Атлантической. На конференции руководителей США и Великобритании 14 августа были приняты и опубликованы «некоторые общие принципы национальной политики их стран», известные как Атлантическая хартия. В Атлантической хартии указывалось, что США и Великобритания не стремятся к территориальным или иным приобретениям, не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выработанным желанием заинтересованных народов. Президент США и премьер-министр Великобритании признавали «право всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить», обещали содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»⁷².

Отношение Советского правительства к Атлантической хартии было изложено в специальной декларации, оглашенной советским послом в Великобритании 24 сентября 1941 г. на конференции в Лондоне. В декларации указывалось, что все народы и государства, вынужденные вести навязанную им войну против гитлеровской Германии, должны добиваться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать все силы для наиболее полного решения этой задачи. Касаясь проблемы послевоенного устройства мира, в частности вопроса о восстановлении суверенных прав народов, Советское правитель-

ство заявило: «Советский Союз осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов. Советский Союз в своей внешней политике руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций... Исходя из этого принципа, Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны»⁷³.

Таким образом, Советское правительство в своей декларации решительно выступило против фашистской перекройки мира, за государственную независимость и суверенитет всех поработанных народов. Важнейшие вопросы послевоенного устройства мира были поставлены в советской декларации значительно шире, чем в соответствующих пунктах Атлантической хартии. В качестве одного из главных условий длительного и прочного мира после разгрома фашистских агрессоров Советским правительством вновь была выдвинута идея коллективной безопасности, которую СССР последовательно отстаивал накануне войны.

Осуществление Советским правительством на практике принципа солидарности с освободительной борьбой поработанных гитлеровской Германией народов, решительная поддержка их права на независимость и территориальную неприкосновенность в послевоенном мире имели первостепенное значение для Чехословакии и, как полагали чехословацкие коммунисты, должны были способствовать дальнейшему укреплению связей между чехословацким эмигрантским правительством и СССР. Однако этого не произошло. Соглашение от 18 июля 1941 г. для Э. Бенеша и всей чехословацкой буржуазной эмиграции в Лондоне, несмотря на его помощь в укреплении позиции правительства ЧСР, было только урегулированием отношений с великой державой, воюющей против гитлеровской Германии, однако не означало изменения внешнеполитической ориентации Чехословакии⁷⁴. Неудачи Красной Армии летом 1941 г., как явствует из выступлений Э. Бенеша в программах лондонского радиовещания на Чехословакию, укрепляли уверенность президента в конечной победе в войне США и Великобритании. Эта победа, по мнению Бенеша, должна была предотвратить

революционно-демократические преобразования в странах Центральной Европы ⁷⁵. Тот факт, что Бенеш и вся чехословацкая буржуазная эмиграция, несмотря на горький опыт Мюнхена, игнорирование эмигрантского правительства в 1939—1941 гг., упорно следовали политике Запада, был не только отражением их зависимости от США и Великобритании, но и выражением их классовых интересов. В рамках этой политики, за пределы которых Э. Бенеш боялся сделать лишний шаг, он и чехословацкое эмигрантское правительство были не только объектом, но и в определенной мере и субъектом этих отношений. Такая классовая установка сделала Э. Бенеша одним из исполнителей английских планов создания в Центральной и Юго-Восточной Европе межгосударственных объединений под эгидой США и Великобритании ⁷⁶.

Летом и осенью 1941 г. шла форсированная подготовка подписания документов о польско-чехословацкой конфедерации. Памятуя об отрицательном отношении к идее конфедерации с Польшей в кругах движения Сопротивления на оккупированной территории страны и в среде левых сил эмиграции, Э. Бенеш попытался заручиться если не поддержкой, что было маловероятно, то хотя бы нейтралитетом СССР в вопросе о конфедерации. По этой проблеме советских представителей в общей форме информировал, согласно инструкции Э. Бенеша, чехословацкий посланник З. Фирлингер, который прибыл в Москву в конце августа 1941 г. В беседе с заместителем наркома по иностранным делам А. Я. Вышинским он сказал, что чехословацкое правительство «хочет решить спорные с Польшей вопросы, сблизиться с ней и установить дружественные отношения с польским народом после войны»⁷⁷. А. Я. Вышинский, по словам Фирлингера, одобительно отозвался о данных планах.

Со стороны Э. Бенеша это было расценено как одобрение Советским правительством плана польско-чехословацкой конфедерации, хотя оснований для такого вывода, как показало дальнейшее развитие событий, не было. 19 января 1942 г. была подписана декларация о польско-чехословацкой конфедерации ⁷⁸. Создавалась реальная угроза, что Чехословацкая республика, не успев возродиться, утратит суверенное право принимать самостоятельные решения по наиболее существенным проблемам государственной политики, которые должны были стать компетенцией совместных органов конфедерации. Осуществление этого проекта означало бы установление конт-

роля польских консервативных сил в конфедерации, что неизбежно привело бы к сдвигу во внутренней и внешней политике Чехословакии. Польско-чехословацкая конфедерация, несмотря на ее антигерманскую направленность, была бы союзом реакционных сил польской и чехословацкой буржуазии, направленного против любых изменений социального и политического порядка в Центральной Европе. Этого как раз и добивались инициаторы и покровители конфедерации, т. е. правящие круги Великобритании и США.

Подписание декларации о польско-чехословацкой конфедерации вызвало волну возмущения демократических сил как в среде чехословацкой эмиграции, так и на оккупированной территории страны. Резко отрицательную позицию к плану конфедерации заняла КПЧ. Ее представители подчеркивали в Государственном совете, в прессе и на собраниях, что конфедерация «является переальным балластом, реквизитом вчерашнего дня». Чехословацкие коммунисты указывали, что безопасность и суверенитет Чехословакии могут быть обеспечены только в тесном сотрудничестве с СССР⁷⁹.

Советское правительство не считало необходимым открыто высказывать свое отношение к декларации о польско-чехословацкой конфедерации. Положение на фронте не предвещало скорого окончания войны, и спор по поводу проектов конфедерации мог только осложнить и без того непростые отношения между участниками антигитлеровской коалиции. Вместе с тем полное игнорирование советской прессой факта подписания декларации говорило само за себя. И это прекрасно понимали чехословацкие дипломаты в Москве, информировавшие Э. Бенеша о данном факте.

Советские дипломаты в Лондоне — посол СССР в Великобритании И. М. Майский и посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов — на запросы представителей чехословацкого эмигрантского правительства отвечали сдержанно. Последний в беседе с Г. Рипкой заявил, что в Европе происходят такие изменения, последствия которых трудно предсказать, поэтому нужно быть крайне осторожными в вопросах о будущем устройстве на континенте. Сославшись на высказывание Э. Бенеша, А. Е. Богомолов подчеркнул, что решающее слово по проблемам государственного устройства остается за народными массами после освобождения⁸⁰. В целом отрицательное отношение СССР к декларации о польско-

чехословацкой конфедерации было для чехословацких представителей достаточно ясным.

В июне 1942 г. в связи с подписанием советско-английского договора о союзе в войне против гитлеровской Германии в Лондон прибыл нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. Между ним и Э. Бенешем состоялась встреча, во время которой среди прочих вопросов была обсуждена проблема польско-советских отношений и польско-чехословацкой конфедерации. В. М. Молотов изложил Э. Бенешу состояние отношений СССР с польским эмигрантским правительством, которому, как он подчеркнул, доверять нельзя. В связи с этим он выразил недоумение по поводу планов чехословацкого правительства о создании польско-чехословацкой конфедерации. Э. Бенеш пытался обосновать действия чехословацкой стороны геополитическими соображениями. Чехословакия, по его словам, имеет в качестве соседей Германию, Австрию и Венгрию, ввиду чего соглашение с Польшей для нее жизненно необходимо. Кроме того, чехословацкая сторона, как подчеркнул Бенеш, выдвинула три условия, которые должны быть выполнены, прежде чем будет осуществлен план конфедерации: 1) за границей подготовят только проект конфедерации, утверждена же она будет только после освобождения путем голосования; 2) в Польше должна быть изменена социальная структура и приближена к чехословацкой; 3) Польша должна решить все свои спорные вопросы с СССР и установить с ним дружественные отношения⁸¹. Такие объяснения Бенеша не устранили недоверия В. М. Молотова, ведь к тому времени отношения СССР с польским эмигрантским правительством были уже напряженными⁸². Предположение об эволюции польского консервативного правительства влево было перереальным.

Летом 1942 г., в самый трудный для Советского Союза момент немецкого наступления на юг, польское эмигрантское правительство приняло решение о выводе сформированной на территории СССР польской армии на Ближний Восток⁸³. И если до сих пор советские представители старались не высказывать своего отрицательного отношения к планам польско-чехословацкой конфедерации, то в дальнейшем они его не скрывали. Этому способствовало и охлаждение отношений между СССР и западными союзниками, отказавшимися от открытия второго фронта летом 1942 г., что было не чем иным, как выражением антисоветской политики. Поэтому уже в середине июля 1942 г.

советский посол А. Е. Богомолов в беседе с чехословацким генералом Р. Виестом резко осудил чехословацко-польское сближение⁸⁴. Министру иностранных дел Я. Масарику Богомолов также заявил, что Советский Союз выступает против сближения Чехословакии с Польшей⁸⁵. В беседе с Бенешем 14 августа 1942 г. он отверг аргументацию о том, что Польша нужна Чехословакии для обеспечения ее безопасности, и решительно заявил: «Германия будет побеждена и вряд ли уже когда-нибудь поднимется вновь. Но если бы это даже случилось, то никакое сотрудничество с Польшей вам бы не помогло. Всю необходимую помощь вам окажет только Советский Союз, который будет соседом Чехословакии»⁸⁶.

Важной задачей чехословацкого правительства оставалась ликвидация последствий Мюнхена, и в этом оно могло опереться лишь на поддержку Советского Союза, который никогда не признавал мюнхенского соглашения и выступал за безоговорочное восстановление Чехословакии в границах, существовавших до сентября 1938 г. Противопоставляя ясную позицию Советского Союза уклончивой позиции правящих кругов Великобритании, представители чехословацкого эмигрантского правительства всячески убеждали их сделать заявление о ликвидации Мюнхена, ибо этого требовали, по их словам, и британские интересы. «Если этого не произойдет,— подчеркивал министр Г. Рипка в беседе с послом Великобритании при чехословацком правительстве Б. Никольсом, — то ни один из чехословацких министров иностранных дел не будет в состоянии убедить чехословацкий народ в необходимости и выгоды сотрудничества с Англией и Западом»⁸⁷. Раскрывая сущность внешней политики чехословацкого эмигрантского правительства, Г. Рипка сказал: «Естественно, мы не можем отклонять помощь того, кто готов поддержать основные наши требования, и мы, естественно, рады, что русские признают Чехословакию без каких-либо оговорок. Однако мы заинтересованы в том, чтобы не быть вынужденными опираться на русских и прежде всего на русских, так как мы в такой же мере хотим опираться на Англию. Мы не желаем, чтобы Россия приобрела одностороннее преимущественное влияние в Чехословакии, так как мы сознаем все далеко идущие последствия, которые бы из этого возникли не только для нас, но и для всей европейской мировой политики»⁸⁸.

Только после нового заявления советского представителя от 4 июня 1942 г. о том, что «СССР выступает за

полное восстановление Чехословакии в тех границах, которые существовали до Мюнхена»⁸⁹, британское правительство вынуждено было заявить, что считает себя свободным от каких-либо обязательств в отношении мюнхенского соглашения. Однако при этом оно оставляло открытым до окончания войны вопрос о признании до-мюнхенских границ Чехословакии, чтобы иметь возможность оказывать давление на чехословацкое правительство⁹⁰.

Развитие событий на советско-германском фронте во второй половине 1942 г. возбудило надежды реакционеров в среде буржуазных эмигрантских правительств в Лондоне, что Советский Союз, если даже и выстоит в противоборстве с гитлеровской Германией, то серьезное влияние на послевоенное урегулирование в Европе оказывать не сможет. Под влиянием этих настроений президент Э. Бенеш отменяет свою планировавшуюся еще в мае 1942 г. поездку в Москву, прекращает начавшиеся было переговоры о сотрудничестве с находившимся в СССР руководством КПЧ⁹¹. Вновь происходит оживление переговоров о чехословацко-польском сближении, на сей раз в форме союзного соглашения⁹². С советской стороны это было расценено как очередная попытка осуществления планов чехословацко-польской конфедерации, направленной против СССР⁹³. Не было также недостатка в критике внешнеполитической деятельности эмигрантского правительства со стороны движения Сопротивления в оккупированной стране. Демократическая общественность Чехословакии возмущалась тем, что правительство идет на поводу у англичан и оказывает поддержку антисоветски настроенному польскому эмигрантскому правительству.

В ноябре 1942 г. Г. Риска писал польскому министру: «Чехословацкая общественность... испытывает опасения, когда Советский Союз ставят на одну доску с преступной нацистской Германией и когда говорят о создании барьера между Германией и СССР»⁹⁴. Одновременно с усилением антисоветской кампании польская эмиграция настаивала на сохранении за Польшей тех земель, которые были отторгнуты от Чехословакии после Мюнхена⁹⁵. Все это окончательно дискредитировало как конфедерацию, так и идею союзного соглашения с реакционным польским правительством. Боясь оказаться в изоляции в условиях радикализации рядов чехословацкого движения Сопротивления после убийства гитлеровского «протекто-

ра» Р. Гейдриха и последовавшего за этим террора в оккупированной стране, Э. Бенеш отмежевывается от антисоветского курса польской реакции, что наглядно проявилось в различии судеб польских и чехословацких воинских формирований на территории СССР в 1942 г.

* * *

Создание чехословацких воинских частей на территории СССР было предусмотрено советско-чехословацким соглашением от 18 июля 1941 г. Однако эмигрантское правительство не спешило приступить к их формированию, а когда оно началось, всячески тормозило рост воинского контингента в надежде на то, что он станет чисто символическим. Так, 10 августа 1941 г. начальник чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пика сообщал Э. Бенешу в Лондон: «Что касается организации воинских частей, то я не слишком настаивал на ускорении практического осуществления соответствующего пункта соглашения об официальном признании, ибо надо выиграть время и сохранить наших людей для акции дома»⁹⁶. Примечательно, что военное соглашение между верховным командованием СССР и верховным командованием Чехословакии было подписано 27 сентября 1941 г. по настоянию советской стороны, так как военный представитель чехословацкого эмигрантского правительства всячески стремился затянуть подписание этого документа, который определял статус воинской части на территории СССР⁹⁷. 22 января 1942 г. было подписано соглашение о предоставлении Советским правительством беспроцентного займа в размере 5 млн рублей для содержания чехословацкой воинской части⁹⁸.

Только в феврале 1942 г. фактически началось формирование в городе Бузулуке Оренбургской области чехословацкого батальона. Его ядро составила небольшая группа чехословацких граждан (88 человек). Это была часть чехословацкого формирования, которое под командованием подполковника Л. Свободы в сентябре 1939 г. перешло с территории Польши на территорию СССР⁹⁹. Большое внимание чехословацкой военной части уделяло руководство КПЧ. 8 марта 1942 г. им была принята «Директива о работе коммунистов в чехословацкой бригаде на территории СССР»¹⁰⁰. Уже само название директивы говорило о том, что в отличие от эмигрантского правительства руководство КПЧ считало необходимым созда-

ние полноценной, боеспособной бригады, а не символического батальона. Весной 1942 г. для политической работы среди чехословацких воинов в батальон были направлены опытные партийные работники — Ярослав Прохазка, Богуслав Врбенский, Ченек Грушка, Йозеф Штетка, Иван Туряница и др. Я. Прохазка, которому было поручено руководить партийной организацией чехословацких воинов, перед отъездом в Бузулук был принят Георгием Дмитриевым и Яном Швермой. Они дали ему ряд директивных указаний о цели и формах политической работы¹⁰¹. Перед коммунистами чехословацкой части в СССР была поставлена задача бороться за создание боеспособной воинской части, бойцы которой должны быть воспитаны в демократическом и антифашистском духе на лучших революционных традициях чешского и словацкого народов, всемерно крепить чехословацко-советскую дружбу.

Бойцов воинской части по приглашению ее командира подполковника Л. Свободы 27 мая 1942 г. посетил К. Готвальд. Выступая на митинге перед воинами, Готвальд говорил о задачах организации всенародной борьбы против нацистских захватчиков, о перспективах освобождения Чехословакии, о значении советско-чехословацкой дружбы и совместных боевых действий советских и чехословацких воинов¹⁰². К. Готвальд, как отмечал Л. Свобода, «оказал влияние на всю дальнейшую политическую ориентацию солдат и офицеров части. Этот визит значительно укрепил и углубил сотрудничество между командованием и Заграничным руководством КПЧ», что в свою очередь вызвало острые трения между командованием части и чехословацкой военной миссией¹⁰³.

В конце июня — начале июля 1942 г. в Советский Союз совершил поездку министр национальной обороны Чехословакии генерал С. Ингр. Официально она мотивировалась необходимостью проинспектировать чехословацкую воинскую часть в СССР. «Советские руководители, — писал в своих воспоминаниях чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер, — ожидали, что Ингр привезет какие-то конкретные проекты более тесного сотрудничества, направленного на усиление нашего Сопротивления на родине и улучшение организации разведывательной службы»¹⁰⁴. Однако во время переговоров Ингр был чрезвычайно сдержан и его визит не произвел на Москву особо приятного впечатления, хотя он и заявил, что чехословацкая воинская часть будет воевать на стороне Красной Армии¹⁰⁵.

Однако, когда 28 августа 1942 г. командир 1-го чехословацкого батальона в СССР подполковник Л. Свобода обратился с письмом к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с просьбой об отправке батальона на фронт это вызвало резко отрицательную реакцию со стороны Ингра. Л. Свободе было указано на «нарушение субординации»¹⁰⁶. И тем не менее эмигрантское правительство в Лондоне не последовало совету британских властей, предлагавших вывести чехословацкую воинскую часть с территории СССР на Ближний Восток, как это сделали поляки¹⁰⁷.

В конце 1942 — начале 1943 г. чехословацкая воинская часть значительно расширяется за счет закарпатских украинцев, прибывавших в Бузулук из лагерей НКВД. В 1939 г. после оккупации Закарпатской Украины хортистской Венгрией одной из форм сопротивления на Закарпатье стал массовый переход советской границы в Карпатах, главным образом молодежи, избегавшей мобилизации в хортистскую армию, в «трудовые отряды» и т. д. Закарпатская молодежь бежала в Советский Союз в тот период с твердой уверенностью, что она вступит в ряды Красной Армии, которая освободит Закарпатье. Такое представление было широко распространено не только в Закарпатье, но и в Восточной Словакии в среде украинского населения после воссоединения Западной Украины с Советской Украиной осенью 1939 г.

К сожалению, последствия оказались для закарпатских беженцев трагичными. Все переходившие границу СССР в 1939—1941 гг. в соответствии с практикой периода культа личности были осуждены на длительные сроки и отправлены в лагеря НКВД на север и восток СССР. Несмотря на очевидную несправедливость, закарпатские украинцы и в тех труднейших условиях в лагерях честно выполняли свои трудовые задания, веря в скорое освобождение и реабилитацию¹⁰⁸. Но берневские органы не только не рассматривали дела ни в чем не повинных политических эмигрантов, но даже после освобождения в 1941 г. интернированных чехословацких граждан чешской, словацкой и еврейской национальности закарпатские украинцы по-прежнему оставались в заключении. Сотрудники НКВД объясняли это их неблагонадежностью¹⁰⁹. Чехословацкие дипломатические представители неоднократно обращались в советские органы с просьбами освободить интернированных закарпатских украинцев как чехословацких граждан, чтобы они могли вступить в

чехословацкую воинскую часть на территории СССР¹¹⁰. Только в конце 1942 г. закарпатские украинцы были амнистированы и освобождены из лагерей. В результате в 1942—1943 гг. в чехословацкую воинскую часть влилось 2860 закарпатцев, т. е. свыше 80 % ее состава в тот период¹¹¹.

Факт пребывания закарпатских украинцев в заключении в лагерях эмигрантское правительство и его военная миссия в СССР решили использовать как свой политический капитал. В окружении Э. Бенеша считали, что национальная и социальная ориентация закарпатских украинцев в период нахождения в лагерях НКВД притупилась и они, будучи ядром чехословацкой воинской части в СССР, станут надежным орудием в руках эмигрантского правительства как в настоящем, так и в будущей освобожденной Чехословакии. Эта мысль четко прослеживается в обращении к закарпатцам начальника чехословацкой военной миссии в СССР полковника Г. Пики: «Все вы пережили много трудностей, которые несет с собой война, и у многих из вас могут быть субъективно неприятные воспоминания. В настоящее время, когда вы находитесь в братском союзе чехословацкой армии, забудьте о своем горе. Если у вас сложилось впечатление, что мы о вас забыли, то это неверно... Мы сделали все, чтобы удовлетворить вашу просьбу о принятии в чехословацкую воинскую часть»¹¹².

Иной была позиция чехословацких коммунистов в отношении закарпатских украинцев. Оценивая ситуацию в чехословацком батальоне в Бузулуке, майор Б. Врбенский в письме К. Готвальду от 6 марта 1943 г. писал: «Совершенно иной будет ситуация, когда туда придут карпаторусины-пролетарии. С самого начала я отстаивал идею организации воинской части из карпаторусинов, исходя из следующих соображений: 1) мы получим молодой, преимущественно пролетарский элемент, способный воевать вместе с Красной Армией или где-нибудь в другом месте; 2) вытаскиваем их из лагерей, где, несмотря на закалку горцев, здоровье их может сильно пострадать, что отрицательно скажется и на силе Подкарпатской Украины, без учета того, куда они организационно примкнут после разгрома гитлеризма»¹¹³. Благодаря участию командира части Л. Свободы, неустанной воспитательной работе капитана Я. Прохазки и других коммунистов у молодых бойцов закарпатцев вскоре удалось преодолеть чувство обиды и унижения, вынесенное ими из лагерей,

сделать из них убежденных борцов против нацистских агрессоров. Если говорить в целом о ситуации в чехословацкой воинской части в СССР, то можно констатировать, что уже в 1942 г., находясь в подчинении чехословацкого эмигрантского правительства, они фактически вышли из-под его идейного влияния. Невзирая на всяческое противодействие чехословацкой военной миссии во главе с полковником Г. Пикой, командованию части при активном содействии чехословацких коммунистов удалось в короткий срок создать из разновозрастного, разнородного по политическим убеждениям, социальному и национальному происхождению личного состава боеспособную воинскую часть на территории СССР. С этим вынуждены были считаться президент Э. Бенеш и его окружение.

Борьба в чехословацком движении Сопротивления за укрепление союзных отношений с СССР.

Подписание советско-чехословацкого договора
12 декабря 1943 г.

Радикальное изменение положения на советско-германском фронте на рубеже 1942—1943 гг. после решающей победы Красной Армии под Сталинградом высоко подняло международный и военный престиж Советского государства. Сталинградская битва оказала огромное влияние на дальнейший ход всей второй мировой войны, а также на систему международных отношений. Международный авторитет СССР настолько возрос, что без Советского Союза и тем более вопреки его интересам уже нельзя было решать вопросы послевоенного урегулирования в Центральной Европе. Эмигрантские лидеры чехословацкой буржуазии понимали, что это хоть и неприятный для них, но непреложный факт международной действительности.

Уже в 1942 г. в ходе дипломатической борьбы по проблемам создания конфедераций в Центральной и Юго-Восточной Европе стало ясно, что Советский Союз последовательно и неуклонно выступает за восстановление независимых государств этого региона. А после Сталинградской битвы, когда инициатива на фронте перешла к Красной Армии, буржуазные деятели Чехословакии, как писал Г. Ринка, пришли к окончательному выводу: «Мы не можем ни поддерживать, ни признавать какую-либо комбинацию в Центральной Европе, которая была бы прямо или косвенно направлена против России»¹¹⁴.

К тому же итоги четырех лет дипломатической борьбы чехословацкого эмигрантского правительства на Западе были неутешительны. Признание его было достигнуто только с помощью Советского Союза, устранения последствий мюнхенского соглашения оно добилось также благодаря усилиям советской дипломатии. В то же время перешенными или неясными оставались вопрос восстановления государства чехов и словаков в довоенных границах, вопрос единства будущей республики, а также вопрос национальных меньшинств, в частности проблема выселения немецкого меньшинства. Прогрессивные силы страны, всех чехословацких патриотов более всего беспокоила проблема обеспечения послевоенной безопасности Чехословакии, которая могла быть решена, как показал трагический опыт Мюнхена и войны, только в тесном сотрудничестве с СССР — решающей силой в борьбе против гитлеровской Германии. Нерешенность указанных проблем особенно остро воспринимали участники движения Сопротивления в оккупированной Чехословакии. Они оказывали сильное давление на Э. Бенеша и эмигрантское правительство в Лондоне с тем, чтобы решить наконец эти жизненно важные для Чехословакии вопросы в полном соответствии с ее национально-государственными интересами. Игнорировать выдвигавшиеся требования Э. Бенеш не мог, так как ему хорошо был известен сдвиг влево в движении Сопротивления на оккупированной территории страны и затягивание с вопросом установления союзных отношений с СССР могло обернуться для него морально-политическим поражением.

Такое развитие событий привело к тому, что Э. Бенеш раньше других западных политических деятелей понял, что на международной арене возникла новая ситуация, которая не позволяла надеяться на восстановление довоенных отношений в Европе, особенно в ее центральной и восточной частях. Здесь он выступал как реалист. «Лучше добровольно сделать без четверти двенадцать то, что все равно придется сделать в двенадцать часов под неумолимым давлением событий», — убеждал Бенеш своих сторонников¹¹⁵. Вместе с тем в отношении политического развития в Центральной Европе он полагал, что антифашистски настроенная буржуазия в момент победы над гитлеровской Германией вновь станет руководящей силой общества и воспрепятствует радикальным социальным и политическим изменениям в странах региона. В этом Э. Бенеш проявил себя как консервативный деятель, ибо

главной его целью было задержать пачавшееся в процессе национально-освободительной борьбы революционное развитие.

Большой отклик в Советском Союзе и в рядах чехословацкого движения Сопротивления вызвало участие в марте 1943 г. в боях на советско-германском фронте возле Харькова 1-го чехословацкого отдельного батальона под командованием подполковника Л. Свободы. Там, у украинского села Соколово, чехословацкие воины получили первое боевое крещение и с честью его выдержали¹¹⁶. 144 воина получили чехословацкие награды. Правительство СССР наградило орденами и медалями 86 бойцов и офицеров, а подпоручик Отакар Ярош, погибший под Соколовом, стал первым воином-иностранцем, удостоенным звания Героя Советского Союза¹¹⁷. В связи с этим, выступая по советскому радио в передаче на Чехословакию, К. Готвальд отметил: «Чехословацкие солдаты, сражающиеся на Восточном фронте под чехословацким военным флагом против гитлеровской армии, — это символ государственной независимости Чехословакии и дальнейшее доказательство того факта, что Чехословакия находится в состоянии войны с гитлеровской Германией. Чехословацкие солдаты, сражающиеся против Германии плечом к плечу с Красной Армией, — это символ военного союза независимой Чехословацкой Республики с Советским Союзом на правах равного с равным. Чехословацкие солдаты как военные союзники Красной Армии — это символ того, что Красная Армия ведет борьбу не только за освобождение советских земель от немецких оккупантов, но и одновременно за освобождение союзной Чехословакии»¹¹⁸. К. Готвальд заявил, что целью КПЧ в советско-чехословацких отношениях является тесный военный союз в период войны. Подобные настроения были всеобщими в рядах чехословацкого движения Сопротивления.

Э. Бенеш понимал, что дальнейшее промедление в укреплении союза Чехословакии с СССР губительно для чехословацкой буржуазии. В начале марта 1943 г. он довел до сведения Советского правительства свое намерение в конце этого или начале следующего месяца приехать в Москву для переговоров о заключении договора¹¹⁹. Сообщивший об этом советским представителям чехословацкий посланник в СССР Э. Фирлингер от себя добавил: «Весь чехословацкий народ хочет тесного чехословацко-советского сотрудничества, тесного союза с великим русским народом. Чехословацкий народ идет гораздо даль-

ше, чем чехословацкое правительство, которое, можно сказать, является пленником английского правительства»¹²⁰.

Замечание З. Фирлингера было не случайным. Две недели спустя после получения благоприятного ответа Э. Бенеш официально поставил вопрос о возможности заключения чехословацко-советского договора о взаимной помощи еще до окончания войны. Но в предложении Э. Бенеша от 20 марта 1943 г. фигурирует не столько двусторонний договор между Чехословакией и Советским Союзом, сколько зондирование возможности заключения трехстороннего договора о взаимопомощи между Польшей, Чехословакией и СССР в духе советско-английского договора 1942 г.¹²¹ Это было не что иное, как протянутая рука помощи (не без участия британских правящих кругов) польскому эмигрантскому правительству в момент, когда напряжение в польско-советских отношениях из-за крайнего антисоветизма польской эмиграции достигло кульминации¹²².

Несмотря на такие повороты и лавирование Э. Бенеша, Советское правительство продолжало добиваться укрепления отношений с Чехословакией. Посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов по поручению НКВД 23 апреля 1943 г. сообщил Бенешу, что Советское правительство согласно обсудить вопрос о заключении советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, если таковое предложение будет сделано Чехословацким правительством. В отношении трехстороннего договора советской стороной было заявлено, что в принципе Советское правительство считает такой пакт приемлемым, но полагает несвоевременным обсуждать этот вопрос ввиду антисоветской позиции реакционного эмигрантского правительства Польши¹²³.

Советская внешняя политика преследовала цель заложить основы прочного мира еще до окончания войны. Советско-чехословацкий договор рассматривался как первая составная часть системы безопасности, к достижению которой стремились народы, пострадавшие от гитлеровской агрессии. Каждое двустороннее соглашение Советского Союза с соседними государствами укрепляло его внешнеполитическое положение и в конечном счете могло оказать заметное влияние на послевоенное соотношение сил в Европе¹²⁴. В результате рушились старая реакционная концепция «санитарного кордона» в Центральной и Юго-Восточной Европе и ее разновидности в форме «фе-

дераций» и «конфедераций», зарождалась новая система безопасности, гарантом которой становилось первое в мире социалистическое государство. Поэтому за каждым шагом Советского Союза и стран Центральной и Юго-Восточной Европы с подозрительностью следили правящие круги Великобритании и США. Ввиду этого переговоры между СССР и чехословацким эмигрантским правительством по вопросу о заключении договора о дружбе и послевоенном устройстве оказались трудными и затяжными.

Первые шаги правительства Бенеша в направлении подписания договора с СССР по типу советско-английского еще не означали качественного изменения внешнеполитической концепции чехословацкой буржуазной эмиграции. К этому времени Э. Бенеш осторожно, непоследовательно, но постепенно отклоняется от открыто антисоветского курса польского эмигрантского правительства. Его предложение о заключении чехословацко-советского договора стало важным шагом на пути к изоляции польских реакционеров на международной арене и соответственно было в интересах Советского Союза. Об этом говорит и определенная последовательность развития событий: 23 апреля 1943 г. Советское правительство заявляет о своем согласии подписать договор с Чехословакией, а через два дня объявляет о разрыве дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Весьма характерна реакция польского правительства: в середине мая 1943 г. оно официально отказывается от дальнейших переговоров о польско-чехословацкой конфедерации ¹²⁵.

И тем не менее, несмотря на согласие советской стороны, чехословацкое правительство прервало переговоры на два месяца. В мае 1943 г. Бенеш выехал в США, где встретился с президентом Ф. Рузвельтом. Он не мог решиться на заключение договора с СССР без одобрения Запада. Своих покровителей в США и Великобритании Бенеш стремился убедить в том, что поступает в полном соответствии со своими классовыми интересами, действуя одновременно в интересах национально-государственных ¹²⁶.

Некоторые представители администрации Рузвельта и либеральная американская пресса с пониманием отнеслись к попыткам Э. Бенеша урегулировать чехословацко-советские отношения еще до окончания войны (положение на советско-германском фронте менялось в пользу СССР). Так, видный американский публицист и политический деятель У. Липшман в феврале 1943 г. в газете «Нью-

Йорк Геральд Трибюн» призывал государства Центральной Европы к быстрейшему установлению добрососедских отношений с Советским Союзом¹²⁷.

12 мая 1943 г. состоялась первая 5-часовая беседа между Ф. Д. Рузвельтом и Э. Бенешем, результатами которой чехословацкий президент остался доволен. Спустя два дня в беседах принял участие и британский премьер У. Черчилль, прибывший в США для участия в Вашингтонской конференции. В беседах с ним Э. Бенеш заявил, что он отдает себе отчет о «дальнейшем развитии Советского Союза и вытекающей из этого необходимости приспособиться к этому развитию»¹²⁸. Далее он указал, что «мы не можем допустить в будущем повторения Мюнхена, и это заставляет нас уже теперь рассчитывать на достижение соглашения с Советским Союзом», ибо, как констатировал Э. Бенеш, «мы станем соседями Советского Союза, и это будет оказывать определенное влияние и на нашу внутреннюю политику в смысле нашего будущего социального и экономического развития»¹²⁹. В Вашингтоне состоялись также беседы Э. Бенеша с государственным секретарем США К. Хэллом, его заместителем С. Уэллесом, министром финансов Г. Моргентау, военным министром Г. Стимсоном. Центральной темой всех этих переговоров был вопрос об отношениях с Советским Союзом.

Ф. Д. Рузвельту чехословацкий президент изложил свой план поездки в Москву и подписания советско-чехословацкого договора. Впоследствии Э. Бенеш уверял министра иностранных дел Великобритании А. Идена, что добился от Рузвельта полной поддержки своих планов развития взаимоотношений с СССР¹³⁰. В действительности же Рузвельт высказал согласие только в общей форме, хотя Бенеш интерпретировал его в свою пользу¹³¹. Казалось, что чехословацкая сторона всячески стремится к заключению советско-чехословацкого договора.

По другим направлениям чехословацко-советские отношения развивались благоприятно. В советской прессе продолжалась публикация многочисленных откликов в связи с участием чехословацкого отдельного батальона в боях под Харьковом, достойно выдержавшим первое боевое крещение¹³². В интервью корреспонденту «Правды» командир батальона полковник Л. Свобода заявил, что «чехословацкие боевые формирования на территории СССР являются составной частью армии республики»¹³³. 28 апреля 1943 г. Л. Свобода выступил в передаче московского радиовещания на Чехословакию и рассказал своим

землякам о подвигах чехословацких воинов в боях под Харьковом, о высокой оценке Советским правительством боевых заслуг солдат чехословацкого отдельного батальона¹³⁴. 29 апреля Государственный комитет обороны СССР в соответствии с ходатайством чехословацкой стороны принял постановление о формировании 1-й чехословацкой пехотной бригады¹³⁵. Местом ее формирования стал город Новохопёрск в Воронежской области. 28 мая посол Чехословакии в СССР З. Фирлигер и заместитель нарком иностранных дел А. Е. Корнейчук подписали соглашение о предоставлении Советским правительством кредита в размере 5 млн рублей для вооружения и содержания чехословацкой бригады на территории СССР¹³⁶.

С большим неудовольствием наблюдало за таким развитием чехословацко-советских отношений британское правительство. Уже 6 июня 1943 г. министр иностранных дел Я. Масарик телеграфировал президенту Э. Бенешу, находившемуся в то время в Канаде, о запросе посла Б. Никольса: «...намерен ли президент подписать важное соглашение с Россией во время своего визита в Москву? Британское правительство считает такое соглашение нежелательным, учитывая польскую проблему»¹³⁷. Я. Масарик ответил Б. Никольсу, что «во время наших и президента переговоров с русскими не говорилось о том, что договор будет подписан во время визита президента в Москву, более того, при обсуждении вопроса о заключении договора с Россией было решено, как об этом просит президент, что он должен быть полезным не только для нас самих, но и для Польши и всех остальных»¹³⁸.

Президент Бенеш вернулся из поездки в США и Канаду 11 июня, а 16 июня чехословацкое правительство на своем заседании приняло решение о необходимости быстрого подписания договора с СССР¹³⁹. На следующий день президент принял в своей резиденции министра иностранных дел А. Идена, заявившего Э. Бенешу, что британское правительство не желает, чтобы был подписан договор между Чехословакией и СССР, так как это противоречит интересам Великобритании. Британский министр утверждал далее, что великая держава не должна подписывать с малым государством договор, касающийся послевоенного периода. Двусторонний договор между Чехословакией и СССР, по утверждению Идена, будет иметь антипольскую направленность. Иден в своем давлении на чехословацкого президента зашел столь далеко, что «советовал» ехать в Москву только в том случае, если Совет-

ское правительство согласится включить в договор и Польшу. В противном случае чехословацкий президент обязан был ограничиться подписанием какого-нибудь общего заявления¹⁴⁰.

У. Черчилль считал, что лучшим средством удерживать Э. Бенеша от его намерения заключить договор с Советским Союзом станет проявление неудовольствия правительства США по поводу неправильной трактовки Э. Бенешем позиции президента Рузвельта по данному вопросу. 28 июня 1943 г. британский посол в США Э. Галифакс обратился к заместителю государственного секретаря С. Уэллесу с запросом относительно содержания переговоров Бенеша с Рузвельтом и реакции президента на намерение Бенеша подписать договор с СССР. Галифакс подчеркнул, что министр иностранных дел Великобритании А. Иден весьма обеспокоен и хотел бы узнать, давало ли правительство США согласие на заключение договора между Чехословакией и СССР¹⁴¹.

С. Уэллес заявил Галифаксу, что Бенеш во время своего пребывания в США «не упоминал о своем стремлении заключить договор с СССР, он только говорил о своем намерении достичь „взаимопонимания“ со Сталиным по вопросу о восстановлении Чехословакии в послевоенной Европе»¹⁴². Уэллес добавил при этом, что сам он достаточно хорошо информирован о том, что ни госсекретарь Хэлл, ни президент Рузвельт ничего иного от Бенеша не слышали¹⁴³. Спустя два месяца сотрудник канцелярии по делам Европы министерства иностранных дел США А. Берли, изучавший протоколы переговоров президента Рузвельта с Бенешем, также заявил, что он «не обнаружил никакого упоминания о договоре между советским и чехословацким правительствами, хотя во время переговоров говорилось много об отношениях с СССР». «Мы считали, — указывалось в заявлении канцелярии по делам Европы, — что такой договор был бы шагом назад в наших стремлениях к достижению международного урегулирования»¹⁴⁴. Такая реакция правительства Великобритании и администрации США вызвала замешательство в окружении Бенеша. Кроме того, Э. Бенешу были известны результаты англо-американской конференции на высшем уровне, состоявшейся в Вашингтоне в середине мая 1943 г.

Открытие второго фронта Рузвельт и Черчилль отложили, вопреки данному Советскому правительству обещанию, до 1944 г. Операции союзных войск в 1943 г.

ограничивались Средиземноморским театром¹⁴⁵. У. Черчилль стремился к осуществлению своих планов быстрого разгрома Италии и продвижения англо-американских войск через Балканы в Дунайский бассейн, чтобы тем самым отрезать Красную Армию от Юго-Восточной и Центральной Европы.

Это создавало тяжелейшие условия для Советского Союза, два года сковывавшего главные военные силы Германии и ее сателлитов на советско-германском фронте¹⁴⁶. Гитлеровцы смогли начать свою третью летнюю кампанию против советских войск на центральном участке советско-германского фронта в районе Курска и Орла без какого-либо существенного раздвоения своих вооруженных сил.

Чехословацкая буржуазная эмиграция в Лондоне отнеслась к такому развитию событий с большим вниманием. Хорошо знавший эмигрантские круги представитель КПЧ в Лондоне Б. Лаштовичка писал: «Информированным Масарику, Рипке и Бенешу виделась желанная перспектива, что немцы отеснят Красную Армию опять куда-нибудь к Волге и западные союзники после этого вторгнутся в Италию и на Балканы, затем проникнут в Дунайскую низменность и к нам (в Чехословакию.— И. П.) раньше, чем Красная Армия. В этой ситуации исчезает основной побудительный мотив, который заставлял Бенеша вести переговоры с Богомоловым о договоре, т. е. страх перед быстрым продвижением Красной Армии, опасение, что Красная Армия придет к нам раньше, чем западные союзники»¹⁴⁷.

Более того, в Англии начали вести подготовку к вступлению британских войск на территорию Чехословакии. Детально прорабатывалось подписанное еще в конце 1942 г. секретное англо-чехословацкое соглашение о взаимодействии британских войск с местными властями на территории Чехословакии. В министерстве обороны чехословацкого правительства дорабатывались планы реакционного военного переворота в Чехословакии к концу войны в целях захвата власти в стране и ликвидации демократических национальных комитетов, возникших в подполье. Поэтому вопрос о скорейшем подписании советско-чехословацкого договора отступал на задний план.

В этих условиях началась новая серия неожиданных поворотов в политике Э. Бенеша. Он не мог не понимать, исходя из опыта 1938 г., исторической необходимости договора о союзе с СССР, не мог не считаться также с дав-

лением левых сил в движении Сопротивления как на оккупированной территории страны, так и за рубежом. Большую активность развили в 1943 г. в рядах чехословацкой эмиграции в Лондоне коммунисты. Благодаря их усилиям Государственный совет в мае, июне и июле принял несколько резолюций с требованием немедленного заключения союзного договора Чехословакии с СССР¹⁴⁸. Правительство и президент подверглись резкой критике членами Государственного совета за их поддержку антисоветски настроенного польского эмигрантского правительства¹⁴⁹.

Британские официальные круги не скрывали своего недовольства активностью левой чехословацкой эмиграции¹⁵⁰. В этих обстоятельствах английская дипломатия пошла даже на явный трюк, ссылаясь на якобы подписанное в 1942 г. соглашение между наркомом по иностранным делам В. М. Молотовым и министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, согласно которому обе стороны обязывались не заключать в период войны договоров о союзе с малыми странами — участниками антигитлеровской коалиции¹⁵¹. Такое заявление было немедленно опровергнуто советским послом в Лондоне И. М. Майским¹⁵². 7 июля 1943 г. заместитель наркома иностранных дел СССР А. Е. Корнейчук разъяснил это послу Чехословакии в Москве З. Фирлингеру¹⁵³. По просьбе английского правительства государственный секретарь США К. Хэлл также заявил, что ни Рузвельт, ни он не давали Э. Бенешу согласия на подписание договора с СССР¹⁵⁴.

26 июля 1943 г. советским послом в Лондоне был вручен А. Идену меморандум, в котором во всех деталях раскрывался вопрос о так называемой «договоренности» между Молотовым и Иденом. 9 июня 1942 г. во время пребывания В. М. Молотова в Лондоне А. Иден предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими европейскими государствами, правительства которых находятся в изгнании, договоров по послевоенным проблемам без предварительной взаимной консультации и согласования. В. М. Молотов обещал изучить данный вопрос и доложить об этом предложении Советскому правительству. 15 июля 1942 г. через советского посла в Лондоне Идену был передан меморандум, в котором сообщалось, что Советское правительство в принципе согласно с его предложением, но при этом было указано, что правительство СССР желало

бы получить от правительства Великобритании конкретные предложения по указанному вопросу. Однако конкретных предложений от английского правительства в дальнейшем не последовало и, таким образом, все ограничилось лишь предварительным обменом мнениями. Советское правительство, как указывалось в этом документе, считает своим долгом констатировать, что отношения между Советским Союзом и Великобританией определяются договором от 26 мая 1942 г., в котором не содержатся какие-либо обязательства о незаключении соглашений с другими странами по послевоенным вопросам ¹⁵⁵.

Выступая против заключения советско-чехословацкого договора, США и Англия применили еще одну уловку, указывая, что этот договор является частью будущей региональной системы в Восточной Европе и, следовательно, его заключение противоречит разрабатывавшейся универсальной системе безопасности. Такая аргументация была попросту нелогичной ¹⁵⁶. Региональная система союзов или союзных договоров в Восточной Европе не противоречила универсальной системе безопасности, ибо исходила из тех же принципов, что и будущая Организация Объединенных Наций. Региональная система, основой которой становился советско-чехословацкий договор, была реакцией на опыт межвоенного периода, когда политика «санитарного кордона» фактически привела к потере малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы своей независимости и подготовила базу для нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Английские планы центральноевропейской конфедерации также являлись региональной системой, но исходили из идеи «санитарного кордона», которая противоречила универсальной системе безопасности. Идея конфедерации и «санитарного кордона» могла существовать в английских и американских политических кругах только до тех пор, пока существовали иллюзии о том, что Советский Союз можно будет вновь исключить из участия в послевоенном устройстве мира ¹⁵⁷.

В сложившейся ситуации Э. Бенеш всячески затягивал переговоры с СССР, а поездку в Москву по совету А. Идена хотел превратить в бессодержательный визит «вежливости и доброй воли» ¹⁵⁸. Такой визит был бы и своеобразным маневром для успокоения демократической чехословацкой общественности, возмущенной бесконечными проволочками в переговорах о советско-чехословацком договоре. Советское правительство не дало себя вовлечь в эти

махиации и в ответ на предложение Э. Бенеша сделало заявление: если это окончательное решение президента, то ему лучше или не предпринимать поездку в Москву, или же отсрочить ее¹⁵⁹. Оказавшись в неприглядном положении, Э. Бенеш в который раз пытался уйти от ответственности за срыв советско-чехословацких переговоров, обвинив в этом других, в данном случае правительство Великобритании, паложившее, по его словам, «вето» на подписание советско-чехословацкого договора¹⁶⁰. Однако его попытка оправдать свои действия зависимостью от Великобритании не удалась. Чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер сообщал в своем донесении: «Отсрочка вызывает неблагоприятное впечатление, и едва ли можно будет позднее полностью исправить это. Они (Советское правительство.— И. П.) не могут все объяснить исключительно политикой англичан. Должно быть, в этом заинтересованы и другие. Они решительно не разделяют мнения, что только англичане несут ответственность»¹⁶¹.

Чехословацко-советские переговоры по вине Э. Бенеша и его западных покровителей зашли в тупик. Расчеты на поражение Красной Армии оказались построены на песке. Беспрецедентный по своей интенсивности процесс нарастания мощи Красной Армии в ходе военных действий вылился летом 1943 г. в блестящую победу под Курском и Орлом¹⁶². В результате ее Красная Армия окончательно закрепила за собой стратегическую инициативу и развернула стремительное наступление.

* * *

Победа Красной Армии на так называемой Курской дуге летом 1943 г. коренным образом изменила ход войны и открыла перспективы победоносного для СССР ее окончания. Общее наступление Красной Армии от Балтийского до Черного моря показало, что Советский Союз обладает достаточной мощностью, чтобы разбить гитлеровскую Германию и самостоятельно освободить поработанные нацистами народы Европы. Поворот в войне был завершён, изменения характера боевых действий на советско-германском фронте в пользу СССР имели уже необратимый характер¹⁶³. В тот период не пужно было быть большим стратегом, чтобы предсказать освобождение Центральной Европы Красной Армией. Сложившееся на советско-германском фронте положение выдвинуло в повестку дня вопрос

о послевоенном урегулировании. Для разработки конкретных аспектов этой проблемы в начале сентября 1943 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) были созданы две комиссии: по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым и по вопросам перемирия во главе с К. Е. Ворошиловым¹⁶⁴. Развернутая программа Советского правительства по проблемам послевоенного устройства и безопасности была изложена в докладе председателя Государственного комитета обороны в ноябре 1943 г., посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Главными ее тезисами являлись освобождение народов Европы, оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств, предоставление этим народам полного права и свободы решать вопрос об их государственном устройстве, наказание фашистских преступников и виновников войны, создание условий, исключающих возможность новой агрессии со стороны Германии, обеспечение длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы¹⁶⁵.

Политика проволочек в вопросе заключения советско-чехословацкого договора, которую под давлением Великобритании проводили чехословацкие буржуазные деятели, становилась рискованной. Близкие к Э. Бенешу лица констатировали, что летом 1943 г. «новости ... вызвали у него приступ мучительного беспокойства, как бы русские не уверились в том, что он отложил свой московский визит до тех времен, когда исчезнут последние сомнения в окончательном исходе грандиозной битвы»¹⁶⁶. После начала наступления Красной Армии на Курской дуге, 16 июля 1943 г., чехословацкое правительство в эмиграции опубликовало заявление о том, что оно выступает за скорейшее подписание договора с Советским Союзом¹⁶⁷. Хронологическое совпадение весьма примечательно. 22 июля состоялось заседание Государственного совета, члены которого выступили в поддержку заявления правительства от 16 июля. Выступивший на заседании министр Г. Рипка заявил: «Я уполномочен заявить, что чехословацкое правительство в полном согласии с президентом Республики твердо выступает за подписание союзного договора о дружбе и взаимопомощи между Чехословакией и Советским Союзом. Заявляю, что такой точки зрения придерживаются все члены правительства»¹⁶⁸.

На вышеуказанном заседании Государственного совета было зачитано также письмо его члена коммуниста майора

Б. Врбепского, прислапное им от имени чехословацких эмигрантов, находившихся в СССР. В нем указывалось, что все чехи и словаки в Советском Союзе с удовлетворением и радостью восприняли сообщение о подготовке заключения договора о союзе с СССР и готовятся к встрече с президентом. В заключение в письме указывалось: «Уступки сомнительным интересам чужих людей ... могут иметь в будущем непредвиденные последствия»¹⁶⁹.

Э. Бенеш с раздражением воспринял обсуждение вопроса о заключении советско-чехословацкого договора в Государственном совете¹⁷⁰. Будучи профессиональным дипломатом, он всегда считал внешнеполитические проблемы своей прерогативой и болезненно реагировал на любое проявление активности в этой сфере со стороны широкой общественности. Бенеш никак не мог понять, что времена кабинетной дипломатии прошли, поскольку война способствовала политизации огромных масс трудящихся, не желавших больше быть лишь объектом закулисных манипуляций буржуазных политических деятелей.

Э. Бенеш не мог игнорировать ни требования движения Сопротивления, ни тем более развития событий на советско-германском фронте. Он окончательно пришел к выводу (причем опять-таки раньше других западноевропейских политических деятелей), что жить в Центральной Европе и делать вид, что России не существует, больше нельзя. Известный буржуазный публицист Ф. Пероутка позднее вспоминал: «Конечно, для Бенеша с его прозападной ориентацией такой вывод был неприятен, но он считал необходимым смириться с данной ситуацией и сделать соответствующие выводы. Более того, он начинает проявлять нетерпение, хочет как можно скорее поехать в Москву. Он понимал, что русская армия вскоре окажется на территории Чехословакии, и считал, что пришло время урегулировать отношения между Чехословакией и Россией... Бенеш полагал, что визит в Москву нельзя откладывать до бесконечности, иначе его действия будут квалифицированы как пожирание горьких плодов необходимости, а ведь они должны выглядеть как составная часть его собственной концепции... Все это привело к той поспешности в подготовке поездки Бенеша в Москву, которая вызвала у некоторых западных наблюдателей удивление»¹⁷¹.

22 августа 1943 г. в беседе с советским послом при союзных правительствах А. Е. Богомоловым Бенеш поставил вопрос: «Не считает ли Советское правительство возможным начать предварительные переговоры по существу до-

говора, который он может подписать в сентябре»¹⁷². И тут же предложил проект договора. Как отмечал А. Е. Богомолов, этот проект резко отличался от прежнего, предложенного Бенешем в июне 1943 г. Новый проект обходил молчанием вопрос о сроках действия договора, предусматривал оказание взаимопомощи только против Германии или союзных с ней государств, устанавливал, что договор подлежит дополнительному утверждению чехословацким парламентом после окончания войны, чего вовсе не требовала конституция Чехословакии¹⁷³. И хотя советский посол имел возможность принять проект неофициально, «только для личного пользования», чехословацкий посол в Москве З. Фирлиггер 30 сентября сообщал президенту Бенешу: «Советское правительство принимает Ваше предложение от 22 августа и предлагает лишь некоторые формальные изменения, которые полностью отвечают Вашим намерениям. Договор может быть подписан хотя бы завтра, причем подчеркивают особенно то, что весь вопрос касается исключительно нас и СССР»¹⁷⁴.

Советское правительство предложило расширить пункты о взаимных обязательствах СССР и ЧСР в послевоенный период на случай нападения какого-либо европейского государства, кроме Германии, установить двадцатилетний срок действия договора с возможностью его продления на каждые последующие пять лет, а также внесения специального пункта о том, что «стране — соседу СССР или ЧСР (Польше. — *И. П.*) будет дана возможность, по обоюдному согласию правительства СССР и Чехословакии подписать этот договор, который, таким образом, приобретает качество трипартитного соглашения»¹⁷⁵. Оценивая проект договора, чехословацкий посол в СССР З. Фирлиггер писал: «Положения Протокола являются хорошим жестом в отношении поляков и отвечают Вашему желанию и Вашей политике в прошлом договориться с поляками и ниоткуда их не исключать. Договор, который здесь искренне и честно продуман, конечно, может иметь также существенное положительное значение и для остальных наших союзников, и особенно для Англии, ибо он вновь выражает волю СССР продолжать войну против Германии до самого конца, а затем после войны в полном доверии сотрудничать со всеми. Можно сказать, что этим договором СССР берет на себя далеко идущие обязательства в отношении нас и наших союзников. Поэтому договор является лучшим выражением военной политики и общих послевоенных целей всех союзников: по этой причине он

может иметь широкое историческое значение»¹⁷⁶. По предложению советской стороной проекту договора у чехословацкой стороны появились два замечания. Первое касалось ст. 6 и носило редакционный характер (предлагалось исключить выражение «прямо или косвенно»). Второе замечание относилось к ст. 3. Бенеш высказал опасение, что положение о консультациях будет неправильно истолковано¹⁷⁷.

Советское правительство пошло навстречу этим пожеланиям Бенеша. Таким образом, все, что касалось существа и формы договора, было согласовано, и тем не менее дело с подписанием его не сдвинулось с мертвой точки.

В то время как Э. Бенеш вел переговоры с Советским правительством, чехословацкий министр иностранных дел Я. Масарик параллельно вел переговоры о советско-чехословацком договоре с правительством Великобритании¹⁷⁸. С одной стороны, такие действия были проявлением пелояльности по отношению к СССР, так как Советское правительство подчеркивало, что договор касается только Чехословакии и СССР¹⁷⁹. А с другой стороны, чехословацкое правительство по существу не решалось осуществить свои суверенные права.

Английское «вето» сдерживало действия чехословацких буржуазных деятелей, и, несмотря на протесты левых сил в эмиграции, они продолжали утверждать, что договор с СССР может быть подписан только при согласии на это британского правительства¹⁸⁰. Буржуазные политики не хотели портить отношения с Англией, ибо поддержка британского империализма им была необходима в борьбе за сохранение капиталистической системы в послевоенной Чехословакии. Поддержку же Советского Союза лидеры чехословацкой буржуазной эмиграции старались использовать для того, чтобы парализовать последствия двойственной политики Великобритании и добиться от нее признания домоюнхенских границ Чехословакии¹⁸¹.

Вместе с тем твердолобая позиция британского правительства начала вызывать противодействие даже в среде чехословацкой буржуазной эмиграции. Сам Бенеш в августе 1943 г. сказал начальнику своей канцелярии Я. Смутному: «Я говорил с Никольсом и поставил перед ним ультиматум до конца этого месяца. Это значит, что англичане должны до этого времени определить свою позицию. Я ему откровенно сказал, что своим сопротивлением они сами толкают нас на Восток и в конце концов у нас не будет иного выхода, как присоединиться к России. Это был бы

тот вариант, которого я никогда не хотел и на который решусь только в силу крайней необходимости»¹⁸².

Возможностей для маневрирования Э. Бенеша и проведения прежней кабинетной дипломатической политики становилось все меньше. На это пытался обратить внимание А. Идена и министр иностранных дел чехословацкого правительства Я. Масарик во время беседы 8 сентября 1943 г. Британский министр заявил, что «Черчилль был бы, безусловно, очень возмущен, если бы президент поехал в Россию теперь же». Масарик пытался объяснить, что постоянное откладывание поездки Э. Бенеша в Москву вызывает нежелательную для буржуазных кругов в эмиграции реакцию в оккупированной Чехословакии¹⁸³. Однако убедить А. Идена Масарику не удалось.

Не видя возможности для продолжения политики проволочек, Бенеш решил пойти обходным путем. 21 сентября 1943 г. через З. Фирлингера он обратился к Советскому правительству с настойчивой просьбой «паякать» на англичан и заставить их дать согласие на заключение договора между СССР и ЧСР¹⁸⁴. Такая постановка вызвала, естественно, возражение Советского правительства, считавшего, что речь идет исключительно о взаимоотношениях между СССР и Чехословакией, и испрашивать разрешения Англии на подписание договора Советское правительство считало излишним¹⁸⁵. В результате побед Красной Армии в ходе войны произошел решающий перелом, обусловивший столь же радикальный поворот во всей системе международных отношений. Однако британские правящие круги все еще продолжали проявлять шпёртность, которая не позволяла им своевременно понять резко возросший удельный вес и влияние Советского Союза на международной арене в целом и в антигитлеровской коалиции в частности. Только этим можно объяснить тон заявления А. Идена в палате общин, сделанного им 22 сентября 1943 г. В этом заявлении он вновь ссылаясь на якобы достигнутую договоренность с В. М. Молотовым относительно того, что великие державы воздержатся от заключения договоров с правительствами в эмиграции¹⁸⁶.

Это была откровенная подтасовка фактов, рассчитанная на то, что депутаты палаты общин не могли знать содержания дипломатической переписки между СССР и Великобританией по данному вопросу. Ведь еще в меморандуме от 26 июля 1943 г. Советское правительство внесло, казалось бы, окончательную ясность относительно содержания так называемой договоренности между Иденом

и Молотовым¹⁸⁷. Последующий обмен письмами между Лондоном и Москвой в августе — начале сентября 1943 г. показал принципиальные расхождения между СССР и Великобританией как в понимании содержания «договоренности», так и в вопросе развития отношений между великими державами и правительствами стран Центральной Европы.

В письме народного комиссара иностранных дел СССР послу Великобритании в СССР от 1 сентября 1943 г. подчеркивалось, что «в предложениях Идена речь шла о том, чтобы обе стороны договорились не заключать указанных выше соглашений с другими европейскими союзными странами без взаимной консультации и согласования». В меморандуме¹⁸⁸ же английского правительства предполагалось «вообще не заключать соглашений с этими государствами, что также находится в противоречии с прошлогодним предложением Идена»¹⁸⁹. Однако все это А. Иден в палате общин обошел молчанием. Поэтому в советском журнале «Война и рабочий класс» был опубликован комментарий к выступлению А. Идена, в котором раскрывалось полное несоответствие его утверждений реальному положению вещей. В комментарии указывалось: «Действительно, во время посещения В. М. Молотовым в июне прошлого года Лондона А. Иден предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся вне своей территории, договоров или соглашений по послевоенным вопросам, без предварительной взаимной консультации и согласования. Спустя некоторое время Советское правительство сообщило правительству Великобритании, что оно в принципе согласно с предложением А. Идена, но при этом было указано, что Советское правительство желало бы получить от английского правительства по этому вопросу конкретные предложения. Однако таких предложений со стороны английского правительства в дальнейшем не последовало, и, таким образом, все дело ограничилось лишь предварительным обменом мнениями»¹⁹⁰.

Публикуя такое важное заявление в прессе, которое практически раскрывало содержание дипломатической переписки между СССР и Великобританией по указанному вопросу, советская сторона руководствовалась следующими мотивами: во-первых, Советское правительство тем самым показывало, что оно не предпринимает такой важный шаг односторонне, без консультации и согласия союз-

ников по антигитлеровской коалиции: во-вторых, Советское правительство было заинтересовано устранить возникшее под воздействием Лондона у чехословацких представителей опасения, что они могут оказаться жертвой тайной дипломатии. Вспоминая впоследствии эти события, Э. Бенеш признал, что такой способ действий ему больше импонировал, чем тайная дипломатия Запада ¹⁹¹.

В сложившихся обстоятельствах 24 сентября чехословацкое правительство вынуждено было сделать заявление о том, что оно будет неизменно продолжать политику, выраженную в его резолюции от 16 июля 1943 г. и подтвержденную резолюцией Государственного совета ЧСР от 22 сентября того же года ¹⁹². С этим заявлением посредством дипломатической ноты были ознакомлены правительства США, Великобритании и СССР. В своей ноте чехословацкое правительство выражало надежду, что побудительные мотивы его политики будут поняты союзниками, и подчеркнуло свое стремление как можно скорее закончить переговоры о заключении договора с СССР ¹⁹³.

Чехословацкая нота вызвала бурю негодования в правительственных кругах Великобритании. В частной беседе с чехословацким министром иностранных дел А. Иден, не выбирая дипломатических выражений, заявил: «Ваша нота произвела скверное впечатление на членов кабинета. Вы во всех грехах обвиняете только Англию и никакой вины не признаете за Россией, это несправедливо. Кроме того, в ноте имеются и другие неточности. Вы нам послали также ноту о договоре, в ней тоже есть неточности. Ваше правительство сошло с ума, у него в голове только одно — договор с Россией. У меня же есть кое-какие другие заботы! Мы будем говорить об этой проблеме в России» ¹⁹⁴.

Президент Э. Бенеш свалил вину на Г. Ришку, на его журналистский эмоциональный подход и выразил сожаление, что не воспрепятствовал вовремя принятию решения правительства, не запретил Государственному совету делать заявления о готовящемся чехословацко-советском договоре ¹⁹⁵.

Однако сдержать волну возмущения чехословацкой общественности по поводу затягивания переговоров с Советским Союзом Бенеш не мог. В газете «Новые Чехословацкие», органе левых сил лондонской эмиграции, появился ряд статей с резким осуждением политики Бенеша, которая была даже квалифицирована как «новый Мюнхен» ¹⁹⁶. В депеше из Москвы чехословацкий посол Э. Фирлингер

писал президенту Бенешу, что чехословацкие коммунисты настаивают на скорейшем подписании договора с СССР, так как это будет иметь решающее значение для консолидации национального фронта в оккупированной Чехословакии¹⁹⁷.

К разочарованию Э. Бенеша в эти дни Форин оффис вновь отказался признать принцип континуитета Чехословацкой республики. Британский посол Б. Никольс в беседе с Г. Рипкой категорически заявил, что до конца войны Чехословакия не может рассчитывать на выступление правительства Великобритании с обязательством по вопросу границ. Г. Рипка попросил посла подумать над тем, что для Чехословакии означает сохранение неуверенности по столь важным проблемам, «в то время как Россия выражает нам свое мнение в этих вопросах совершенно ясно и вполне положительно»¹⁹⁸.

Окружение Э. Бенеша находилось в полной растерянности. Даже такие антисоветски настроенные деятели, как Яр. Странский и министр национальной обороны ЧСР С. Ингр, заявили на заседании Государственного совета, что «договор с Россией должен быть подписан даже ценой полного разрыва с Англией и Америкой»¹⁹⁹.

За несколько дней до начала Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19 октября 1943 г.), когда переговоры о заключении советско-чехословацкого договора достигли своего апогея, британский посол Б. Никольс в беседе с Г. Рипкой вновь подтвердил выжидательную позицию Лондона по этой проблеме. Он заявил, что «англичане желают достижения общего соглашения между Англией, Америкой и Россией и что, собственно, в наших (ЧСР.— И. П.) интересах иметь гарантии против Германии не только со стороны России, но также и со стороны Англии и Америки. Конечно, таких гарантий мы не можем ждать от Англии и Америки непосредственно, а лишь на основе их общего соглашения с Россией. Никольс сказал, что они не против идеи чехословацко-советского договора, а против того, чтобы он был включен в известную общую систему»²⁰⁰.

Все это заставило Бенеша высказаться с полной откровенностью по проблеме договора с СССР. 18 октября он телеграфировал З. Фирлингеру в Москву: «Необходимо, чтобы Вы совершенно ясно знали, что, рискуя вызвать конфликт с Англией, я не могу ехать в Россию и не могу подписывать там договор. Невозможно, чтобы мы пошли на риск прямого и острого конфликта между Чехослова-

кней и Англией, последствия которого были бы опасными»²⁰¹. За день до открытия в Москве конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании у чехословацкого правительства еще не было уверенности в том, что британское правительство может изменить свою позицию в отношении заключения советско-чехословацкого договора.

19 октября З. Фирлингер телеграфировал президенту Бенешу из Москвы: «...Я сообщил Корпейчуку Ваше пожелание, чтобы Советское правительство на конференции поставило перед англичанами этот вопрос «спокойно и дружески, но так же решительно, как мы сами». Вопрос касается исключительно нас, но будет хорошо, если Советское правительство снова уточнит американцам и англичанам свою позицию. Считаю, что тем самым я правильно передал Ваши мысли; я лишь позволил себе обратить внимание на то, что наши подобные действия... означают для нас более конкретные обязательства, а именно, без колебаний и учета результатов переговоров подписать договор как можно скорее после конференции»²⁰².

Советская сторона в принципе возражала против такой постановки вопроса, ведь речь шла о взаимоотношениях между двумя равноправными союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР и Чехословакией, — и Советское правительство не считало нужным исправлять согласия правительства Великобритании на подписание договора²⁰³. Однако, учитывая настойчивые просьбы чехословацкой стороны, правительство СССР пошло на соответствующий дипломатический шаг на Московской конференции²⁰⁴.

На конференцию А. Иден приехал с инструкцией воспрепятствовать подписанию советско-чехословацкого договора, о чем он открыто заявил З. Фирлингеру уже во время работы конференции²⁰⁵. В рамках обсуждения проблем послевоенного устройства мира на конференции было рассмотрено британское предложение о создании федераций малых европейских государств. Представитель СССР В. М. Молотов выступил против создания таких объединений. Он подчеркнул, что за всеми этими планами Советский Союз видит попытку возродить политику «санитарного кордона»²⁰⁶. Британские доводы оказались неубедительными, к тому же их отказалась поддержать делегация США. В результате конференция отвергла проекты создания федераций и тем самым нанесла смертельный удар по британским планам устройства Центральной Европы. По-

бедила советская точка зрения о необходимости восстановления в Европе самостоятельных государств.

Большим успехом советской дипломатии было принятие решения о советско-чехословацком договоре. 24 октября В. М. Молотов передал проект договора для ознакомления участникам конференции. Оказавшись в полной изоляции и видя твердую позицию Советского правительства, А. Иден резко изменил свое мнение. После краткого обмена информацией с М. В. Молотовым он признал договор хорошим²⁰⁷. В свою очередь советский представитель подчеркнул: «Советское правительство ... считает правом обоих государств, как Советского Союза, так и Соединенного Королевства, в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ними государств, как, например, СССР и Чехословакии»²⁰⁸.

Отступая, Иден пытался еще сохранить лицо и в беседе с Фирлингером 24 октября выразил сожаление (!), что переговоры о заключении договора велись как бы за спиной британского правительства и что если бы он знал содержание этого договора, то не возражал бы против его подписания²⁰⁹. Неуклюжесть этой увертки была столь очевидной, что чехословацкий дипломат не стал напоминать историю переговоров летом 1943 г.

Чехословацкому правительству и президенту Бенешу такой внезапный поворот в британской политике казался настолько необычным, что они отказывались верить²¹⁰. Однако ничего необычного здесь не было. Советский Союз выступал на конференции как решающая сила антигитлеровской коалиции, твердо удерживая инициативу на советско-германском фронте в своих руках. В дни работы конференции министров иностранных дел в Москве войска 2-го Украинского фронта подошли к Кривому Рогу, войска 3-го Украинского фронта 25 октября освободили Днепропетровск, а войска 4-го Украинского фронта прорвали немецкую оборону у Мелитополя²¹¹. Завершилась подготовка операции по освобождению Киева, в которой приняла участие и 1-я отдельная чехословацкая бригада. Союзники же без особых успехов вели бои в Центральной Италии. Их достижения оказались весьма скромными, и ни для кого уже не было секретом, что Центральная Евро-

па будет освобождена Красной Армией. Поэтому обструкционистская позиция британского правительства в отношении подписания советско-чехословацкого договора стала дипломатическим анахронизмом.

Об этом свидетельствовало заявление В. М. Молотова на конференции: «Я убежден, что не только правительствам Чехословакии и Советского Союза, но и общественному мнению этих стран было бы совершенно непонятно, если бы с какой-либо стороны встретились препятствия к заключению договора между Советским Союзом и Чехословакией. Мне кажется также, что британское правительство, которое хорошо знакомо с этим вопросом, не имеет оснований для каких-либо возражений против договора, который имеет только положительное значение с точки зрения интересов Советского Союза и Чехословакии и который заключается между двумя государствами, имеющими общую границу, против возможной агрессии Германии в будущем, между двумя государствами, являющимися союзниками в теперешней войне против Германии»²¹².

Итак, все завалы на пути Бенеша в Москву, пагромажденные британской дипломатией, были устранены. 26 октября 1943 г. временный поверенный СССР при союзных правительствах в Лондоне П. Д. Орлов официально сообщил президенту Чехословакии Э. Бенешу о достигнутой на конференции министров иностранных дел в Москве договоренности относительно подписания советско-чехословацкого договора и передал приглашение приехать в Москву для подписания договора²¹³.

Из Форин оффис Бенеш получил сообщение, что для его поездки в Москву больше нет никаких препятствий. Вместе с тем чехословацкому президенту настоятельно рекомендовано было подписать договор с Советским Союзом «без особого шума», ибо правящие круги Великобритании чрезвычайно раздражены проектом советско-чехословацкого договора. Понимая, каким ударом станет этот дипломатический акт для польского эмигрантского правительства, Бенешу вновь было заявлено, что британское правительство приложит все усилия для сохранения польского эмигрантского правительства²¹⁴. 9 декабря британский кабинет министров издал следующее предписание: несмотря на то что Бенеш едет в Москву с одобрения и при полном взаимопонимании с правительством Великобритании, пресса должна быть сдержанна в своих оценках, так как договор в сущности будет подписан вопреки желанию и рекомендациям Великобритании²¹⁵.

Представители США, подтвердив на Московской конференции свое согласие с проектом советско-чехословацкого договора, больше не касались этого вопроса. Примечательно, что на конференции «Большой тройки» в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) проблему договора между ЧСР и СССР никто не поднимал.

Э. Бенеш отправился в Москву через Ближний Восток. В Ираке на английской военной базе у Багдада его встретил заместитель наркома иностранных дел СССР А. Е. Корнейчук с чехословацкими дипломатическими представителями в Москве и сопровождал на пути через Тегеран, Баку в столицу. Встреча чехословацкой делегации на Курском вокзале в Москве превратилась в мощную демонстрацию антифашистского союза между двумя дружественными государствами и народами. Президенту Чехословакии были оказаны почести как главе независимого и суверенного союзного государства.

12 декабря 1943 г. в Кремле в присутствии И. В. Сталина, Э. Бенеша, М. И. Калинина был подписан с советской стороны пародным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым, а с чехословацкой — послом З. Фирлингером Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой. Через несколько дней он был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и чехословацким президентом. Обмен ратификационными грамотами состоялся 22 декабря 1943 г. в Москве²¹⁶. Быстрая ратификация договора также имела свое значение. Как известно, буржуазные эмигрантские круги Чехословакии пытались включить в текст оговорку о необходимости ратификации договора парламентом после войны. Советская сторона еще в период подготовки проекта не пошла на эту уловку, которая могла стать юридической основой для отказа от ратификации договора в удобное для чехословацкой буржуазии время. К тому же против этого предложения решительно выступила вся левая чехословацкая эмиграция, возглавляемая коммунистами²¹⁷.

В преамбуле договора указывалось на его связь с советско-чехословацким договором 1935 г. и соглашением от 18 июля 1941 г. Здесь же подчеркивалось, что оба государства будут стремиться к тесному сотрудничеству, «желая содействовать после войны поддержанию мира и предотвращению дальнейшей агрессии со стороны Германии»²¹⁸. В ст. 1 договора торжественно провозглашалось,

что Советский Союз и Чехословакия согласились взаимно объединиться в политике постоянной дружбы, дружественного сотрудничества и взаимной помощи в военное и мирное время ²¹⁹.

В ст. 2 подчеркивалось обязательство обеих сторон не вести переговоры и не заключать без взаимного согласия какого-либо перемирия или мирного договора с Германией или с каким-либо иным государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе ²²⁰.

Ст. 3, 4, 5 предусматривали меры по закреплению победы над фашизмом и обеспечению безопасности Советского Союза и Чехословакии в послевоенный период. СССР и Чехословакия брали на себя обязательство оказывать друг другу всяческую военную и другую поддержку и помощь в случае военных действий с Германией или с каким-либо из государств, которое объединилось бы с ней в такой войне. Притом помощь должна оказываться немедленно и безусловно ²²¹.

Таким образом, устрепена была оговорка, имевшаяся в договоре 1935 г., согласно которой советско-чехословацкий договор вступал в силу только в случае прихода на помощь Чехословакии ее союзника Франции. Тем самым чехословацкая буржуазия в то время демонстрировала второстепенность для Чехословакии союзнических обязательств с СССР ²²².

Советский Союз и Чехословакия в интересах безопасности обеих стран в послевоенный период заявили о своем решении осуществлять тесное сотрудничество в соответствии с принципом взаимного уважения независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Подчеркивалось также намерение развивать в возможно более широких масштабах экономические отношения и оказывать друг другу всячески возможную помощь после войны ²²³.

Важным обязательством между двумя странами было не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против другой договаривающейся стороны ²²⁴. Тем самым окончательно уходила в прошлое проблема федераций и конфедераций в Центральной и Восточной Европе, направленных против СССР.

Длительность действия договора в 20 лет с возможностью его продления на последующие пятилетия также придавало ему особое политическое звучание, говорило о понимании обеими сторонами необратимости изменений,

начинавшихся в отношениях между СССР и странами Центральной Европы. Ведь первоначально Э. Бенеш намеревался ограничить срок действия договора пятью годами.

Договор был дополнен также протоколом, подчеркивавшим открытый характер союза между СССР и Чехословакией. В протоколе указывалось, что стороны, подписавшие договор, условились, что в случае, если к этому договору пожелает присоединиться какая-либо третья страна, граничащая с Советским Союзом или Чехословацкой Республикой и представлявшая в этой войне объект германской агрессии, то ей будет дана возможность подписать данный договор, который таким образом приобретает качество трипартитного договора ²²⁵.

Как с советской, так и с чехословацкой стороны подчеркивалось особое удовлетворение завершением этого трудного пути к подписанию договора о союзе, его особая значимость в отношениях между двумя странами. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в своей речи на церемонии подписания договора назвал его важнейшим историческим этапом в развитии дружбы между народами двух стран. Он подчеркнул также его направленность в безопасное будущее СССР и Чехословакии: «Договор закладывает прочный фундамент для послевоенного сотрудничества наших народов и для пресечения всяких попыток со стороны Германии вернуться к своей старой грабительской политике „наступления на Восток“ — „Драуг нах Остен“» ²²⁶.

В таком же тоне высказывались и чехословацкие представители. Э. Бенеш назвал договор актом величайшего значения в национальной истории Чехословакии и взаимных отношениях между двумя странами. Кроме того, он заметил, что «этот договор является одним из звеньев будущего строя, который будет благодетелем для нас и всех наших союзников и поможет укрепить мир в Европе» ²²⁷. В переговорах с В. М. Молотовым, А. Е. Корнейчуком В. З. Лебедевым, которые проходили 14, 16 и 18 декабря, Бенеш вновь подчеркнул особую значимость подписанного советско-чехословацкого договора для обеспечения безопасности стран Центральной и Восточной Европы ²²⁸. Чехословацкое правительство, по его словам, впредь намерено сотрудничать с СССР и координировать с ним свои действия во всех дальнейших переговорах на внешнеполитической арене ²²⁹.

Во время своего пребывания в Москве Э. Бенеш провел по широкому кругу вопросов переговоры с советскими

представителями И. В. Сталиным; В. М. Молотовым, М. И. Калининым, К. Е. Ворошиловым, А. Е. Корнейчуком и В. З. Лебедевым. С чехословацкой стороны в переговорах приняли участие президент Э. Бенеш, посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер и начальник канцелярии президента Я. Смутны.

Чехословацкая делегация передала Советскому правительству четыре меморандума, два из которых (об экономическом и военном сотрудничестве) конкретизировали соответствующие статьи договора, а два других представляли чехословацкие проекты мирного урегулирования с Германией и Венгрией и предложения о выселении немецкого населения с территории Чехословакии.

В меморандуме по экономическим вопросам подчеркивался необходимость тесного экономического сотрудничества Чехословакии и СССР и его направления. При этом указывалось, что «несомненно вся экономическая система Чехословацкой республики, вся ее внешняя торговля после войны радикально изменятся, и ее экспорт и импорт в значительной степени будут переориентированы на восток, в частности в СССР»²³⁰. Обмен товаров между Чехословакией и СССР должен был базироваться на плановой основе, с тем чтобы как можно лучше использовать производственные возможности обеих стран. В меморандуме указывалось, что основные отрасли промышленности, добыча сырья, источники энергии, шахты, металлургия, финансовые институты Чехословакии должны быть национализированы. Это создало бы предпосылки создания планированного производства в главных промышленных отраслях, изменения структуры чехословацкой экономики и координации чехословацкого плана с государственным планом Советского Союза, при учете необходимых экономических связей ЧСР с другими государствами²³¹.

Меморандум о военном сотрудничестве содержал чехословацкие предложения о дальнейшем развитии чехословацких воинских частей на территории СССР, их участии в боевых действиях на фронте, строительстве чехословацкой армии после освобождения республики. В этой связи в меморандуме подчеркивалось, что оборонная промышленность в ЧСР будет полностью национализирована и реорганизована. Генеральный штаб ЧСР должен будет в координации с соответствующими органами СССР установить объем оборонного производства, унифицировать совместно с командованием Красной Армии систему во-

оружия чехословацкой армии, противовоздушной обороны и т. д.²³²

Планировалась также реорганизация чехословацких банков и кредитной системы, радикальное изменение инвестиционной политики, что должно было, по мнению чехословацкой стороны, способствовать взаимному экономическому сотрудничеству. Финансирование поставок предполагалось осуществлять на базе клиринговых расчетов через Госбанк СССР в Москве и Национальный банк в Праге, гарантированных государственными кредитами, при твердом международном курсе советского рубля и чехословацкой кроны²³³.

Поставлен был также вопрос разработки плана строительства коммуникаций между обеими странами (железнодорожных, шоссейных и воздушных), которые отвечали бы как расширяющимся экономическим, так и стратегическим оборонным целям. Большое внимание было уделено Дунаю как выгодному водному пути для транспортировки нефти, сельскохозяйственной продукции и других предметов товарообмена между двумя странами²³⁴.

В меморандуме были указаны также виды товаров взаимного обмена: экспорт из СССР в ЧСР — марганец, железная руда, фосфаты, уголь, табак, зерно, продукты животноводства, кожа, нефть, хлопок, шерсть, цветные металлы; экспорт из ЧСР в СССР — станки, машинное оборудование, металлоконструкции, стекло, пряжа, ткани, обувь, электротехническое оборудование, хмель, пиво, ячмень, сахар и т. д.²³⁵ Как видно из перечисленного ассортимента товаров, чехословацкая сторона взяла за основу довоенный товарообмен между двумя странами, предложив только увеличить его объем. В сущности, Бенеш и его правительство хотели видеть в СССР свою сырьевую базу и рынок сбыта готовой продукции. Сотрудничество с СССР, согласно формуле лондонских чехословацких экспертов, должно было «обеспечить промышленности на длительный период полную занятость, новые капиталовложения и участие в восстановлении разрушенных фашистами областей СССР»²³⁶.

Меморандум о мирном договоре касался требований ЧСР к Германии и Венгрии. В нем указывалось на необходимость полного разоружения Германии и глубоких изменений ее внутренней структуры, чтобы в дальнейшем воспрепятствовать какой-либо попытке агрессии с ее стороны. Чехословакия претендовала также на возмещение Германией убытков, нанесенных республике оккупацией. Вы-

ражено было также желание ЧСР участвовать в оккупации Германии и Венгрии, если на это дадут согласие великие державы²³⁷.

В меморандуме о немецком национальном меньшинстве подчеркивалась необходимость выселения с территории ЧСР большей части немецкого населения, что будет способствовать укреплению безопасности республики. В этом документе также указывалось, что «эта проблема касается в значительной степени также венгерского меньшинства»²³⁸. По всем жизненно важным для национально-государственных интересов Чехословакии проблемам чехословацкому правительству была обещана твердая советская поддержка²³⁹.

Во время переговоров было затронуто также отношение обоих государств к Польше, Франции, Румынии, Югославии и Австрии. По всем принципиальным вопросам позиции советской и чехословацкой сторон совпали или были близкими. Советское руководство вновь подчеркнуло, что СССР никогда не признавал мюнхенское соглашение, выступал и выступает за восстановление Чехословацкой республики в домюнхенских границах. Только Советское правительство дало Чехословакии все те гарантии, которых Бенеш безуспешно добивался начиная с 1939 г. на Западе. Присутствовавший на переговорах посол З. Фирлиггер впоследствии писал: «Комиссар Молотов и маршал Сталин, который присутствовал на последнем заседании 18 декабря в Кремле, стремились избежать всего, что могло бы вызвать неблагоприятное впечатление у нашего правительства или могло бы выглядеть как какое-то давление, попытка оказать на нас влияние тем или иным способом. Они каждый раз подчеркивали, что относятся к Чехословакии как к суверенному и независимому государству, которое должно решать свои проблемы само демократическим путем, и СССР не будет ему что-либо указывать или предписывать»²⁴⁰.

Большое внимание во время переговоров было уделено обеими сторонами польскому вопросу. Советские представители заявили, что «СССР желает видеть самостоятельную сильную Польшу и установить с ней, так же как и с ЧСР, дружественные отношения»²⁴¹. Однако это возможно только в том случае, если польское демократическое правительство будет действовать в полном согласии с пародом²⁴². Советская сторона хотела также услышать точку зрения Э. Бенеша относительно польского эмигрантского правительства. В своих воспоминаниях Э. Бенеш писал:

«Я откровенно сказал обо всем, что мне было известно и чему я верил, по при этом я подчеркивал, что мы, чехословаки, искренне желаем, чтобы было достигнуто соглашение между Москвой и Варшавой... Я уверен, что можно достигнуть соглашения и с современным польским правительством в Лондоне, по крайней мере с некоторыми его основными членами, с другими же дело обстоит безнадежно. С теми, кто считает себя наследниками Пилсудского, а их среди лондонских поляков большинство, Москва соглашения не достигнет никогда. Но премьер-министр Миколайчик и некоторые его сторонники, по моему мнению, настроены демократически и, как мне кажется, понимают, что соглашение и сотрудничество с Москвой после войны необходимо. Поэтому я бы советовал предпринять попытку достичь соглашения»²⁴³. Далее Бенеш писал, что польский премьер-министр просил его передать Советскому правительству, что он хотел бы достичь соглашения с СССР при условии «сохранения Львова и части Восточной Галиции в составе Польши и невмешательства Советского Союза во внутренние дела Польши»²⁴⁴.

И. В. Сталин сформулировал позицию Советского правительства следующим образом: демократизация польского правительства, дружественное отношение к СССР, признание в качестве границы «линии Керзона» с небольшими поправками, урегулирование западной границы Польши, присоединение Польши к советско-чехословацкому договору. В заключение он попросил Бенеша передать содержание беседы польскому премьеру Миколайчику²⁴⁵.

В отношении Австрии позиции обеих сторон совпадали: восстановление независимой Австрийской республики, присоединение ее к Германии или какому-нибудь другому государству исключается²⁴⁶.

В отношении Румынии советские представители высказались за различное отношение к румынским правящим кругам и румынскому народу. Но в Румынии, как считали они, должны произойти демократические изменения. Высказано было также предположение, что румынский народ поднимается на борьбу против гитлеровской Германии и Румыния еще включится в антигитлеровскую коалицию²⁴⁷.

Бенеша интересовало отношение Советского правительства к Франции. Он понимал, что после войны пройдет определенное время, прежде чем Франция сможет вновь восстановить свои позиции на Европейском континенте. И тем не менее чехословацкий президент не от-

казывался от возобновления прежних с ней связей. Советские представители заявили, что, хотя Франция и способствовала Мюнхену и несет ответственность за возникновение войны, СССР все же готов проводить в отношении этой великой державы такую политику, которая позволила бы ей после войны сотрудничать с союзниками²⁴⁸.

Относительно Югославии обе стороны также пришли к единому выводу, что борьба югославского народа является гарантией того, что новая федеративная республика будет «сильным демократическим государством, находящимся в тесных дружественных отношениях с Советским Союзом и Чехословакией»²⁴⁹.

Во время переговоров обсуждались вопросы, касавшиеся заключительного этапа войны и участия Красной Армии в освобождении Чехословакии. Бенеш высказал пожелание, чтобы вместе с советскими войсками на территорию Чехословакии вступали также чехословацкие воинские части и чтобы «при вступлении на нашу территорию всегда считались с нами, если для этого достаточно будет наших сил, признавались наши порядки и затем постепенно наша территория передавалась бы под управление наших гражданских властей»²⁵⁰. Советские представители считали такой порядок приемлемым и безусловным и попросили представить проект соответствующего советско-чехословацкого соглашения²⁵¹.

Результаты переговоров, дружеский прием, оказанный чехословацкой делегации в Москве, как писал посол Фирлигер, превзошли все ожидания президента Бенеша. Сам он, выступая 4 февраля 1944 г. с сообщением о визите в Москву на заседании Государственного совета, высоко оценил результаты переговоров. «Без всяких колебаний заявляю, что по всем вопросам, по которым шли переговоры и которые в той или иной мере касались наших государственных и национальных интересов, мы достигли полного взаимного согласия. Обмен мнениями был в полном соответствии с тем, о чем договорились по проблемам войны и послевоенного урегулирования три великих державы на Московской и Тегеранской конференциях, а поэтому все решения, касающиеся Чехословакии, находятся в полном соответствии с советско-британско-американским соглашением и совместными действиями трех великих держав.

Могу также заявить, что между Советским Союзом и Чехословакией все принципиально важные вопросы их отношений решены в их взаимных интересах, в дружеской

гармонии, взаимной солидарности и симпатии... Для нас этот договор всем своим характером, двадцатилетним сроком и возможностью его автоматического продления представляет твердую гарантию обороны против возможного проявления пангерманизма, против „Дранг нах Остен“ и против бандитской политики захвата германского Lebensraum. Он обеспечивает наши границы и является гарантией того, что Мюнхен никогда не повторится. Все это в целом означает такую гарантию независимости нашей республики, какой мы до сих пор еще никогда не имели»²⁵².

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что переговоры о заключении советско-чехословацкого союзного договора вел и завершил их в декабре 1943 г. антикоммунистически настроенный Э. Бенеш. Внешне он выступал как творец и провозвестник новой внешнеполитической ориентации Чехословацкой республики. В то же время это не была его концепция. В Москве Бенеш подтвердил вовсе не свою и своего класса концепцию внешней политики Чехословакии, а концепцию прогрессивного крыла чехословацкого движения Сопротивления, революционную концепцию, которую последовательно отстаивала и проводила Коммунистическая партия Чехословакии.

Не случайно в период, предшествовавший подписанию советско-чехословацкого договора, в рядах движения Сопротивления вновь и вновь дискутировалась проблема Мюнхена²⁵³. Действительная ликвидация последствий мюнхенского соглашения, как подчеркивали чехословацкие коммунисты, заключалась не только и не столько в отказе от него Великобританией и Францией, сколько в устранении причин его породивших, т. е. односторонней ориентации Чехословакии на Запад, не сработавшей в качестве гаранта безопасности республики в сентябрьские дни 1938 г. Поэтому необходимость обеспечения безопасности нового государства чехов и словаков с опорой на Советский Союз стала программным пунктом всех течений чехословацкого Сопротивления, и необходимость его крепла с ростом авторитета и влияния Советского Союза в антигитлеровской коалиции и в мире в целом.

Этим, в сущности, объясняется и тот факт, что убежденный противник революционных сил, политический деятель прозападного курса Э. Бенеш пошел на решительный шаг, противоречивший его классовой позиции, — на подписание такого важного договора с СССР, какой

не был подписан чехословацким правительством в период войны ни с одним западным государством.

Этот шаг Э. Бенеша, несомненно, являлся прогрессивным, означал важную победу революционного крыла движения Сопротивления. Сделан он был под давлением движения Сопротивления в оккупированной стране, левых сил в эмиграции и развития международных событий. Но действия президента вовсе не означали, что чехословацкая буржуазия сознательно подрывала свои классовые позиции, более того, добровольно их сдавала левым силам. Отнюдь нет, это было бы грубым упрощением ее политики. Читая выступления Э. Бенеша, Я. Масарика, Г. Рипки в 1943 г., вспоминая чехословацкого президента, мы не пайдем в них ощущений безысходности и фатального тупика.

Понимание буржуазным крылом и лично Э. Бенешем необходимости подписания советско-чехословацкого договора о союзе не было таким простым, как это могло показаться на первый взгляд исходя из официальных выступлений президента, особенно во время пребывания в Москве в декабре 1943 г. У Э. Бенеша были свои субъективные расчеты, связанные с советско-чехословацким договором и развитием событий в Чехословакии после войны. Он не сомневался в том, что освобождение республики от нацистской оккупации выльется в социальную революцию и поэтому разрабатывал планы овладения положением, искал возможности торможения революционного процесса силами буржуазии²⁵⁴. Так, накануне поездки в Москву Бенеш заявил: «Мы хотим урегулировать все вопросы с русскими, обеспечить невмешательство в наши внутренние дела, в сфере международной — признание суверенитета и целостности республики, продемонстрировать полякам и всему миру, что не пойдем на какой-либо более тесный союз с Россией, не хотим превратиться в советскую республику... Это и есть цель нашей поездки в Россию»²⁵⁵.

Революционный шаг в изменении внешнеполитической ориентации Чехословакии Бенеш сопровождает консервативной его интерпретацией. Это же подчеркивал и ближайший сподвижник Бенеша, министр Рипка, заявивший в разговоре с британским послом Никольсом: «Договором с Советами мы хотим также обеспечить внутреннюю независимость, опасности коммунизма мы хотим противопоставить, с одной стороны, внешнеполитическое дружественное сотрудничество с Советским Союзом, а с дру-

гой — ликвидацию этой опасности путем привлечения коммунистов к сотрудничеству в правительстве, а тем самым и к ответственности их за действия правительства»²⁵⁶.

Следует отметить еще один важный момент в калькуляциях Бенеша. Его «зигзагообразная» дипломатия, длительное следование в фарватере курса Великобритании, участие в британских комбинациях по послевоенному урегулированию в Центральной Европе, противоречивших национально-государственным интересам Чехословакии, вызывали острую критику со стороны движения Сопротивления на оккупированной территории страны и левых сил в эмиграции. Поэтому с подписанием советско-чехословацкого договора он связывал надежды на укрепление своего авторитета, консолидацию буржуазных группировок. Эти надежды в значительной мере оправдались. Поездка в Москву, подписание союзного договора с СССР подняли авторитет Бенеша в движении Сопротивления и в широких народных массах, а следовательно, укрепили его политические позиции.

Весьма характерна в этом отношении депеша Бенеша представителям движения Сопротивления в Словакии в связи с итогами его визита в СССР: «Подписание договора и поездка в Москву необычайно укрепили наше международное положение и явились завершением всей нашей (подчеркнуто нами. — *И. П.*) работы. Признается, что, с точки зрения дипломатической, у нас, собственно, все готово, что из малых государств мы наиболее подготовлены, имея в виду послевоенный период, и что мы, пожалуй, в наибольшей степени консолидированы. Представляется, что между союзниками не будет никаких споров по нашим вопросам. Ведь необходимы лишь единство и сплоченность в нашей стране, единое твердое проведение переворота в стране и консолидация всех партий...»²⁵⁷. Бенеш всячески стремился выпятить свои заслуги в достижениях чехословацкого правительства на международной арене. Кроме того, делал акцент на «твердом проведении переворота в стране», отрицая тем самым революционную форму освобождения страны.

Объективно поворот влево во внешнеполитической ориентации Чехословакии, каким было по существу подписание советско-чехословацкого союзного договора, стал событием, которое склонило чашу весов в пользу революционных сил, способствовало переходу инициативы в их руки. Это понимал и Э. Бенеш, поэтому пошел по собствен-

ной инициативе на переговоры с коммунистами в Москве, стремясь закрепить за собой ведущую роль в предстоящей национально-демократической революции в Чехословакии ²⁵⁸.

Предметом обсуждения на переговорах явились предложения, выработанные руководством КПЧ в Москве и переданные К. Готвальдом Э. Бенешу. Стороны выяснили свои позиции, которые по многим пунктам совпадали, по некоторым были близки, но по кардинальным, касавшимся социальных и политических преобразований в Чехословакии после освобождения, расходились. Московские переговоры между Бенешем и руководством КПЧ не завершились подписанием какого-либо соглашения. Обе стороны оставляли за собой свободу действий. Два центра в чехословацком движении Сопротивления за границей не перестали существовать, хотя отношения между ними изменились, буржуазная лондонская эмиграция самим фактом переговоров признала важность московского центра. Сближение двух направлений, двух центров чехословацкого движения Сопротивления за рубежом отвечало общей тенденции развития чехословацкого национально-освободительного движения и шло в направлении объединения всех антифашистских сил ²⁵⁹.

Результаты московских переговоров способствовали укреплению того политического курса в чехословацком движении Сопротивления, наиболее ярким выражением которого был советско-чехословацкий договор, а московские переговоры были его эквивалентом в отношениях между западным и восточным центрами чехословацкой эмиграции.

Советско-чехословацкий договор сыграл большую роль в активизации и дальнейшем размахе антифашистской борьбы в оккупированной Чехословакии. Он явился основой складывавшегося в годы войны военного и политического союза СССР и Чехословакии в борьбе против нацистской оккупации, за восстановление независимости ЧСР, стал международно-правовой базой всесторонней военной и политической помощи Советского Союза антифашистским силам Чехословакии. После его заключения на оккупированной территории республики резко возрос интерес широких народных масс к Советскому Союзу как к социалистическому государству. В непролетарских слоях расплывчатые идеи славянской солидарности начали перерастать постепенно в твердую убежденность необходимости ориентации на Советский Союз.

Министр эмигрантского правительства Я. Славик, выступая в Государственном совете по вопросу об откликах на подписание союзного договора СССР—ЧСР в оккупированной стране, заявил: «На родине сообщение о заключении договора с Советским Союзом воспринято с воодушевлением.. Это событие считается началом новой эпохи в истории Чехословакии. С большим интересом следили за переговорами, а подписание договора встречено восторженно»²⁶⁰. Орган КПЧ газета «Руде право», издававшаяся в подполье, напечатала текст договора и обширный комментарий. Его автор, член подпольного ЦК КПЧ Р. Ветишка, подчеркивал: «В Москве был подписан договор, который дает нам гарантию, что империалистический хищник, фашистская Германия, будет разбит и чехословацкому обществу будет обеспечена свобода»²⁶¹. Оккупанты и марионеточное правительство «протектората» пытались «от имени народа» организовать митинги «протеста» против заключения советско-чехословацкого договора, было объявлено об учреждении «Лиги борьбы против большевизма». Подпольное руководство КПЧ по этому поводу заявляло: «Как бы враг ни бесновался, какие бы пропагандистские усилия ни предпринимал, они напрасны... Он ничего не может противопоставить факту восстановления позиций Чехословакии на международной арене»²⁶².

Подписание советско-чехословацкого договора вызвало большой отклик среди бойцов 1-й чехословацкой отдельной бригады, участвовавшей в боях на Правобережье Украины. Газета бригады «Наше войско в СССР» подробно информировала бойцов о сущности договора и откликах на него в других странах.

Волну воодушевления вызвало это крупнейшее событие в советско-чехословацких отношениях в среде чехословацкой эмиграции в Англии. Все чехословацкие журналы и газеты опубликовали обширные комментарии к договору. «Ческословенские листы» вышли с передовой статьей под заголовком «Договор с СССР — залог нашей победы и нашего будущего», а «Чехословак» опубликовал статью В. Носека «Великие перспективы ЧСР»²⁶³.

Заключение советско-чехословацкого договора нанесло смертельный удар клерикально-фашистскому режиму марионеточной «Словацкой республики», открыв новую перспективу общей государственности чехов и словаков. В так называемом Рождественском соглашении 1943 г. о создании Словацкого национального совета, подписанном все-

ми группами словацкого движения Сопротивления, указывалось: «2. Мы стремимся к тесному сотрудничеству со всеми славянскими государствами и народами, особенно с СССР, в котором мы видим гарантию свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности. 3. Будущая ЧСР должна проводить свою внешнюю политику в духе этих принципов, а поэтому она должна во внешнеполитической и военно-политической областях осуществлять ориентацию на СССР»²⁶⁴. Подпольный некоммунистический журнал «Оглас» писал в связи с заключением договора: «Запомним этот день... Создаются условия для того, чтобы Чехословакия не только выиграла войну, но и обеспечила себе мир»²⁶⁵. С воодушевлением восприняли эту весть и словацкие солдаты, которые в октябре 1943 г. перешли в Крыму на сторону Красной Армии²⁶⁶.

Советско-чехословацкий договор способствовал сближению концепций чешского и словацкого движений Сопротивления относительно будущей государственности, что имело огромное значение как для усиления антифашистской борьбы в оккупированной стране, так и для послевоенного развития. Модель новой Чехословакии, государства, в котором чехи и словаки будут иметь равные права для своего политического, экономического и национального развития, была выработана коммунистами и поддержана всеми прогрессивными течениями в движении Сопротивления. Внешней предпосылкой для реализации этой модели служил советско-чехословацкий договор, а сама модель стала общей идеей народов Чехословакии. Таким образом, после тяжелых испытаний пути двух братских народов в процессе национально-освободительной борьбы, под влиянием побед Советского Союза и под руководством КПЧ вновь стали сближаться.

Подписание советско-чехословацкого договора стало важнейшей вехой в борьбе между рабочим классом и буржуазией Чехословакии по кардинальному вопросу, имевшему жизненное значение, — внешнеполитической ориентации, способной обеспечить национальное существование чехов и словаков²⁶⁷. Договор 1943 г. означал победу внешнеполитической концепции тесной, искренней и нерушимой дружбы Чехословакии с Советским Союзом. Он создавал перспективы таких внешнеполитических условий, при которых чехословацкий народ впервые получил возможность свободно, без давления извне устраивать свою судьбу в освобожденной стране²⁶⁸.

Эту сторону договора подчеркнул в своем выступлении в передаче московского радио на Чехословакию К. Готвальд 26 декабря 1943 г.: «После падения гитлеровской тирании, после изгнания чужеземных захватчиков с нашей родины, после освобождения нашей республики этот договор обеспечит нам полную безопасность извне и освободит нам руки для того, чтобы мы могли сосредоточить все свои силы на строительстве новой и счастливой жизни в свободной и независимой Чехословакии... Московский договор от 12 декабря 1943 г. закладывает прочную нерушимую основу нашей будущей национальной и государственной жизни. Этот договор избавляет наши народы от самого тяжелого бремени, которое они несли на протяжении столетий: от страха за существование»²⁶⁹.

Советско-чехословацкий договор имел и более широкое значение в смысле дальнейшего развития международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Этот дипломатический акт навсегда покончил с планами создания реакционных центральноевропейских конфедераций и означал окончательное крушение концепции «санитарного кордона» у границ Советского Союза. Инициатива в послевоенном урегулировании в Центральной Европе переходила к Советскому Союзу. Блестящие победы в военном противоборстве с гитлеровской Германией и ее сателлитами закрепились победой на дипломатическом фронте. Договор документально подтверждал новую роль Советского Союза в европейской и мировой политике, его положение как великой державы, регулирующей свои отношения с малыми государствами Центральной Европы на принципах равенства и взаимной помощи. В этом была одна из крупных побед советской дипломатии во время второй мировой войны. «Советско-чехословацкий договор, — писал в декабре 1943 г. журнал „Война и рабочий класс“, — закладывая основы будущих взаимоотношений между великой державой и малым государством, демонстрирует возможности участия малых стран Европы в обеспечении системы всеобщей безопасности и без всяких искусственных объединений вроде „федераций“ и т. д.»²⁷⁰. Тем самым намечалась перспектива изменения характера международных отношений в Европе, превращение суверенных малых стран из объекта в активный субъект взаимоотношений между государствами Европы и мира.

Значение договора в общеевропейском контексте неоднократно подчеркивал и Бенеш. Он писал в своих вос-

поминаниях: «В активе Советского Союза уже был целый год огромных военных побед, но понимание его роли союзными державами все еще было сдержанным. Более того, у многих его противников крупные и неожиданные победы над Германией вновь вызвали рецидивы прежнего страха... Наш договор, первый из таких документов, подписанных в период войны, пробил, частично, эту стену между Советским Союзом и западным миром, наблюдавшим за нашими действиями в смысле испытательного теста, который покажет, каковы планы Советского Союза на послевоенный период в отношении его соседей»²⁷¹.

Однако положительная оценка Бенешем советско-чехословацкого договора вовсе не являлась свидетельством того, что этот опытный буржуазный политический деятель радикально изменил свои внешнеполитические ориентиры. Свой прозападный курс Бенеш менять не собирался. «Для нас проблема, заключающаяся в вопросе: Запад или Восток, — писал он в своих воспоминаниях, — последовательно и четко решена в ответе: Запад и Восток. Так и только так следует понимать подписанный и ратифицированный мною договор с Советским Союзом в декабре 1943 г., целенаправленно и сознательно связываемый нами с советско-английским договором от 26 мая 1942 г., в сохранении действия которого после войны я тогда был твердо уверен»²⁷². Таким образом, советско-чехословацкий договор в понимании Бенеша был обусловлен тесным союзом Чехословакии с западными государствами, а сама Чехословацкая республика должна была играть роль «моста». В дальнейшем Бенеш и его ближайшее окружение усиленно развивают эту концепцию среднего положения между Востоком и Западом, встретившую резкую критику со стороны левых сил в движении Сопротивления и вызвавшую обоснованные опасения в отношении надежности буржуазного правительства в качестве гаранта союзного договора между ЧСР и СССР. Трагический опыт договора 1935 г. показал, что буржуазное правительство не является надежным гарантом в критический момент, когда перед ним встает проблема выбора между верностью союзническому договору с социалистическим государством и классовой солидарностью, которая ее связывает с Западом²⁷³. Однако опыт 1938 г. не прошел даром и для левых сил, их участие в определении внешнеполитической концепции Чехословакии становилось все более ощутимым по мере нарастания национально-освободительной борьбы в оккупированной стране.

Заключение советско-чехословацкого договора имело значение, выходящее далеко за пределы отношений двух стран. Оно еще раз продемонстрировало готовность СССР к тесному сотрудничеству с государством иной социально-политической системы, если оно стремится своими действиями к укреплению антигитлеровского союза.

Договор способствовал изоляции польского эмигрантского правительства, практически парализовал воздействие его антисоветской политики²⁷⁴. Все это способствовало укреплению антигитлеровской коалиции, создавало международно-правовой прецедент плодотворного и равноправного сотрудничества государств с различным общественным строем, послужило прообразом ряда других аналогичных договоров. Советско-чехословацкий Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией явился основой складывавшегося в годы войны военного и политического союза обеих стран в борьбе против нацистской оккупации, за восстановление независимости ЧСР. Он стал международно-правовой платформой всесторонней военной и политической помощи Советского Союза антифашистскими силами Чехословакии.

Глава вторая

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА МЕЖДУ ЧСР И СССР

Проблемы развития военного и политического союза
между Чехословакией и Советским Союзом
в первой половине 1944 г.

Советский Союз последовательно выполнял взятые на себя союзнические обязательства о взаимной помощи в борьбе против нацистской Германии. Подготовленная в СССР 1-я отдельная чехословацкая бригада в ноябре 1943 г. освобождала столицу Украины Киев. На всех участках чехословацкие бойцы успешно действовали совместно с воинами Красной Армии. Газета «Правда» 21 ноября 1943 г. писала, что под руководством своего командира Л. Свободы чехословацкие воины дрались за Киев с такой же отвагой, как сражались бы они за Прагу и Братиславу¹.

Советское правительство высоко оценило ратные подвиги чехословацких бойцов. За героизм, проявленный в боях за освобождение Киева, Президиум Верховного Совета СССР присвоил воинам чехословацкой бригады поручику Антонину Сохору и надпоручику Рихарду Тесаржику звание Героя Советского Союза, а саму бригаду наградил орденом Суворова 2-й степени, сотни бойцов были награждены орденами и медалями СССР. В статье, опубликованной в газете «Ческословенске листы», выходившей в Москве на чешском языке, Яп Шверма писал: «История сама дала свой великий символ: у древнего Киева рядом с русскими, украинскими и белорусскими братьями сражались чехи и словаки... Киев стал кровью освященным памятником вечного славянского братства между народами Чехословакии и Советского Союза»².

В конце декабря 1943 г.— начале января 1944 г. 1-я отдельная чехословацкая бригада участвовала в боях у Белой Церкви и Жашкова. Советское командование высоко оценило успешные боевые действия чехословац-

кой бригады, наградив ее орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. Многие солдаты и офицеры были отмечены орденами и медалями СССР. В непрерывных боях с ноября 1943 г. по апрель 1944 г. бригада показала хорошую воинскую подготовку и умение выполнять самые сложные задачи. В начале марта 1944 г. Военный совет 40-й армии, в составе которой бригада воевала, телеграфировал генералу Л. Свободе: «Приносим Вам и войскам бригады свою искреннюю благодарность за боевую доблесть и мужество, проявленные в боях с немцами. 1-я отдельная чехословацкая бригада в СССР, действуя под вашим руководством, зарекомендовала себя как образцовая часть»³.

Во второй половине января 1944 г. на участок 1-го Украинского фронта, в состав которого входила 1-я отдельная чехословацкая бригада, в целях инспекции приехала чехословацкая делегация — посол Фирлингер, генералы Нижборский, Пика, Кратохвил и редактор газеты «Ческословенске листы» Борек. В своей депеше министерству иностранных дел Чехословакии З. Фирлингер отмечал высокий боевой дух солдат бригады. На тяжелые условия жаловались только чехословацкие офицеры, прибывшие недавно в часть из Англии⁴. Они оказались совершенно неподготовленными к условиям военных действий на советско-германском фронте.

Генерал Л. Свобода просил начальника чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пика прислать как можно быстрее пополнение для бригады из запасного полка. Просьбу Л. Свободы поддержал командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин в беседе с членами чехословацкой делегации во время их посещения штаба фронта. «Руководящие советские деятели, — писал З. Фирлингер, — решительно настроены в пользу ее быстрого пополнения, поскольку присутствие на фронте полностью укомплектованной боеспособной чехословацкой бригады имеет большое значение. 1-й Украинский фронт, которому придана чехословацкая бригада, уже теперь имеет для нас большое значение, а боеспособность бригады является для нас важным политическим фактором. Поэтому прошу президента поддержать эти планы»⁵.

Генерал Ватутин со своей стороны разрешил генералу Свободе оставлять в бригаде всех надежных чехов и словаков из прифронтовой полосы. Кроме того, советское военное командование получило инструкцию — всех повобращен из чешских сел на Украине отсылать в чехо-

словацкий запасной полк. Уже в окрестностях Житомира было мобилизовано свыше 100 чешских новобранцев⁶. Свою роль в наборе новобранцев в чехословацкие части сыграли и выступления в чешских селах на митингах членов чехословацкой делегации⁷.

Однако чехословацкое правительство и военная миссия всячески препятствовали пополнению и укреплению 1-й отдельной чехословацкой бригады. Более того, они стремились ограничить ее дальнейший рост. В окружении Бенеша возник даже план объединения всех чехословацких воинских частей на территории СССР в так называемый «легкий корпус», куда должно было быть направлено большое количество «надежных» офицеров из Лондона. «Легкий корпус» эмигрантское правительство рассчитывало отправить воздушным путем в Чехословакию накануне ее освобождения для «овладения ситуацией». Этот план предложил во время встречи в Москве с представителем советского командования генералом Ф. И. Голиковым в конце февраля 1944 г. генерал Нижборский (А. Гасал)⁸. С советской стороны было проявлено желание всеми имеющимися средствами ускорить формирование 2-й чехословацкой бригады в Ефремове. Генерал Голиков пообещал также ускорить решение вопроса с визами для чехословацких офицеров из Лондона⁹.

Однако дело с визами затянулось из-за инцидента с пятью чехословацкими офицерами, присланными раньше и находившимися в 1-й бригаде. Здесь они развернули антисоветскую агитацию, и советские представители потребовали от начальника чехословацкой миссии их немедленной высылки из СССР¹⁰. В связи с этим более тщательно рассматривался также представленный список 140 других офицеров из Лондона. 40 из них не получили советских виз¹¹.

Чехословацкое министерство национальной обороны, возглавляемое реакционным генералом С. Ингром, не ограничивалось только этими действиями, противоречившими духу советско-чехословацкого союзного договора. С. Ингр занимался откровенно враждебной Советскому Союзу деятельностью, требовал от начальника Чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пики сбора сведений о военном и экономическом положении в Советском Союзе, которые он затем, по его собственному признанию, передавал британским военным и разведывательным органам «как определенное возмещение за помощь с их стороны в области разведки»¹².

Министр С. Ингр пытался дирижировать даже в таких вопросах, как участие чехословацких военных представителей в митингах Всеславянского комитета в Москве. В феврале 1944 г. министерство национальной обороны Чехословакии прислало в Москву инструкцию для выступления представителей чехословацкой делегации на митинге воинов-славян в Москве. В ней подчеркивалось, что «по политическим соображениям необходимо настойчиво упоминать о западных союзниках и о их боевых делах, особенно об успехах британского флота и авиации»¹³. Призыв к сопротивлению в Чехословакии должен был быть «деловым и ответственным». Генерал Ингр, очевидно, рассчитывал, что на митинге, проходившем в Москве 23—24 февраля 1944 г., с речью выступит начальник Чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пика. Однако делегацию чехословацких воинов возглавил командир 1-й отдельной чехословацкой бригады в СССР генерал Л. Свобода. Он не стал придерживаться указаний, присланных из Лондона, и в своем выступлении призвал народы Чехословакии бороться с оружием в руках против оккупантов, чтобы делом доказать свою моральную силу и заслужить свободу¹⁴.

Используя свое официальное положение и возможности, которые из него следовали, лондонское чехословацкое правительство прилагало максимум усилий к тому, чтобы удержать чехословацкие воинские части в СССР под своим контролем и использовать их как важный инструмент в восстановлении позиции буржуазии в освобожденной Чехословакии. Коммунисты таких возможностей не имели. Среди офицерского состава у них было мало сторонников, и влияние КПЧ в воинских частях осуществлялось главным образом снизу, путем систематической массово-политической работы. Поэтому между «лондонскими» офицерами и левыми силами, к которым относился и командир бригады генерал Л. Свобода, велась острая политическая борьба. Положение в чехословацких воинских частях в СССР не улучшалось. Пополнялись они, как указывалось выше, из разнородных источников, идейные представления бойцов были весьма туманными. Не редким явлением стало соединение антинемецких настроений с антисоветскими и антикоммунистическими предрассудками, которые прибывшие из Лондона офицеры стремились всячески раздуть. Однако участие в боевых действиях бок о бок с красноармейцами, широкие контакты с советскими людьми, работа органи-

зации КПЧ, неоднократные посещения чехословацких воинских частей К. Готвальдом, Я. Швермой, З. Неedly, В. Копецким, ведущая роль прогрессивно настроенных офицеров, таких, как генерал Л. Свобода, молодых офицеров — выпускников советских училищ — все это давало свои плоды, ускоряло развитие политического самосознания бойцов в левом направлении¹⁵.

Лондонская концепция создания в СССР из чехословацких воинских частей «легкого корпуса» для выполнения полицейских функций потерпела крах уже весной 1944 г. Офицеры и солдаты этих частей выступали за образование такого воинского соединения, которое было бы вооружено самым современным оружием и снабжено соответственно техникой и смогло бы своим максимальным боевым участием на советско-германском фронте ускорить освобождение родины. Решающий поворот в борьбе за расширение и реорганизацию чехословацких воинских частей в СССР наступил только весной 1944 г. Генштаб Красной Армии издал 10 апреля 1944 г. Директиву о формировании 1-го армейского чехословацкого корпуса. Директива стала правовой основой формирования чехословацкого высшего общевойскового соединения, которое должно было включать все виды войск и соответствующих служб. В состав корпуса, согласно директиве, вошли 1-я отдельная ордена Суворова и Богдана Хмельницкого чехословацкая пехотная бригада, отдельный запасной чехословацкий пехотный батальон, преобразованный в отдельный запасной полк, отдельный чехословацкий танковый батальон и 2-я отдельная воздушно-десантная чехословацкая бригада¹⁶. Формирование корпуса началось в районе Ровно, затем части были передислоцированы в район Черновцов, Каменец-Подольского, Проскурова. На первых порах корпус состоял из трех стрелковых бригад, в том числе одной десантной, танкового батальона и истребительного авиационного полка¹⁷.

Большую роль в создании нового чехословацкого воинского соединения сыграло решение Советского правительства о пополнении личного состава гражданами СССР чешской национальности, проживавших на Волыни. В результате в чехословацкий корпус из чешских сел западных областей Украины пришло около 12 000 новобранцев.

Как в дни формирования бригады, так и в период создания корпуса руководство КПЧ в Москве приложило максимум усилий, чтобы противодействовать не только реакционным элементам, но и стремлению лондонских

офицеров превратить корпус в послушное орудие лондонского чехословацкого правительства. По настоянию президента Э. Бенеша на пост командира корпуса был назначен реакционно настроенный и бездарный генерал Я. Крадохвил. Со своей стороны руководство КПЧ при поддержке посла З. Фирлингера добивалось, чтобы офицеров для корпуса готовили советские военные училища. Согласно Директиве Генштаба Красной Армии от 9 апреля 1944 г., в Московском инженерном училище, Муромском училище связи, 1-м Саратовском танковом училище, Смоленском артиллерийском училище, Рязанском пехотном училище были сформированы специальные чехословацкие отделения¹⁸. Руководству КПЧ также удалось достичь соглашения с чехословацким правительством о том, чтобы старшим офицером просвещения личного состава корпуса был назначен коммунист, штабс-капитан Я. Прохазка, являвшийся одновременно руководителем нелегальной коммунистической организации соединения¹⁹.

Сформированное за короткий срок 16-тысячное воинское соединение, т. е. 1-й чехословацкий армейский корпус, стало важной ступенью в создании революционной чехословацкой армии. Таким образом, руководство КПЧ, поставившее в декабре 1943 г. перед президентом вопрос о том, что компартия претендует на занятие своим представителем поста министра национальной обороны в будущем правительстве освобожденной Чехословакии, не ограничилось только заявлением, но и предприняло серьезные практические шаги на пути создания новой армии. Летом 1944 г. руководством КПЧ были разработаны основные принципы строительства новой армии в освобожденной Чехословакии. Эта армия вместе с национальными комитетами должна была представлять новую народную власть в освобожденной республике. Партийная организация КПЧ постоянно проводила среди воинов корпуса большую политико-воспитательную работу и тщательную подготовку к возвращению на родину (офицеры просвещения готовили группы по созданию на освобожденной территории национальных комитетов). Когда солдаты корпуса вступили вместе с Красной Армией осенью 1944 г. на территорию Чехословакии, буржуазным политическим деятелям чехословацкого эмигрантского правительства стало ясно, что это армия революционных сил²⁰.

История воссоздания чехословацкой армии как армии нового типа, проходившего при самой непосредственной помощи СССР, свидетельствовала о сложности становле-

ния советско-чехословацких союзнических отношений. Несмотря на всяческое противодействие консервативных сил чехословацкого эмигрантского правительства, возрождение чехословацкой армии как одного из важных элементов нового государства чехов и словаков с самого начала выходило из-под контроля буржуазии и становилось мощной опорой развивающихся советско-чехословацких отношений.

Советское правительство ожидало от чехословацкой стороны выполнения договорных обязательств в отношении активизации движения Сопротивления в оккупированной Чехословакии. Казалось, советская сторона находит понимание обоснованности таких требований и у чехословацкого правительства в Лондоне. В своем выступлении в Государственном совете 3 февраля 1944 г. об итогах визита в Москву Э. Бенеш более решительно, чем прежде, подчеркивал народный революционный характер будущего переворота в стране. Самым важным в его выступлении было открытое осуждение тактики выжидания и всех форм террористической деятельности, а также призыв к развитию активной борьбы, включая и такие ее формы, как партизанская. Это было значительной помощью движению Сопротивления на оккупированной территории страны, так как сторонники пассивного выжидания уже не могли сослаться на авторитет президента ²¹.

Однако выступление Э. Бенеша в Государственном совете было всего лишь «работой на публику». В сущности позиция руководства лондонской чехословацкой буржуазной эмиграции в отношении движения Сопротивления в оккупированной стране осталась прежней — экономия сил для возвращения к власти на заключительном этапе войны и освобождения ²². Это видно хотя бы из посылавшихся из Лондона Г. Рипкой не без ведома Бенеша указаний руководству некоммунистического Сопротивления в стране о сохранении тактики выжидания ²³. Поэтому только решающие сдвиги в рядах чехословацкого движения Сопротивления как за границей, так и в оккупированной Чехословакии могли привести к коренному повороту в чехословацко-советских отношениях.

В то время как Советское правительство последовательно и целеустремленно проводило политику дипломатической и военной поддержки чехословацкого движения Сопротивления, чехословацкое эмигрантское правительство развило с начала 1944 г. необычайную активность на Западе. Президент Бенеш, министры Рипка, Масарик, Фейерабанд и другие неустанно подчеркивали в беседах с официальными представителями Великобритании и США, что во внешней политике освобожденная Чехословакия будет строго соблюдать равновесие влияния как со стороны Востока, так и со стороны Запада. На прямой вопрос британских дипломатов, готово ли чехословацкое правительство подписать союзнический договор и с Великобританией, министр иностранных дел Я. Масарик без промедления ответил, что его правительство будет приветствовать любые шаги Великобритании, которые ослабили бы то влияние, которое обрел Советский Союз на Чехословакию ²⁴.

Э. Бенеш в беседах с представителями официальных кругов Великобритании настаивал, чтобы они открыто проявляли интерес к Центральной Европе и в особенности к Чехословакии. В Форин оффис с удовлетворением выслушивали такие заявления, но не спешили выполнять требования Бенеша и Масарика, опасаясь вызвать осложнения в отношениях с Советским Союзом. Переговоры по проблемам Польши и Югославии показывали, что выполнить пожелания Бенеша и Масарика не просто ²⁵.

Такие реакционные министры чехословацкого правительства, как Фейерабанд и Ингр, открыто заявляли, что целью политики маневрирования Э. Бенеша в отношениях с СССР является предотвратить «распространение коммунизма» в Чехословакии ²⁶. С начала 1944 г. чехословацкое правительство активизировало свою деятельность в деловых кругах Великобритании, США, Канады, стремясь установить как можно более тесные связи с представителями монополистического капитала. Чехословацкие министры вели оживленные переговоры с ними по вопросам торговли, капиталовложений и кредитов ²⁷. Подобная активность чехословацкого правительства на Западе не могла быть не замечена советскими дипломатами. В апреле 1944 г. советский посол при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедев заявил в беседе с одним чехословацким дипломатом, что «сим-

птии правительства ЧСР на 85 % принадлежат Западу и только на 15 % — Востоку»²⁸.

Чехословацкие коммунисты выдвинули свою программу послевоенного восстановления республики. Уже в проекте общей платформы созданного в Лондоне в начале 1944 г. Национального блока трудящихся города и деревни (Социалистического блока)²⁹, куда вошли коммунисты, социал-демократы и чешские социалисты, подчеркивалась необходимость подготовки самого тесного экономического сотрудничества с Советским Союзом на основании советско-чехословацкого договора 1943 г.³⁰ И если учесть состояние экономики Чехословакии в тот период, возможные разрушения сети коммуникаций на заключительном этапе войны, проблема сырья, которая была острой и в доюлхенской Чехословакии, то естественно, что тезис коммунистов о необходимости сотрудничества с СССР споров вызвать не мог. Более конкретно предложения КПЧ были развернуты в экономической программе для переходного периода, предложенной Национальному блоку.

Коммунисты считали необходимым ознакомить с этой программой широкие круги чехословацкой эмиграции, чтобы тем самым противостоять упорной пропаганде бенешевским крылом ориентации на связи с Западом. Именно поэтому один из авторов экономической программы КПЧ, Л. Фрейка, опубликовал по этому вопросу статью. В ней он выдвинул требование создания высшего хозяйственного института и государственной монополии внешней торговли Чехословакии. Фрейка подчеркивал, что те меры, которые будут осуществлены в тесном сотрудничестве с экономикой Советского Союза, приведут к быстрому восстановлению экономического потенциала Чехословакии³¹. Государственная монополия внешней торговли, по его мнению, должна была обеспечить эффективные торговые связи «со всеми объединенными нациями, но в особенности с Советским Союзом. Для этого необходимо быстрое создание государственных импортных и экспортных обществ, которые могли бы немедленно определить экспортные возможности и потребности в поставках сырья прежде всего из Советского Союза»³². Однако эта прогрессивная для своего времени программа принята Национальным блоком не была. «Источником трудностей переговоров трех партий блока,— указывал их участник представитель КПЧ Б. Лаштовичка,— и переговоров с эмигрантским правительством была непре-

видная оценка возможных результатов войны, двойственность бепешевского крыла по отношению к главному союзнику — Советскому Союзу — и страстное желание восстановить в Чехословакии господствующие позиции буржуазии»³³.

В первой декаде апреля 1944 г. Красная Армия подошла в Карпатах к границе Чехословакии. Сомнений в том, что по крайней мере восточная и центральная части Чехословакии будут освобождены советскими солдатами не могло быть. В связи с этим возникла необходимость выработки документа, который бы регулировал отношения между советским командованием и чехословацкой администрацией на освобожденной территории. Переговоры по этому вопросу по инициативе чехословацкого правительства начались еще в конце февраля 1944 г.³⁴ Советское правительство предложило чехословацкой стороне подготовить проект соглашения между СССР и Чехословакией. Однако чехословацкое правительство подготовило проект не двустороннего а общего соглашения с Великобританией, США и СССР об отношениях чехословацкой администрации с «союзным верховным главнокомандующим»³⁵. В проекте указывалось также, что военнопослужащие союзных войск, находящиеся на территории Чехословакии, переходят под чехословацкую юрисдикцию³⁶.

Советское правительство возражало против заключения многостороннего соглашения, поскольку положения войск союзников было разным: советские войска уже подошли к довоенным границам Чехословакии, а британские и американские войска еще не открыли даже второй фронт. Президент Бенеш, будучи в Москве, высказался против учреждения на освобожденной территории Чехословакии органов AMGOT (военная администрация союзников.— *И. П.*). Поэтому он предложил вести переговоры с правительствами США, Великобритании и СССР отдельно, по одновременно. З. Фирлингер предложил согласовать текст соглашения прежде всего с правительством Советского Союза ввиду значимости для Чехословакии советско-германского фронта³⁷. 22 марта 1944 г. министр иностранных дел Я. Масарик прислал послу З. Фирлингеру ответ, в котором согласился с его замечаниями. При этом требовал ускорить согласование проекта соглашения³⁸.

13 апреля 1944 г. состоялась встреча З. Фирлингера с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым,

на которой был согласован окончательный вариант проекта соглашения. По настоянию советской стороны изменена была только формулировка: «союзные войска» на «советские (союзные) войска». Молотов попросил Фирлингера, чтобы в целях согласованности действий союзников по антигитлеровской коалиции были информированы правительства США и Великобритании³⁹.

Открытые переговоры и их быстрое завершение между правительствами СССР и Чехословакии по проблеме отношений между советским командованием и чехословацкой администрацией после вступления Красной Армии на территорию Чехословакии резко контрастировали с затянувшимися переговорами между эмигрантскими правительствами Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии, с одной стороны, и союзным командованием на Западе — с другой. Последние переговоры привлекли к себе большое внимание в дипломатических кругах стран антигитлеровской коалиции. Правительство США заявило, что не имеет никаких замечаний относительно проекта соглашения между СССР и ЧСР. Из Великобритании до конца апреля ответа не поступало⁴⁰.

В связи с этим 30 апреля 1944 г. НКВД СССР организовал пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов, на которой заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский ознакомил присутствовавших с ходом переговоров между правительствами СССР и ЧСР и проектом соглашения на случай вступления союзнических войск на территорию Чехословакии. В своем выступлении и ответах на вопросы журналистов Вышинский вновь подчеркнул неизменность дружественного отношения СССР к Чехословакии, непризнание Советским правительством Мюнхена и его последствий, значение в истории советско-чехословацких отношений таких вех, как Договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г., Соглашение от 18 июля 1941 г. и Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г.⁴¹ Таким образом, СССР вновь декларировал, что никакой тайной дипломатии он не ведет и отношения со своими союзниками строит на равноправной основе.

Соглашение об отношениях между Советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии было подписано в Лондоне 8 мая 1944 г. по уполномочию Советского правительства послом при союзных правительствах В. З. Лебедевым и по уполномочию прави-

тельства Чехословакии исполнявшим обязанности министра иностранных дел Г. Рипкой. Согласно этому соглашению главнокомандующему советскими (союзными) войсками принадлежала власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в пределах, относящихся к ведению войны. В соответствии с этим в соглашении особо оговаривалось, что чехословацкое правительство будет полностью осуществлять свою верховную власть, оказывая главнокомандующему всестороннее содействие через свои гражданские и военные органы. По настоянию Э. Бенеша в соглашение была включена статья, предусматривавшая назначение для освобожденной территории Чехословакии чехословацкого правительственного уполномоченного ⁴².

Согласно ст. 4 и 5, при советском (союзном) главнокомандующем назначалась чехословацкая военная миссия, в задачу которой входило обеспечение связи главнокомандующего как с чехословацким правительственным уполномоченным, так и со всеми чехословацкими правительственными органами на освобожденной территории ⁴³.

Ст. 7 регулировала юрисдикцию советского главнокомандующего и чехословацкого правительства во время нахождения советских войск на чехословацкой территории. Юрисдикция советского главнокомандующего не распространялась на лиц, принадлежавших к чехословацким вооруженным силам, они должны были подчиняться юрисдикции чехословацкого правительства. Юрисдикции чехословацкого правительства должны были подчиняться и все лица, принадлежащие к гражданскому населению, даже в тех случаях, когда совершенные ими преступления направлены были против советских войск ⁴⁴.

Советско-чехословацкое соглашение, подписанное 8 мая 1944 г., было выражением доброй воли Советского Союза, демонстрировало освободительную миссию Красной Армии в Чехословакии, основываясь на строгом соблюдении принципов независимости и невмешательства во внутренние дела ЧСР ⁴⁵. «Это первое соглашение о взаимоотношениях между командованием союзнических войск, вступающих на территорию оккупированных немцами стран, и национальной администрацией, несомненно, окажет благотворное влияние на разрешение ряда аналогичных проблем, стоящие перед другими союзными государствами. Американское и английское правительства, которым Советское правительство в порядке консультации передало проект советско-чехословацкого соглаше-

ния, не имели возражений против предложенного проекта», — говорилось в редакционной статье журнала «Война и рабочий класс»⁴⁶.

Оценивая это соглашение, К. Готвальд указывал в своем выступлении по московскому радио в передаче на Чехословакию 11 мая 1944 г.: «Соглашение от 8 мая является ярким примером того, как Советский Союз понимает настоящую дружбу и осуществляет действительно союзнические отношения, даже если речь идет о малом государстве, полностью оккупированном врагом. Соглашение еще раз подтверждает, что Красная Армия вступит на территорию нашей республики в качестве союзника, друга и освободителя... В истории найдется мало подобных случаев, когда великий и могучий союзник, который приходит в страну, чтобы освободить ее от проклятого и несправедливого чужеземного господства, так великодушно передает управление этой страной в руки ее народа! Ничто не может более блестяще и наглядно показать действительно освободительную миссию Красной Армии»⁴⁷.

Буржуазные круги чехословацкой эмиграции во главе с президентом Э. Бенешем вкладывали свой смысл в статью соглашения от 8 мая 1944 г. Так, слова «чехословацкое правительство полностью берет в свои руки управление общественными делами» они интерпретировали в том смысле, что буржуазное правительство может не учитывать расстановку сил и результаты, достигнутые силами Сопротивления в стране, и в конечном счете парализовать революционное движение⁴⁸. Ведь управление освобожденной территории должен был обеспечить уполномоченный правительства с приданными ему офицерами, назначенными реакционно настроенным министром национальной обороны С. Ингром. Недостаток реального влияния и страх перед революционным развитием буржуазные круги чехословацкого движения Сопротивления хотели компенсировать дипломатическими актами, которые призваны были, по их представлению, обеспечить легитимность власти буржуазии.

Подписание советско-чехословацкого соглашения от 8 мая 1944 г. нашло широкий отклик в странах антигитлеровской коалиции. Английская газета «Спектейтор» назвала подписанное соглашение ценным примером для заключения аналогичных соглашений. «Рейпольдс ньюс» с удовлетворением констатировала, что соглашение предполагает «полное восстановление чехословацкой администрации на территории, которая будет освобождена

Красной Армией»⁴⁹. Интересное сравнение сделал журнал «Экономист»: «Соглашение между правительством СССР и Чехословакией не содержит упоминаний о какой-либо технической или политической деятельности, которая должна была проводиться Красной Армией на чешской территории. Даже в зоне военных операций чешские власти, по-видимому, должны взять на себя все функции гражданского управления, хотя и под юрисдикцией советского верховного командования. В Западной Европе можно предвидеть, что между высадкой союзных войск и созданием эффективной местной администрации пройдет известный период времени»⁵⁰. Сравнение, конечно, было не в пользу западных союзников, которые в то время вели затяжные переговоры с эмигрантскими правительствами Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Норвегии, а американская дипломатия упорно торпедировала заключение соглашения по вопросу об управлении освобожденной территории с Францией⁵¹.

Либеральная пресса западноевропейских стран открыто осуждала методы управления, применявшиеся США и Великобританией в освобожденных от гитлеровцев Северной Африке и Италии. Кливлендская газета «Плейдигер» писала: «Соглашение (советско-чехословацкое.— И. П.) выглядит образцовым. Его либеральные пункты, как видно, посрамили кое-какие методы, применявшиеся Соединенными Штатами и Англией, когда Северная Африка и Италия освобождались от ига Виши и немцев...»⁵² Одна американская газета не без злорадства писала: «Пусть западный мир пристально смотрит, вспоминает и стыдится того, что в наше время мог произойти Мюнхен. Демократия приходит в Чехословакию не с Запада, а с Востока»⁵³.

Действия советской дипломатии показывали, что ее усилия (при соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела освобождаемых Красной Армией стран) направлены на поддержку демократических сил движения Сопротивления в Европе.

СССР и подготовка Словацкого национального восстания

Во второй половине 1944 г. национально-освободительная борьба народов Чехословакии под влиянием победоносного продвижения Красной Армии вступила в новый этап. Возросла активность групп Сопротивления и парти-

запских отрядов, руководимых коммунистами в чешских землях. Однако руководство КПЧ понимало, что ставить задачу проведения массовых акций в целях свержения оккупационного режима в чешских землях еще рано. Аппарат подавления у оккупантов был еще слишком мощным, а советский фронт далеким, поэтому коммунисты ориентировали движение Сопротивления в Чехии и Моравии на развитие партизанского движения и других активных форм сопротивления.

Иное положение сложилось в Словакии, где войска оккупантов были размещены только в некоторых районах Западной Словакии (так называемая «охранная зона»), в предместье Братиславы и на карпатских перевалах. Приближение Красной Армии к границам Словакии летом 1944 г. стало тем катализатором, который, с одной стороны, резко усилил кризис клерикально-фашистского режима Й. Тисо, а с другой — настолько активизировал движение Сопротивления, что возник вопрос о широком народном восстании против местной клерикально-фашистской клики и ее покровителя — нацистской Германии.

Одна за другой рушились опоры, на которых держалась официальная пропаганда словацкого клерофашистского режима. Теряет силу теория «меньшего зла», так как отпала дилемма — зависимость от Германии или оккупация хортистской Венгрии. Рухнет миф о Словакии, как об «оазисе мира и спокойствия», все учащаются палеты союзной авиации. Прежняя военная конъюнктура в экономике обернулась прямым и беззастенчивым ограблением Словакии гитлеровской Германией⁵⁴. Все пропагандистские средства фашистского режима — пресса, радио, политические курсы людацкой партии, религиозные миссии — были включены в борьбу за обывателя. Но достижения их оказались ничтожны. Кризис охватывает саму партию, увеличивается число перебежчиков, призывы Й. Тисо возвратиться «к духу 14 марта 1939 г.» отклика не находят. «Общая ситуация плохая... Даже те, которые в решающие дни 1938—1939 гг. (Мюнхен и расчленение Чехословакии.— *И. П.*) всей душой были преданы Словацкому государству, разочарованы и равнодушны», — подытоживалось в донесении братиславского полицейского управления⁵⁵.

Первыми покидают тонущий корабль «Словацкого государства» «попутчики» режима. Невысокий интеллектуальный уровень людацкой элиты и ее провинциальный ха-

рактер заставляли фашистскую верхушку использовать старый государственный аппарат на исполнительном уровне, где пужна была определенная профессиональная квалификация и где фактически решался вопрос о реализации политики, проводившейся правительством Й. Тисо. Именно на этой ступени преобладали «попутчики». И хотя они не отличались прогрессивностью взглядов и в своей бюрократической исполнительности часто превращались в инструмент преступлений фашистов (депортация евреев), тем не менее у них не было внутренней связи с людацким фашистским режимом, поэтому они и оказались первыми перебежчиками ⁵⁶.

Часть офицерской верхушки словацкой армии установила связи с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне и коммунистами в подполье, стремясь тем самым обеспечить себе переход в антигитлеровский лагерь путем признания единой Чехословацкой республики. В самой людацкой верхушке алибиистские тенденции проявляются в окружении председателя словацкого сейма М. Сокола, планировавшего в момент окончания войны через сейм «закономным актом» возвратить Словакию в Чехословацкую республику ⁵⁷.

Компартия Словакии и Словацкий национальный совет (СНС) взяли курс на подготовку вооруженного восстания в Словакии к моменту подхода к ее границам Красной Армии. И если до середины 1934 г. словацкие коммунисты держали курс на разложение армии и привлечение солдат к партизанскому движению, то с конца 1943 г. — начала 1944 г. партия стала ориентироваться на вовлечение армии в Сопротивление ⁵⁸. Подполковник Я. Голиан, назначенный эмигрантским правительством командующим военными силами словацкого Сопротивления, согласился подчиниться СНС как руководящему органу национально-освободительного движения в Словакии ⁵⁹. К тому же существовало и широко разветвленное партизанское движение, являвшееся пролетарским вкладом в освободительную борьбу и революцию.

Широкий диапазон политических групп, участвовавших в чехословацком движении Сопротивления, обусловил и различные концепции восстания. КПС рассматривала восстание как революционную акцию с участием широких народных масс ⁶⁰.

В представлении чехословацкого эмигрантского правительства и президента Э. Бенеша это должен был быть переворот, проведенный силами словацкой армии, перед

которой ставилась задача быстрой реставрации старой политической системы ⁶¹.

Свои планы военной акции имели и алибиistically настроенные словацкие генералы во главе с военным министром Ф. Чатлошем. Как профессиональные военные они понимали, что Германия войну проиграла. Именно поэтому генералы стали искать свое алиби и возможность перехода в новый политический лагерь. Такую возможность они видели в сосредоточении словацких вооруженных сил в Северо-Восточной Словакии и с приближением Красной Армии открытия фронта для ее перехода в центральную Словакию ⁶². Этот план был переальным, так как немецкое командование не собиралось предоставлять словацкой армии какой-то важный участок фронта без контроля вермахта.

Судьба восстания в Словакии зависела от широты участия в нем народных масс, а также быстрого соединения с Красной Армией. Военный переворот не имел перспективы, поскольку германские войска могли изолировать Словакию и быстро ликвидировать ее военные силы. Это понимали словацкие военные — участники движения Сопротивления — и требовали установления контактов с советским командованием. В декабре 1943 г. начальник чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пика ознакомил советское военное командование с планом восстания, согласно которому словацкая армия должна была удерживать Центральную и Восточную Словакию до прихода Красной Армии. Президент Бенеш дополнил этот план идеей переброски в Словакию чехословацких воинских частей, сформированных в СССР ⁶³.

Велись переговоры и о материальной поддержке восстания, которую, по словам чехословацких представителей, могла оказать Великобритания ⁶⁴. При этом они «забыли» сообщить о безрезультатности переговоров чехословацкого правительства с британским командованием по этому вопросу. Разрабатывая план военного переворота, чехословацкое правительство еще в середине 1943 г. обратилось к военному представителю Великобритании генералу Губбинсону с просьбой, чтобы британские органы в соответствующий момент перебросили на территорию ЧСР чехословацкие парашютно-десантные части и вооружение для 10—15 тыс. человек, а также самолеты, пилотируемые чехословацкими летчиками, находившимися в составе британских военно-воздушных сил ⁶⁵. Прежде чем дать ответ британская сторона хотела получить за-

верения в том, что это не будет широкое народное восстание, а только военный переворот, начатый по указанию из Лондона. Как ни хотелось чехословацкому эмигрантскому правительству, чтобы это был дирижируемый им переворот, уверенности оно не имело, ибо достаточно хорошо представляло реальную ситуацию в рядах движения Сопротивления. Поэтому британское командование, не получив требуемых гарантий, отклонило просьбу чехословацких органов ⁶⁶.

Чехословацкие представители обратились с аналогичной просьбой и к советским военным органам. Советское правительство взяло обязательство доставить на охваченную восстанием территорию вооружение для 50 тыс. человек и дало согласие на высадку чехословацкой авиацией чехословацкой воинской части, сформированной в СССР ⁶⁷.

Советское правительство проявило готовность выполнить свой интернациональный долг перед национально-освободительным движением Чехословакии, но в то же время хотело иметь сведения о политическом профиле организаций, которые будут использовать эту помощь. Советское командование поручило Генеральному штабу проанализировать этот план. Как пишет в своих воспоминаниях генерал армии С. М. Штеменко, Генштаб пришел к выводу, что Германия не допустит реализации этого плана. «...План был переальным. Он не принимал в расчет возможных контрмер гитлеровцев. А самое главное, он был составлен так, будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам. Предполагалось, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны»⁶⁸.

Немецкое командование могло перебросить из Венгрии значительные силы, и воспрепятствовать этому словацкая армия не имела возможности. К тому же для транспортировки на территорию Словакии советских войск по воздуху не было достаточного количества самолетов, а также соответствующих аэродромов. Предвиделись трудности и со снабжением. Фронтальное же наступление Советской Армии не предполагало быстрого продвижения, так как перед ней находилась сильно укрепленная «линия Арпада» в Карпатах. Генерал Штеменко отмечал, что план, предложенный чехословацкой военной миссией, исходил не из того, что могло быть осуществлено, а из того, что чехословацким генералам хотелось ⁶⁹. К тому же этот план не предусматривал участия народных масс в восстании.

Начальник чехословацкой военной миссии в Москве генерал Г. Пика чуть ли не каждый день посылал в адрес советского командования письма. «В них, — указывал в своих воспоминаниях С. М. Штеменко, — много говорилось о словацкой армии, о ее готовности к операции, а о Словацком национальном совете и народных силах сопротивления не было ни слова»⁷⁰.

Несмотря на это, советский Генштаб не исключал возможности поддержки чехословацкого плана из чисто политических соображений. Предпринимались меры, чтобы Советская Армия оказала помощь восстанию раньше, чем она достигнет Карпат. Исходя из анализа Генштаба, советской стороной был дан следующий ответ: до тех пор пока Советская Армия не приблизится к Словакии, не представляется возможным поддержать восстание такой военной мощью, которая бы могла длительное время удерживать значительное пространство⁷¹. Представители Красной Армии исходили из того, что восстание — это не игра и начинать его преждевременно нельзя. Советские войска в то время находились еще в Белоруссии и Западной Украине. В такой ситуации советские представители считали наиболее целесообразной партизанскую форму борьбы, которая не связана с обороной замкнутого пространства. Они также предложили для укрепления движения Сопротивления в Словакии перебросить из СССР чехословацкую парашютно-десантную бригаду, а также небольшие советские отряды, имеющие опыт партизанской борьбы⁷². В заключение указывалось на необходимость активизации антифашистской борьбы в целом в оккупированной Чехословакии. При этом в ответе советской стороны подчеркивалось, что чехословацкому народу со стороны СССР будет оказана всесторонняя помощь, вопрос уже решен И. В. Сталиным и поэтому нет необходимости его подтверждать вновь. Таким образом, советская сторона отнеслась к проблеме восстания в Словакии с полной ответственностью и в качестве оптимальной формы борьбы за освобождение в сложившемся положении указала партизанские действия. Это свидетельствовало о том, что СССР отдает предпочтение широкому народному революционному движению, а не военному перевороту.

Налицо были также объективные предпосылки развития массового партизанского движения в Словакии. Так, уже в январе 1944 г. правительственная администрация в Восточной Словакии требовала от британских

центральных властей введения в крае осадного положения в связи с усилением активности партизан⁷³. В феврале эмигрантское правительство в Лондоне получило сообщение от групп движения Сопротивления, что рабочие заводов Центральной Словакии готовы перейти к партизанской форме борьбы⁷⁴. Однако эмигрантское чехословацкое правительство не спешило с выполнением своих обязательств по советско-чехословацкому договору 1943 г. о помощи в борьбе против фашизма. Все его внимание было сосредоточено на координации действий групп военных в словацком движении Сопротивления⁷⁵.

Когда стало ясно, что от правительства Э. Бенеша вряд ли можно ожидать практических шагов в активизации партизанского движения, к делу организации групп партизанских руководителей приступило руководство КПЧ в Москве. Прежде всего оно открыто выступило против ориентации движения Сопротивления исключительно на военный переворот⁷⁶. В марте 1944 г. К. Готвальд призвал к активизации партизанской борьбы в Словакии⁷⁷. Одновременно руководство КПЧ в Москве разработало план советской помощи в развертывании партизанского движения в Чехословакии, который был передан командованию Красной Армии⁷⁸.

Помощь партизанскому движению в Чехословакии и подготовка групп партизанских организаторов были поручены советским командованием Украинскому штабу партизанского движения (УШПД) во главе с генералом Т. А. Строчаком⁷⁹. Активное участие в подборе кадров и подготовке групп приняли члены руководства КПЧ.

В мае 1944 г. К. Готвальд приехал в Киев и обратился с просьбой о помощи в ЦК КП(б)У. Вместе с генералом Строчаком он разработал подробный план помощи вооруженной борьбе чешского и словацкого народов. 17 июня 1944 г. этот план был обсужден на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, которое приняло соответствующее постановление. Согласно этому постановлению УШПД должен был сформировать и отправить на территорию Чехословакии 10 групп, в задачу которых входила помощь в развитии партизанского движения. Заграничное руководство КПЧ имело своего представителя в УШПД, который принимал участие в формировании партизанских отрядов. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У в спецколле УШПД выделялось 100 мест для обучения направлявшихся в тыл противника чехословацких партизан⁸⁰.

В мае 1944 г. в спецшколу УШПД в Обарове под Ровно было зачислено 60 чехов, словаков и закарпатских украинцев, а в июле — еще 99 человек⁸¹. После окончания подготовки они были разделены на группы численностью 15—20 человек, дополненные по просьбе Заграничного руководства КПЧ опытными советскими партизанскими руководителями, радистами и врачами. Командирами групп и начальниками штабов назначались советские офицеры, а комиссарами — чехословацкие коммунисты. Особенно широкие полномочия имели комиссары. Советские органы придерживались принципа невмешательства во внутренние дела страны, куда направлялись партизанские группы, поэтому задачей комиссаров — чехословацких коммунистов — была не только политико-воспитательная работа с бойцами отрядов, но и установление связи с местным подпольем, организациями КПС и КПЧ и другими группами Сопротивления, контроль за ростом партизанских отрядов за счет местного населения⁸².

В процессе переговоров с партийными и государственными органами Советского Союза руководство КПЧ во всех случаях информировало о них чехословацкое дипломатическое представительство и военную миссию в Москве. Советское правительство со своей стороны по всем вопросам, касавшимся межгосударственных связей и отношений, вело переговоры только с чехословацким правительством в Лондоне или его дипломатическими представителями в Москве. Тем не менее подготовка партизанских групп в школе УШПД вызвала нервозность как чехословацкой военной миссии в Москве, так и эмигрантского правительства.

Начальник военной миссии Г. Пика требовал своего участия в организации партизанских групп с тем, чтобы формировать их в соответствии с политическими целями эмигрантского правительства. Именно поэтому он выдвинул план создания чехословацкого штаба партизанского движения, подчиненного командованию чехословацкого армейского корпуса в СССР и соответственно министерству национальной обороны эмигрантского правительства. Однако посол З. Фирлингер и представители Заграничного руководства КПЧ указали, что предъявление требования к советской стороне в столь категоричной форме может быть воспринято как выражение недоверия⁸³. Г. Пика вынужден был согласиться, чтобы первые группы партизанских организаторов направлял сам УШПД⁸⁴.

Тем не менее пачальник чехословацкой военной миссии не успокоился. Полученные им различными путями сведения о деятельности УШПД Г. Пика по-своему «обрабатывал» и отправлял в Лондон, в Москве же в дипломатическом корпусе распространял слухи о вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Чехословакии. В сообщениях в Лондон он подчеркивал, что на территорию Чехословакии без ведома чехословацкого представительства отправлено уже по линии командования фронтов, армий, УШПД, Заграничного руководства КПЧ значительное количество людей⁸⁵. Что касается разведгрупп советского командования, фронтов и армий, то это была их прямая обязанность, выполняемая в рамках оперативно-тактических задач перед наступлением частей Красной Армии, а секретность являлась вещью вполне обычной в условиях войны. Группы же УШПД с представителями КПЧ в качестве комиссаров отправлялись с ведома чехословацкой военной миссии, что признавал и сам Г. Пика⁸⁶.

Заграничное руководство КПЧ по праву политического представителя чехословацкого движения Сопротивления решило положить конец такой «деятельности» Г. Пики. 14 августа 1944 г. чехословацкую военную миссию в Москве посетил К. Готвальд и Я. Шверма и заявили решительный протест. К. Готвальд подчеркнул, что Киевский партизанский штаб (УШПД.— *И. П.*) использован как наиболее безопасный путь для переправки чехословацких партизанских групп через советские партизанские центры в Польше в районе севернее Карпат⁸⁷. Руководство КПЧ выступило также против идеи создания собственно чехословацкого партизанского штаба ввиду отсутствия опытных специалистов⁸⁸.

Сообщения Г. Пики напугали эмигрантское чехословацкое правительство, и президент Э. Бенеш в начале августа в категорической форме потребовал подчинить дальнейшую высадку партизанских групп на территорию Чехословакии его военному контролю. Министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик дал указание Г. Пике и З. Фирлингеру представить это требование НКВД СССР⁸⁹. Г. Пика стремился получить неограниченное влияние над подготовкой и отправкой партизанских групп и пошел даже на лживое обвинение посла З. Фирлингера в организации отправления в Словакию партизанских эмиссаров «с тайными политическими планами». На основании такого допесения эмигрантское че-

хословацкое правительство приняло решение отозвать Фирлишера из Москвы. Это вызвало резкий протест в кругах левой эмиграции в Лондоне, и президент Э. Бенеш вынужден был отменить данное решение⁹⁰.

Советское правительство не хотело осложнить отношения с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне, исходя из общей ситуации в антигитлеровской коалиции. Не отказываясь от дальнейшей помощи в развертывании партизанского движения на территории Чехословакии, УШПД в дальнейшем посылал группы во главе с чехословацкими командирами⁹¹. В целом в июле — августе 1944 г. на территории Словакии высадились или перешли линию фронта 24 группы партизанских организаторов, общая их численность составляла 404 человека⁹². Условия деятельности были подготовлены длительной работой организаций Сопротивления, возглавляемых коммунистами. В течение нескольких дней к ним приходили сотни добровольцев, и в результате возникли крупные партизанские формирования, состоявшие главным образом из словаков.

Так образовалась 1-я чехословацкая бригада им. М. Р. Штефаника численностью 1400 человек. На базе группы Е. П. Волянского возникла 2-я чехословацкая бригада «За свободу славян», объединившая в сентябре 1944 г. 1384 человека. Группа Э. Биелика составила основу бригады «Яношик», в которой было 808 человек. На базе группы А. С. Егорова возникла бригада, насчитывавшая около 3 тыс. человек⁹³. Указанные бригады устанавливали связь с военными гарнизонами в городах, от них получают оружие и боеприпасы.

Во второй половине августа в Центральной и Восточной Словакии появляется обширная партизанская область, в которой клерофашистская администрация полностью была парализована, а группы движения Сопротивления действовали уже полулегально. В стране возникает новое мощное движение, практически новый очаг сопротивления. Начинаются массовые выступления против режима Тисо, которые демонстрируют не только силу и размах словацкого антифашистского Сопротивления, но и его движущие силы — рабочие и крестьянские массы. Командиры партизанских отрядов информировали о положении в Словакии Заграничное руководство КПЧ⁹⁴. 19 августа 1944 г. генерал Т. А. Строкач дал К. Готвальду сводное сообщение, из которого следовало, что в Словакии возникли объективные предпосылки для

всенародного восстания против клерофашистского марионеточного режима и его покровителя нацистской Германии⁹⁵.

Партизанские отряды, руководимые коммунистами, были гарантией того, что офицеры словацкой армии, участвовавшие в движении Сопротивления под руководством Словацкого национального совета (СНС), вынуждены будут считаться с характером новой народной власти. Партизанское движение мобилизовало народ и армию на борьбу против фашизма, расширяло свои ряды, обогащало народные массы своим опытом, столь необходимым в перерастании партизанского движения во всенародное восстание. Участие же в партизанских отрядах в Словакии и чешских землях таких опытных советских командиров, как В. А. Квитинский, П. А. Величко, Е. П. Волянский, В. И. Клоков, А. С. Егоров, М. И. Шукаев, В. А. Карасев (Степанов) и многих других, способствовало укреплению взаимопонимания между народами СССР и Чехословакии, устранению лживых измышлений о политике Советского Союза, о советских людях, которые распространяла пропагандистская машина клерофашистского режима на протяжении шести лет своего существования.

* * *

Партизанское движение завершило разложение клерофашистского режима в Словакии и открыло путь для революционного решения проблем словацкого общества. Начавшееся наступление Красной Армии на львовско-сандомирском направлении также ставило в порядок дня вопрос о восстании, о его координации с советским командованием.

СНС признавал компетенцию чехословацкого эмигрантского правительства в вопросе внешней политики. С другой стороны, эта компетенция обязывала правительство Бенеша обеспечить движению Сопротивления в стране помощь от союзников и связь с ними, прежде всего с СССР. В результате еще в июне — июле 1944 г. связь СНС с советским командованием осуществлялась весьма сложным путем: Словакия—Лондон—Москва. Такой сложный конспиративный путь сам по себе был источником многих недоразумений. К тому же, как указывалось выше, эмигрантское правительство свои сообщения в Москву о готовящемся восстании давало в собственной интерпретации⁹⁶.

Такая внешнеполитическая монополия правительства Э. Бенеша неблагоприятно отражалась на подготовке восстания. Представители советского командования, получавшие информацию от чехословацкой военной миссии в Москве, длительное время были убеждены в том, что в Словакии готовится какой-то военный переворот, руководимый из Лондона. Поэтому неудивительно, что они относились с большим недоверием к такому предприятию.

Согласно плану восстания, подготовленному подполковником Я. Голианом в мае 1944 г., предполагалось, что восточнословацкий корпус (две дивизии, расположенные в Северо-Восточной Словакии, у карпатских перевалов) отойдет на линию Прешов-Кошице, а потом перейдет на сторону Красной Армии. Остальные части словацкой армии должны были удерживать Центральную Словакию до подхода Красной Армии⁹⁷.

Ввиду отсутствия связи с советским командованием Я. Голиан в начале июня 1944 г. просил министерство национальной обороны чехословацкого правительства, чтобы оно обеспечило высадку в расположении Восточнословацкого корпуса групп связи из чехословацкого корпуса в СССР, которая бы подготовила переход словацких дивизий на сторону Красной Армии⁹⁸. Однако, прежде чем чехословацкая военная миссия в Москве обеспечила эту просьбу, она получила телеграмму от Я. Голиана, в которой сообщалось, что Восточнословацкий корпус остается в местах дислокации и будет воевать вместе с частями Красной Армии на территории Словакии. Телеграмма, кроме того, содержала настоятельную просьбу установить конкретные сроки, место непосредственного контакта руководства словацкого движения Сопротивления с представителями СССР⁹⁹. Из ответа, полученного Я. Голианом от министра национальной обороны С. Ингра, следовало, что правительство Бенеша не заинтересовано в координации действий словацких частей с Красной Армией и еще меньше заинтересовано в прямых контактах руководства движения Сопротивления Словакии с представителями СССР¹⁰⁰. Поэтому словацкие офицеры пошли по пути установления связи с командирами партизанских отрядов и через них с Москвой.

Правительство Э. Бенеша в Лондоне лихорадочно искало пути сохранения за собой инициативы в переговорах с советским правительством. 14 июля 1944 г. после пачала Красной Армией Львовско-Сандомирской операции, еще больше приблизившей фронт к границам Слова-

нии, начальник чехословацкой военной миссии в Москве по указанию министра национальной обороны Чехословакии предложил советскому командованию рассмотреть вопрос о взаимодействии частей Красной Армии с Восточно-словацким корпусом, который мог, по мнению чехословацкого министерства национальной обороны, открыть путь Красной Армии через Карпаты. При этом сигнал о выступлении словацких дивизий, как полагали чехословацкие генералы, должен был исходить от советского командования¹⁰¹. 20 июля 1944 г. чехословацкий посол З. Фирлингер в беседе с заведующим отделом НКВД В. А. Зориным выразил сомнения по поводу намерения офицеров и генералов, командовавших Восточно-словацким корпусом. Посол подчеркнул: сведения из Лондона свидетельствуют о том, что среди словаков безусловно сейчас есть значительные колебания, но он не видит пока активных действий, которые могли бы оказать реальную помощь Красной Армии¹⁰². Несмотря на то что министерство иностранных дел Чехословакии недостаточно полно информировало З. Фирлингера, тем не менее он реалистически оценивал ситуацию в Восточной Словакии.

Чехословацкая военная миссия получила ответ советского командования 24 июля 1944 г. В нем указывалось: «Советское правительство не имеет возможности установить срок выступления двух словацких дивизий и считает, что было бы целесообразным, чтобы чехословацкие органы, которым подчиняется военная организация, существующая в этих дивизиях, руководствовалась при определении срока их выступления действительным состоянием готовности этих дивизий к выступлению и учитывала стратегическую ситуацию, которая сложилась к этому времени»¹⁰³.

С советской стороны было сказано, что ответственность за восстание может взять на себя только тот политический орган, которому подчинены группы Сопротивления в словацкой армии. Этот политический орган знает положение в стране, состояние подготовки к восстанию и потому только он может выбрать момент для сигнала к его началу. Таким органом был Словацкий национальный совет. Общепризнанное выступление, руководимое таким органом, было составной частью национально-освободительной борьбы и ему Советское правительство и командование Красной Армии готовы были оказать всю возможную помощь и поддержку. В то же время Советское правительство отказывалось нести ответственность за такое меро-

приятие (предложенное чехословацким эмигрантским правительством), как военный переворот, к тому же недостаточно хорошо подготовленный.

Так же отнеслось Советское правительство и к просьбе чехословацкой военной миссии о доставке в Словакию советского оружия. Советская сторона готова была поставить оружие, но хотела иметь информацию о том, кому оно предназначено, подготовлен ли его прием и распределение. Советское командование хотело иметь уверенность в том, что оружие попадает в руки настоящих борцов против фашизма ¹⁰⁴.

Получив телеграмму военной миссии из Москвы о советских условиях, министр национальной обороны Чехословакии обратился к военному командованию США и Великобритании с просьбой о доставке оружия в Словакию. Американцы дали уклончивый ответ. Англичане ответили, что оружие в Словакию они могут доставить только согласовав этот вопрос с советским командованием. Действие С. Ингра были не чем иным, как попыткой политического давления на Советское правительство.

Это понимал начальник чехословацкой военной миссии в Москве Г. Пика. Сообщая об этом шаге министра национальной обороны Чехословакии советским представителям, он пытался его сгладить, заявив, что британское участие в подготовке восстания в Словакии будет всего лишь вспомогательным ¹⁰⁵. Тем не менее проблемой доставки оружия в Словакию активно занималось и британское посольство в Москве. Британский посол А. К. Керр заявил в беседе с З. Фирлингером 2 августа, что его правительство готово удовлетворить просьбу чехословацкого министерства национальной обороны. Доставка британского оружия в Словакию, подчеркнул посол, будет осуществлена до 7 августа, о чем он будет информировать Советское правительство ¹⁰⁶. Это придавало заявлению Керра ультимативный характер. Позже Г. Пика продлил этот срок до 10 августа, указав, что если СССР к этому времени поставит оружие в Словакию, то необходимость в британской помощи отпадает ¹⁰⁷. Советские представители открыто выражали недоумение по поводу таких методов чехословацкой дипломатии. При этом они заявили, что советское оружие будет поставлено в Словакию как только там будут созданы благоприятные для этого условия ¹⁰⁸.

Такие действия правительства Бенеша могли только усилить недоверие Советского правительства к планам

восстания в Словакии, выглядевшим как чисто военный переворот без участия народных масс. Подобное выступление советская сторона считала с военной и политической точек зрения мало перспективным. А такой маневр Бенеша, как обращение к британским властям с просьбой о доставке оружия в Словакию, представленный Москве в ультимативной форме, не мог не вызвать у советского руководства сомнения в том, является ли чехословацкое правительство тем партнером, с которым стоит вести переговоры по вопросу о восстании в Словакии. Следует учесть и тот факт, что Бенеш использовал британскую дипломатию для давления на Советское правительство в тот момент, когда в Варшаве по инициативе эмигрантского польского правительства, поддерживаемого Великобританией, началось восстание. Совпадение этих событий — Варшавского восстания и ультимативных шагов Ингра и Пики — не могло не вызвать у советской стороны подозрения о характере замышляемого восстания в Словакии¹⁰⁹.

10 августа Г. Пика представил советскому Генеральному штабу план восстания в Словакии. План предполагал, что две словацкие дивизии в Карпатах установят связи с частями Красной Армии и откроют проходы в карпатских перевалах между Мушиной и Лупковым. В течение одной ночи советские войска займут всю Словакию вплоть до Дуная. При этом они будут поддержаны союзной авиацией, в задачу которой входила дезорганизация транспортной связи Германии со Словакией. Это позволит провести политический переворот в Словакии, а советским войскам выйти на Дунайскую равнину¹¹⁰. «В центре внимания лондонского правительства, — пишет в своих воспоминаниях генерал С. М. Штеменко, — стояло проведение все той же ненадежной акции с использованием слабых сил словацкой армии. Акция походила на прелюдию военного переворота в стране»¹¹¹. Настораживала, как подчеркивает генерал, и просьба об определении сроков действий. Она походила на разведку замыслов советского Верховного Главнокомандования¹¹². Чехословацкие военные не учитывали мощную «линию Арпада» в Карпатах длиной 400 км, где были расположены 10 немецких и 11 венгерских дивизий¹¹³.

В такой ситуации объективную информацию о готовящемся в Словакии широком народном восстании мог дать только его руководящий политический центр — Словацкий национальный совет. Развитие событий по-

будило СНС принять на заседании 29 июня 1944 г. в Братиславе решение послать делегацию в Москву, которая должна была информировать Советское правительство и Заграничное руководство КПЧ о подготовке восстания в Словакии, добиться включения его в общие планы Красной Армии. В состав делегации должен был войти член ЦК КПС К. Шмидке¹¹⁴. Такое решение встретило резкое сопротивление Э. Бенеша, считавшего дипломатические контакты с СССР исключительно своей прерогативой. Не сумев воспрепятствовать поездке делегации СНС в Москву, он добился того, что в нее вошли только военные, подчинявшиеся лондонскому эмигрантскому правительству. В Москве к ним должны были присоединиться в целях прямого контроля переговоров начальник чехословацкой военной миссии Г. Пика и генерал Я. Кратохвил¹¹⁵.

Вторая делегация СНС во главе с К. Шмидке смогла вылететь лишь 4 августа 1944 г. на самолете, предоставленном военным министром марионеточного словацкого правительства Ф. Чатлошем. Последний искал пути ухода из распавшегося клерофашистского лагеря Й. Тисо и разработал собственный план военного переворота в Словакии, записку о котором вез в Москву для чехословацкой военной миссии один из спутников К. Шмидке М. Фериченчик.

Так, провал попыток правительства Э. Бенеша выступать от имени словацкого движения Сопротивления и координировать его действия с операциями Красной Армии открыл путь для установления непосредственных контактов СНС с Советским правительством. В результате СНС в канун Словацкого национального восстания становится субъектом советско-чехословацких отношений.

В начале августа 1944 г. в Москве находилось несколько групп представителей различных течений чехословацкого движения Сопротивления. Каждая имела свои планы и свое представление о формах борьбы против фашистских поработителей. Заграничное руководство КПЧ отстаивало концепцию народной партизанской борьбы. Эмигрантское правительство, представленное делегацией уполномоченного правительства для освобожденной территории Ф. Немеца, претендовало на руководство восстанием в Словакии, вело себя крайне агрессивно, требовало подчинения своему контролю партизанского движения. Делегация СНС во главе с К. Шмидке отстаивала выработанную КПС концепцию всенародного вос-

станция. Словацкая военная делегация представила план вооруженного переворота, учитывавшего партизанское движение как вспомогательную акцию. И, наконец, клерофашистские генералы представили свой меморандум, согласно которому практически пытались обеспечить нейтральное положение Словакии. Позиция СССР была известна: Советское правительство и командование Красной Армии были готовы оказать всестороннюю помощь национально-освободительному движению в Чехословакии.

В данной сложной ситуации Советское правительство приняло решение не вмешиваться во внутренние споры чехословацкого движения Сопротивления и использовать свое влияние, чтобы объединить все направления, за исключением представителей клерофашистского режима Тисо, на базе национального фронта ¹¹⁶.

С советской стороны в переговорах принимали участие представители партийного и государственного руководства, Генерального штаба Красной Армии, Украинского штаба партизанского движения. Предметом переговоров было восстание в Словакии, военная оценка его основных сил, цели восстания, возможные варианты его пачала.

Состоявшая из военных первая словацкая делегация прилетела в Москву 4 августа и была принята советскими представителями в присутствии пачальника чехословацкой военной миссии генерала Г. Пики. Ее информацию проверяли и обрабатывали советские органы совместно с представителями чехословацкой военной миссии в Москве. Она не добавила ничего нового по сравнению с тем, что Советскому правительству и командованию Красной Армии было известно с весны 1944 г. Это был все тот же план военного переворота и занятия частями Красной Армии в одну ночь всей Словакии ¹¹⁷. 10 августа Г. Пика представил советскому Генеральному штабу свой план восстания в Словакии, составленный на основании информации, полученной от первой группы словацких офицеров, прилетевшей в СССР 2 августа. Началом восстания должно было стать освобождение карпатских перевалов Восточнoсловацким корпусом. Советским войскам предстояло выйти к Ужгороду, в тыл «линии Арпада», словацкие части тем временем должны были прикрывать их правый фланг, провести мобилизацию и защищать Центральную Словакию. В случае сильного немецкого натиска им следовало отойти в горы Центральной Словакии. В поддержку словацким частям сюда необходимо было перебросить из СССР чехословацкую парашютно-десант-

ную бригаду. Чехословацкому корпусу предстояло наступать вместе с частями Красной Армии. Предпосылкой успешных действий советских войск должно было быть освобождение ими Кракова. В заключении Г. Пика обещал огромный стратегический выигрыш Красной Армии¹¹⁸. План был переальный с военной точки зрения. Советские войска, несмотря на успешное наступление в ходе Львовско-Сандомирской операции, все еще находились в 50—60 км от карпатских перевалов и других способов оказать помощь Словакии, пежели сломить сопротивление противника на прочных оборонительных позициях, пока не имелось¹¹⁹.

Только после того как представитель КПС К. Шмидке дал новую информацию и предоставил документы Словацкого национального совета стала яснее вырисовываться картина готовившегося общенародного антифашистского восстания. До этого у советского руководства не было достаточно точной и объективной информации о подготовке восстания. Командиры партизанских отрядов давали информацию местного характера, не позволявшую представить общую картину¹²⁰. Чехословацкая военная миссия в Москве хоть и посылала советскому Генеральному штабу чуть ли не ежедневно свою информацию, по она являлась слишком односторонней, тенденциозной. К тому же миссия ревностно следила за тем, чтобы не была ущемлена монополия лондонского эмигрантского правительства в руководстве движением Сопротивления¹²¹.

Делегация К. Шмидке вступила в контакт с представителями Красной Армии уже 5 августа 1944 г. Делегаты были приняты членом Военного совета 4-го Украинского фронта Л. З. Мехлисом и командующим фронтом И. Е. Петровым. Словацкие представители изложили цель своего приезда, а также план восстания. К. Шмидке в беседе с представителями командования 4-го Украинского фронта просил в интересах тщательной подготовки восстания и его координации с боевыми действиями Красной Армии временно приостановить или хотя бы ограничить акции партизанских отрядов в Словакии, находившихся под руководством УШПД¹²². 6 августа делегация прилетела в Москву. В первый же день К. Шмидке информировал о подготовке восстания в Словакии представителя Генерального штаба генерала Славина. Делегация настаивала, чтобы восстание в Словакии было включено в оперативные планы Красной Армии. Славин информировал 9 августа заместителя начальника Генераль-

ного штаба генерала армии А. И. Антонова. На следующий же день Антонов передал информацию о положении в Словакии и документы Сталину¹²³.

Советские представители на всех уровнях придавали большое значение информации К. Шмидке, уточняли и сравнивали ее с ранее полученной. Только после этого стало ясно, что в Словакии готовится широкое народное выступление, руководящей силой которого является КПС. Зная об этом, чехословацкие военная миссия и эмигрантское правительство пытались замалчивать размах готовившегося восстания¹²⁴.

После переговоров К. Шмидке с советскими представителями обе стороны пришли к заключению, что если немецкие войска начнут оккупацию Словакии, то народ и армия выступят против них и будут защищать освобожденную территорию. Если же Красная Армия за короткое время приблизится к границам Словакии, там начнется восстание и будет свергнут клерофашистский режим. При этом с советской стороны вновь было подтверждено, что восстанию в Словакии будет оказана всяческая помощь¹²⁵. Шмидке встретился также с Георгием Димитровым и представителями Заграничного руководства КПЧ. Димитров одобрил план восстания и временного сдерживания вооруженных выступлений партизан. Он специально отметил необходимость продолжать политику обмана Тисо. Результатом переговоров Шмидке с руководством КПЧ были два документа, принятые 23 августа 1944 г. Первый документ касался деятельности КПС. Руководство словацкой компартии устанавливало регулярную связь с центром КПЧ в Москве. Радиостанция «За словацкую свободу» должна была вести передачи в поддержку СНС. Партизанским отрядам, которые до того подчинялись исключительно УШПД, следовало установить самую тесную связь с партийными органами и национальными комитетами на местах и действовать в соответствии с их указаниями. В целях укрепления связи между руководством КПС и КПЧ в Словакию решено было направить представителя Заграничного руководства КПЧ¹²⁶.

Второй документ был посвящен СНС и представлял практически цельную программу Словацкого национального восстания. Об этом говорит уже само его название «О некоторых задачах национально-освободительного движения в Словакии»¹²⁷. Особое внимание в документе обращалось на необходимость привлечения на сторону восстания всех частей словацкой армии, открытие фронта

для частей Красной Армии, о государственной власти, которую должен был представлять на повстанческой территории СНС¹²⁸. Это означало, что Заграничное руководство КПЧ признало правильной концепцию восстания, выработанную ЦК КПС, и что никаких противоречий между руководством КПС и представителями КПЧ в Москве не было. Проводились отдельные уточнения тактики действий, вызванные дополнительной информацией с обеих сторон. Так, Заграничное руководство считало не только возможным, но и необходимым включение армии в повстанческие силы. Внесли поправку в свои планы и представители СНС.

Как известно, план восстания, выработанный руководством КПС и принятый СНС, предусматривал два варианта: согласно первому восстание начиналось в случае оккупации Словакии германскими войсками, согласно второму — с приближением советских войск к границам Словакии. В московском документе второй вариант был существенно изменен. Начало восстания по второму варианту предусматривалось при вступлении Красной Армии на территорию Словакии (подчеркнуто нами. — *И. П.*)¹²⁹. Этот вариант был определен после консультаций в Москве на всех уровнях и учета возможностей Красной Армии. Таким образом, Заграничное руководство КПЧ, К. Шмидке как представитель КПС и СНС, советский Генеральный штаб пришли к единому мнению, что восстание в Словакии нельзя начинать раньше, чем Красная Армия сможет оказать ему действительную помощь. Но в случае, если нацисты введут войска в Словакию до прихода Красной Армии, против оккупантов выступят как армия, так и партизаны. КПС и руководство КПЧ в Москве пришли к выводу, что революционный кризис в Словакии достиг такой глубины, что пассивность масс в случае оккупации исключалась.

Во время переговоров в Москве часто возникал вопрос о координации действий партизанских отрядов в Словакии. Отношения между советскими командирами партизанских отрядов в Словакии, словацкой армией и СНС складывались летом 1944 г. не просто. Эмигрантское правительство не оставляло попыток подчинить себе или хотя бы в какой-то мере контролировать партизанское движение. СНС, опасаясь оккупации Словакии до прихода Красной Армии, считал необходимым временно приостановить активные действия партизанских отрядов.

Главной проблемой партизанских отрядов при быстром их количественном росте была проблема вооружения. Это пыталось использовать эмигрантское правительство. 11 августа Я. Голиан получил указание от министра национальной обороны С. Ингра вооружать партизан, но в обмен на это требовать их подчинения военному руководству СНС, находившемуся под контролем лондонского правительства¹³⁰. Вместе с тем Я. Голиан опасался, что партизаны, получив оружие, активизируют свои вооруженные выступления и ускорят оккупацию Словакии германскими войсками. Поэтому он настаивал, чтобы лондонское правительство сдерживало активность партизан¹³¹. Кроме того, Я. Голиан боялся, что самая боеспособная часть армии перейдет к партизанам. 13 августа произошла встреча в Мартине между Я. Голианом и П. А. Величко — руководителем партизанской бригады, оперировавшей в Центральной Словакии. Голиан пообещал, что партизаны получают оружие из армейских складов при условии, что они не будут предпринимать вооруженные выступления без консультации с Военным центром СНС. 17 августа Величко сообщил Голиану, что его соединение не будет выступать активно только до 20 августа. Я. Голиан в своем требовании руководствовался решением СНС о том, чтобы до возвращения К. Шмидке из Москвы не предпринимались никакие вооруженные выступления, которые могли бы вызвать оккупацию Словакии и преждевременное начало восстания¹³².

18 августа П. А. Величко передал в УШПД план создания в Словакии свободного партизанского района. Генерал Строкач незамедлительно ответил, что план создания такого района он должен согласовать с местным руководством движения Сопротивления. Получив ответ от Величко, что местное население и словацкие участники Сопротивления полностью поддерживают партизан, штаб УШПД дал согласие на создание небольшого свободного района, но строго запретил поднимать широкое восстание¹³³. В Киеве понимали, что всеобщее восстание потребует активной поддержки Красной Армии, а она на данном участке фронта не была к этому готова в 20-х числах августа. Это пытался объяснить партизанским командирам П. Г. Гусак во время встречи с П. А. Величко в Склабине 21 августа 1944 г. Он требовал от имени СНС и руководства КПС задержать активные выступления партизан до возвращения из Москвы К. Шмидке, чтобы не начинать преждевременно восстания без связи с Красной

Армией, не взрывать тоннели, которые понадобятся восставшим. Величко ссылался на приказы УШПД, согласно которым его соединение должно было продолжать боевую деятельность, не вызывая восстания. Г. Гусак с помощью Величко и УШПД пытался установить связь с Москвой и К. Шмидке, но безуспешно¹³⁴. Гусак вспоминает, что во время этой встречи он впервые изложил представителю УШПД все детали готовившегося восстания и цели миссии К. Шмидке в Москве. Однако согласия руководство СНС и командование партизанских отрядов не достигли.

Положение в Центральной Словакии стало взрывоопасным. Клерофашистская администрация перестала функционировать, между партизанами и солдатами установилось тесное сотрудничество, оружие из армейских складов непрерывно поступало в горы¹³⁵. Все внимание было приковано к советским партизанам. Поэтому политике сдерживания, которую проводил СНС и которая была, несомненно, правильной в данной ситуации, стали сопротивляться даже члены партии. А из конспиративных соображений КПС не могла объяснить открыто причины такого курса, как это сделал Гусак во время встречи с Величко. К тому же в Словакии ввиду быстрого распада клерофашистского режима не все представляли истинную силу и возможности покровителей Й. Тиссо — германских нацистов. Поэтому выдвигалось требование немедленных действий. Долгое время сложившееся положение изображалось как результат противоречий между СНС и советскими командирами партизанских отрядов¹³⁶. В действительности же речь шла о более широком (СНС) и более узком (партизаны) видении ситуации, о выборе оптимального момента начала восстания. Цели же у тех и у других были одни — освобождение Словакии от фашистов.

В понимании СНС и КПС момент начала восстания следовало выбрать так, чтобы иметь абсолютный перевес над противником. Такой вариант был возможен только в случае прямого контакта с Красной Армией. При этом следовало учитывать стратегические планы Красной Армии, о которых знала только делегация Шмидке, находившаяся в Москве. Необходимо было также иметь в виду планы и ближайшие меры германского командования в Словакии. Все это партизанам доступно не было, также как и революционизированным широким народным массам.

Одновременно усиления активности партизан и остальных групп Сопротивления требовало эмигрантское правительство в Лондоне. Э. Бенешу не давали покоя переговоры Советского правительства со словацкими делегациями в Москве, и он решил взять руководство восстанием в свои руки и ускорить его начало. К этому его побуждала и сложившаяся к концу августа международная ситуация. 23 августа 1944 г. вышла из гитлеровского лагеря Румыния, и у Бенеша появилось предположение, что вслед за ней может это сделать и Венгрия. В буржуазных кругах чехословацкой эмиграции возникли опасения, что в результате этого вряд ли будут ликвидированы последствия Венского арбитража 1938 г. Кроме того, на фоне развернувшегося Варшавского восстания и усилившегося движения Сопротивления в других странах Европы активности чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне казались самыми низкими.

17 августа С. Ингр направил в Словакию депешу, в которой отмечалось, что правительство, которое так долго подвергали критике за пассивность, требует активизации партизанского движения. «Мы требуем, — писал Ингр, — чтобы вы учитывали прежде всего наши внешнеполитические доводы, которые относятся к Словакии. Вы не должны забывать о том, что Словакия официально находится в состоянии войны со всеми союзниками. Мы не можем согласиться с вами в том, что действия партизан могут помешать планируемой вами операции. Наоборот, мы считаем их важным активным элементом, который после тщательной подготовки может резко ускорить развитие событий в Словакии»¹³⁷. Это сообщение в Словакию корректировал сам Э. Бенеш, и заключительная часть документа означала, что развитие событий нужно ускорить настолько, чтобы СНС не мог ничего осуществить из того, о чем договорился в Москве К. Шмидке. Спустя несколько дней Бенеш посылает Голиану телеграмму: «Наступает последний момент, когда вы сможете смыть всю вину квислинговского правительства и так называемой самостоятельной Словакии перед союзниками. Это будет иметь далеко идущие последствия для Словакии и будущей Чехословакии»¹³⁸.

Переговоры К. Шмидке с советскими представителями проходили вне контроля чехословацкого эмигрантского правительства, что вызывало нервозность у Э. Бенеша. В Лондоне знали из сообщения Я. Голиана, что делегация СНС вылетела на самолете Ф. Чатлоша и с его меморанду-

мом от 4 августа. Самостоятельные действия делегации СНС, возглавляемой коммунистом Шмидке, разрушали внутривнутриполитические и внешнеполитические концепции Бенеша, сводили на нет претензии эмигрантского правительства на исключительность его положения в чехословацком движении Сопротивления. Не имея возможности контролировать переговоры членов делегации СНС с представителями Советского правительства и командования Красной Армии¹³⁹, Бенеш пошел по пути дискредитации делегации, использовав для этого паличие у нее меморандума клерофашистского министра Ф. Чатлоша. Это и было причиной появления его инструкции послу З. Фирлингеру от 10 августа 1944 г., передаваемой не обычным для дипломатической корреспонденции путем, через МИД, а через министерство национальной обороны и военную миссию в Москве.

В инструкции предписывалось, чтобы З. Фирлингер сообщил Советскому правительству следующее: 1) любой делегат из Словакии должен дать гарантию того, что готовящееся там выступление политического или военного характера находится под контролем эмигрантского правительства и армии; 2) переговоры с Чатлошем или с какими-либо другими представителями квислинговских кругов следует отвергнуть; 3) следует придерживаться принципа наказания квислинговцев всех рангов, не допускать никакого компромисса; 4) в случае, если Советское правительство, несмотря на предупреждение с чехословацкой стороны, вступило в переговоры со словацкими квислинговцами, чехословацкие органы должны занять позицию наблюдателя, избегать всякого компрометирования путем участия в таких переговорах; 5) предупредить советских представителей, что переговоры с квислинговцами затруднили бы политическую ситуацию в Словакии после войны, ибо развитие ситуации зашло так далеко, что подобные компромиссы не представляют никакой ценности¹⁴⁰. Чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер передал представителям НКВД СССР представление Бенеша, но лондонскому правительству заявил: было бы ошибкой предполагать, что у советской стороны есть какие-либо тенденции к переговорам со словацкими квислинговцами¹⁴¹.

Э. Бенеш с самого начала знал о том, что никаких «амбассаров словацких квислинговцев» в Москве нет и быть не может. Задолго до отъезда в Москву делегации Словацкого национального совета во главе с К. Шмидке

словацкие коммунисты и руководство СНС четко сформулировали свое отрицательное отношение к Ф. Чатлошу и его планам переворота ¹⁴². Позиция КПС не была тайной для Бенеша, так как он получал подробную информацию о позиции СНС по всем вопросам от Я. Голиана. Более того, он настаивал на своих обвинениях даже тогда, когда Я. Голиан несколько раз объяснял министерству обороны в Лондоне и военной миссии в Москве, что Шмидке и Ферриенчик не имеют никакого отношения к Чатлошу, они только воспользовались его самолетом ¹⁴³. Сам Ферриенчик и пилот Лисицкий посетили в Москве чехословацкую военную миссию и разъяснили все детали генералу Г. Пике. На следующий день, 18 августа, это объяснение лежало на столе у Э. Бенеша ¹⁴⁴.

Но это ничего не изменило в позиции Бенеша. Как оказалось, ему никакие объяснения не нужны были, действительная ситуация была известна и без этого. Объяснение позиции чехословацкого президента содержит его инструкция Фирлингеру от 23 августа. Во-первых, он обвиняет руководство словацкого движения Сопротивления в двойной игре, тем самым дискредитируя его. Во-вторых, в пункте четвертом предупреждает Советское правительство, что переговоры с делегацией СНС беспредметны, так как Лондон не признает эту делегацию, и все, что готовится в Словакии, может быть осуществлено только под руководством и контролем правительства Бенеша.

Г. Гусак пишет в своих воспоминаниях по этому поводу: «Это был приказ о полной капитуляции Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета перед планами эмигрантской лондонской буржуазии. Руководство национально-освободительного движения Словакии эти планы Бенеша отвергло. Такая позиция Бенеша очень усложняла отношения между Чехословацкой республикой и Советским Союзом и переговоры о координации планов Словацкого национального восстания с действиями Красной Армии, тем более, что за несколько дней перед этим, 1 августа 1944 г., началось Варшавское восстание»¹⁴⁵.

Демарш Э. Бенеша вызван был прежде всего опасением потери его ведущей роли в чехословацком движении Сопротивления. Суверенные действия делегации СНС, руководимой представителем Коммунистической партии Словакии, Э. Бенеш воспринял как начало нежелательного для чехословацкой буржуазии развития. Он больше

всего боялся, как бы чехословацкое правительство в Лондоне не постигла судьба польского эмигрантского правительства, оказавшегося не у дел после образования 27 июля 1944 г. Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Отсюда стремление Э. Бенеша любыми средствами дискредитировать делегацию СНС во главе с К. Шмидке. При этом Э. Бенеш не гнушался даже угрозами в адрес Советского правительства.

Советское правительство долгое время не реагировало на демарш Э. Бенеша. В тактичной форме советские дипломаты вернулись вновь к этому вопросу уже в период восстания в Словакии, явившегося убедительным доказательством безосновательности действий Э. Бенеша. Советское правительство не хотело осложнять отношения с чехословацким эмигрантским правительством. В тот период в антигитлеровской коалиции и без того достаточно было сложных проблем: Варшавское восстание, уже упоминавшееся образование ПКНО, проблемы новой Югославии и т. д. Открытое противодействие Э. Бенешу не нашло бы понимания среди мелкобуржуазных слоев в чешских землях и в Словакии, настроенных в тот период просоветски¹⁴⁶. Поэтому Советское правительство сделало все для того, чтобы способствовать объединению всех течений и групп в чехословацком движении Сопротивления на платформе национального фронта, не отказываясь при этом от поддержки левых сил. Здесь необходимы были взаимные уступки. Для СНС представлялось важным, чтобы Э. Бенеш отказался от обвинений совета в сотрудничестве с клерофашистским режимом и признал, что восстание может быть начато только в тот момент, когда Красная Армия вступит на территорию Словакии¹⁴⁷.

Большую роль сыграл в ликвидации конфликтной ситуации чехословацкий посол Э. Фирлингер. 26 августа состоялась его встреча с К. Шмидке, а на следующий день в здании посольства было проведено расширенное совещание с участием делегации Государственного совета, представителей военной миссии, К. Шмидке и К. Готвальда. С информацией о положении в Словакии выступил К. Шмидке. Он вновь подчеркнул, что подготовкой восстания руководит только СНС и Чатлош не имеет к планам совета никакого отношения, что он может быть использован только в первый момент в целях нейтрализации противодействия восстанию части высших офицеров словацкой армии¹⁴⁸.

В момент выступления К. Шмидке посол З. Фирлингер получил телеграмму, подписанную Бенешем и Масариком, в которой вновь содержались предостережение от контактов со словацкими квислинговцами, обвинение словацких коммунистов в сотрудничестве с ними, угроза осложнений на международной арене, если СССР вступит в переговоры с представителями клерофашистского режима¹⁴⁹. З. Фирлингер пишет в своих воспоминаниях, что присутствовавшие на совещании (большинство из них, кстати, являлись сторонниками Э. Бенеша) были крайне удивлены содержанием телеграммы, особенно той ее части, где высказывалось подозрение в том, что Советское правительство своим отношением к словацким квислинговцам действует в нарушение принципов советско-чехословацкого договора о дружбе и соглашения от 8 мая 1944 г.¹⁵⁰

Участники совещания в посольстве приняли заявление, в котором говорилось, что активность словацких квислинговцев очевидна, но СНС не имеет с ними ничего общего. Решительно отвергнуто было подозрение о намерении Советского правительства вести переговоры с квислинговцами¹⁵¹. Большое значение имел тот факт, что это решение было принято единогласно на совещании, где большинство присутствовавших являлись сторонниками президента. Тем самым конфликтная ситуация была ликвидирована, Бенеш фактически потерпел поражение. Многодневные переговоры делегации СНС во главе с К. Шмидке в Москве дали свои плоды: установлено было единство действий КПС и Заграничного руководства КПЧ, Советское правительство получило всестороннюю и объективную информацию о положении в Словакии. Однако какого-то определенного решения о координации действий Красной Армии и восставших достигнуто не было, так как события опередили участников переговоров. Началась оккупация германскими войсками Словакии, и в ответ вспыхнуло национальное восстание словацкого народа.

Словацкое национальное восстание как фактор советско-чехословацких отношений

Летом 1944 г. советские войска провели семь крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок. Важнейшими из них являлись Белорусская, Яско-Кишиневская и Львовско-Сандомирская, в ходе

которых были достигнуты крупные стратегические цели. В результате оборонительный фронт немецких войск был разрушен на 2200-километровом протяжении от Западной Двины до Черного моря. Одним из главных результатов наступления Красной Армии стал выход из фашистского блока Румынии. 23 августа 1944 г. там была свергнута фашистская диктатура Й. Антонеску, новое правительство Румынии объявило войну Германии.

Все эти события вызвали большой отклик в Словакии. Окончательное поражение Германии ожидалось в ближайшие месяцы. Кризис клерофашистского режима достиг своего апогея. В 20-х числах августа резко активизировали свою деятельность в Словакии многочисленные партизанские отряды. Карательные походы армии и жандармерии, организуемые клерофашистской верхушкой, превращались в манифестации солидарности с партизанами, происходил массовый переход солдат словацкой армии на сторону партизан. Антифашистское движение захватило широкие массы трудящихся, разразился революционный кризис, который остановить уже было невозможно¹⁵². В связи с этим гитлеровское командование приступило к ускоренной подготовке оккупации Словакии. Германский посол в Братиславе Г. Э. Лудин признал позже, что в Берлине этим вопросом занимались начиная с момента оккупации фашистскими войсками Венгрии, т. е. с марта 1944 г.¹⁵³ В конце августа с развалом немецкого фронта в Румынии Словакия оказалась связующим звеном между немецкими армиями в Польше и Венгрии. Было бы наивно предполагать, что германское командование могло оставить это в создавшейся ситуации столь важное стратегическое пространство без своего непосредственного контроля. «Тихая» оккупация Словакии германскими войсками происходила с согласия Й. Тисо еще в середине августа. Через ее территорию стали продвигаться немецкие военные составы, оставлявшие на важных транспортных узлах и трассах усиленные гарнизоны. Расширена была военная оперативная зона немецких войск в Восточной Словакии¹⁵⁴. Немедленной оккупации Словакии требовали фюрер словацкой «немецкой партии» Ф. Кармазин, руководители так называемой «глинковской гвардии». 21 августа Кармазин сообщил в Берлин, что партизанское движение в Словакии достигло такой силы, что все коммуникации в ближайшие дни окажутся под контролем партизан. Правительство Тисо обратилось к своему покровителю и единственной опоре —

гитлеровской Германии — с просьбой об оккупации Словакии немецкими войсками ¹⁵⁵.

Ответом на немецкую оккупацию Словакии было выступление вооруженных народных масс в форме партизанских отрядов и присоединившейся к ним части словацкой армии. В ночь на 29 августа партизаны заняли города Центральной Словакии. В Западную Словакию вступили германские части.

В сложившемся положении партизаны действовали не только как боевые отряды, но и как политическое движение, руководимое коммунистами. Они поставили перед словацким народом и армией новые, революционные цели: борьба против фашизма, свержение клерофашистского режима и национальное освобождение, образование новой народной власти и новой чехословацкой государственности. С помощью партизан всюду возникали национальные комитеты в качестве новых, революционных органов власти ¹⁵⁶. Эти два фактора придавали восстанию всенародный характер. Правительство Бенеша, опиравшееся только на высших офицеров словацкой армии и ориентировавшееся исключительно на военный переворот, не могло оказать никакого влияния на определение характера восстания. Партизаны и национальные комитеты создали новую систему власти, на сторону которой перешла большая часть армии. В то время как в Москве еще шли переговоры между К. Шмидке и советскими представителями, а также между Шмидке и Готвальдом, революционное выступление народных масс в Словакии опередило планы политического и военного руководства словацкого движения Сопротивления ¹⁵⁷. Таким образом, восстание положило начало формированию народно-демократической власти, народно-демократической Чехословакии. Широкие слои трудящихся вовлекались в систему государственного управления, в результате чего происходили существенные сдвиги в сознании масс, требующих радикальных социальных и политических преобразований структуры общества в новой республике. Со всей определенностью можно сказать, что с началом Словацкого национального восстания в Чехословакии развернулась антифашистская национально-демократическая революция ¹⁵⁸.

Как только в Москве было получено сообщение о начавшемся в Словакии 29 августа восстании, чехословацкие дипломатические представители, правительственный уполномоченный Ф. Немец, делегация Государствен-

ного совета, представители СНС, руководство КПЧ, чехословацкое правительство в Лондоне обратились к Советскому правительству с просьбой о незамедлительной помощи восставшим ¹⁵⁹.

Министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик сообщил 30 августа послу Фирлингеру, что чехословацкое правительство просит советское командование оказать материальную и военную помощь сражающимся частям посредством высадки парашютных частей, поставок оружия, снаряжения, лекарств, бомбардировки линий связи и объектов, занятых немцами ¹⁶⁰. Г. Пика передал эту просьбу советскому Генеральному штабу, но просил только о высадке 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады. В его просьбе не было упоминания об операциях Красной Армии, которые бы привели к соединению с восставшими ¹⁶¹. Ночью 30 августа Г. Пика получил указание министра обороны С. Ингра обсудить с советским командованием координацию действий Красной Армии с дивизиями Восточнословацкого корпуса, которые, по словам Ингра, пробиваются к советским частям ¹⁶². 31 августа в НКВД СССР состоялась встреча заместителя наркома А. Я. Вышинского с Э. Фирлингером и Г. Пикой. Фирлингер просил советское командование дать указание словацким дивизиям в Восточной Словакии: идти ли им на соединение с частями Красной Армии или же удерживать Карпатские перевалы ¹⁶³.

Советское руководство и Генеральный штаб тщательно изучали все, что касалось событий в Словакии. Г. Пика сообщал в депеше министру С. Ингру, что «уполномоченный Советского правительства особенно интересовался точным сроком, когда чехословацкое правительство объявило военное положение и призвало к восстанию». В своем ответе Г. Пика подчеркнул, что еще до того, как чехословацкое правительство призвало к сопротивлению, Словацкий национальный совет и военное руководство по воле народа и армии начали борьбу и восстание против оккупантов ¹⁶⁴. Посол Э. Фирлингер в беседе с А. Я. Вышинским также подчеркивал общенародный характер восстания ¹⁶⁵.

Чехословацкое правительство в Лондоне всячески стремилось развеять сомнения советских дипломатов относительно целей восстания. Посол СССР при союзных правительствах Лебедев открыто заявил о печальных последствиях Варшавского восстания. Поэтому в ответ на просьбу министра чехословацкого правительства Г. Рип-

ки о помощи словацким повстанцам вооружением и высадке парашютно-десантной бригады чехословацкого корпуса Лебедев спросил, есть ли у правительства Бенеша достаточная информация о характере событий в Словакии. Г. Рипка дал тут же положительный ответ и заверил посла, что «в нашем случае не следует опасаться повторения того, что произошло в Варшаве; мы сами позаботимся о том, чтобы этого не случилось»¹⁶⁶.

2 сентября президент Бенеш отправил в Москву политическое послание, предназначавшееся правительственной делегации, посольству ЧСР, военной миссии, Заграничному руководству КПЧ и советскому руководству. В нем утверждалось, что восстание в Словакии подготовлено словацким военным центром и министерством национальной обороны чехословацкого правительства. «Мы понимаем,— писал Бенеш,— что Красная Армия не может менять свои стратегические планы только из-за событий в Словакии. Мы об этом и не просим. У правительства нет в связи с восстанием в Словакии никаких особых политических целей... Мы заверяем всех в Москве и в Словакии в нашей лояльности и готовности сотрудничать, чего ожидаем и от вас всех в Москве и в Словакии»¹⁶⁷. В послании ни слова не говорилось о СНС — истинном организаторе восстания, на первом плане были сам Бенеш и его эмигрантское правительство, которое «подготовило и руководит восстанием». Вместе с тем у Советского правительства и чехословацкой эмиграции в Москве к тому времени имелась информация другого характера, и послание Бенеша только подтверждало наличие у эмигрантского правительства особых политических целей в восстании, стремления к сохранению своего ведущего положения.

Делегация СНС во главе с К. Шмидке и Заграничное руководство КПЧ решительно отвергли претензии Э. Бенеша на руководство восстанием. Для того чтобы устранить сомнения, которые могло вызвать послание президента, К. Готвальд направил 2 сентября в НКВД СССР записку «К событиям в Словакии». В ней подчеркивалось, что в подготовке восстания активное участие принимала Коммунистическая партия Словакии, по ее инициативе был создан единый руководящий орган — Словацкий национальный совет. Движение, возглавляемое СНС, подчеркивалось в записке, охватывает все слои населения. Политическая платформа Совета—это демократическая Чехословацкая республика на основе равноправия сло-

вацкого и чешского народов, прочная дружба с Советским Союзом. В заключение в записке указывалось: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношениях»¹⁶⁸.

Записка К. Готвальда и направленное им письмо В. М. Молотову возымели свое действие. В ночь со 2 на 3 сентября Советским правительством было принято решение о военной помощи Словацкому восстанию. Заведующий отделом НКВД В. А. Зорин 3 сентября заявил чехословацкому послу З. Фирлингеру, что «Наркоминдел считает, что бой в Словакии являются всенародным делом и что имеются предпосылки, дающие законную надежду на успех. Поэтому нужно также помогать»¹⁶⁹. Сообщая об этом в Лондон, З. Фирлингер подчеркнул заслугу представителей КПЧ в том, что советское руководство приняло решение о помощи словацким повстанцам не только поставками оружия, но и путем военных операций Красной Армии¹⁷⁰.

В ночь с 4 на 5 сентября на повстанческом аэродроме «Три дуба» у Банска-Бистрицы приземлились первые советские самолеты с оружием и боеприпасами для восставших. За сентябрь и октябрь советская авиация перебросила в Словакию 796 т грузов, а также 2-ю чехословацкую парашютно-десантную бригаду¹⁷¹. Кроме того, на помощь восставшим из СССР был послан и чехословацкий авиаполк. Предполагалась также помощь кадрами опытных партизанских руководителей. В Банска-Бистрицу был послан руководитель партизанского движения А. Н. Асмолов, ставший заместителем начальника главного штаба партизанских отрядов, а с 29 октября 1944 г. начальником главного штаба партизанского движения в Чехословакии. В период восстания в Словакию были отправлены еще 15 партизанских групп общей численностью 215 человек, доставивших также 30 т военных грузов¹⁷².

Самой крупной операцией советских войск в помощь восставшей Словакии явилась Восточно-Карпатская операция, включавшая две самостоятельные операции — Карпатско-Дуклинскую и Карпатско-Ужгородскую. 2 сентября 1944 г. Ставка Верховного Главнокомандования дала командующему 1-м Украинским фронтом маршалу И. С. Коневу директиву о подготовке и проведении опера-

ции на стыке 1-го и 4-го Украинского фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно и Санока в направлении на Прешов выйти на словацкую границу и в дальнейшем соединиться со словацкими повстанцами. Ставка разрешила привлечь к операции и 1-й чехословацкий армейский корпус, сформированный в СССР¹⁷³.

Проведение такой операции было связано с немалыми трудностями. В конце августа 1944 г. войска 1-го и 4-го Украинских фронтов закончили длительную наступательную операцию на Львовско-Сандомирском направлении и пуждались в отдыхе и организации тылов. К тому же предстоявшее наступление в тяжелых горных условиях требовало соответствующей подготовки личного состава, не имевшего опыта ведения наступательных действий в горах¹⁷⁴. С выходом Румынии из фашистского блока изменилась общая ситуация на фронтах, давшая возможность охвата массива Карпат с юга. Таким образом, наступление Красной Армии из Южной Польши через Карпаты в Словакию не отвечало пока стратегическому плану советского командования, что признавала и чехословацкая сторона¹⁷⁵. Тем не менее Советское правительство, стремясь оказать помощь Словацкому национальному восстанию, дало указание начать досрочно 8 сентября, Карпатско-Дуклинскую операцию¹⁷⁶.

Чехословацкие представители в центре восстания, в Банска-Бистрице, и в Лондоне большие надежды возлагали на Восточнословацкий корпус, который, по их мнению, имел потенциальные возможности на соединение с Красной Армией. Однако, как следовало из информации Г. Пики советскому командованию, чехословацкое министерство национальной обороны даже в конце августа не имело четкого плана действий словацких дивизий в Карпатах. Более того, оно не знало, какова ситуация в Восточнословацком корпусе. 27 августа, когда германское командование отдало приказ о разоружении словацких дивизий в Карпатах, чехословацкие генералы еще рассуждали о том, должны ли дивизии корпуса удерживать Карпатские перевалы до прихода Красной Армии или же им ударить в тыл немцам в направлении Санока навстречу советским частям. Эти шаги они ставили в зависимость от указаний советского командования¹⁷⁷. Однако советское командование не могло взять на себя ответственность за действия военных частей, которыми оно не управляло, как и не могло оно взять на себя ответственность и за судьбу восстания.

Некоторые словацкие историки писали, что советские представители затянули переговоры с делегацией СНС в августе, поэтому обе стороны не сумели скоординировать действия военных сил в районе Карпат¹⁷⁸. Как указывалось выше, ситуация в словацких дивизиях в Карпатах не была ясна до конца августа даже чехословацкому министерству национальной обороны. Г. Гусак в книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании» писал, что основная ошибка словацкого военного центра под руководством Я. Голина состояла в том, что не было создано единое командование для всей Словакии, а самые боеспособные дивизии оставались в руках генералов А. Малара, Ф. Чатлоша и полковника В. Тальского, которые были слишком тесно связаны с клерофашистским режимом и скомпрометировали себя сотрудничеством с Германией. Представители КПС предупреждали, что такие союзники — ненадежные и сотрудничать с ними нельзя¹⁷⁹.

Полковник Тальский, командовавший Восточнословацким корпусом, получил указание Я. Голина установить через советского командира партизанской бригады А. С. Егорова связь с Красной Армией. 27 августа он сообщил, что Егоров обещал установить такую связь, а пока требовал для подготовки корпуса две недели. Голин и Тальский договорились, что после завершения подготовки из штаба корпуса, находившегося в Прешове, будет дан сигнал начала восстания. К этому времени должна была быть установлена связь с частями Красной Армии у Дуклы. Характерно, что Голин и Тальский пришли к выводу, что если восстание начнется до указанного срока, т. е. преждевременно, оно будет подавлено немцами¹⁸⁰. Такой пессимизм профессиональных военных, решавшихся на восстание, говорит о том, что они его воспринимали только как военный переворот, не учитывая возможность партизанской формы борьбы.

Однако в критический момент, 29 августа, дивизии корпуса, располагавшиеся у Карпатских перевалов на участке в 120 км, не получили никаких указаний ни из штаба в Прешове, ни от Голина из Банска-Бистрицы. Генерал Малар вылетел в Братиславу и оттуда сообщил в штаб корпуса в Прешов, что вступление немецких войск в Словакию направлено только против партизан, а не против словацкой армии. Тем самым он укрепил позиции фашистских элементов в корпусе и облегчил немцам задачу разоружения словацких дивизий¹⁸¹.

После отъезда А. Малара замещавший его полковник Тальский созвал в Прешове 29 августа совещание командного состава корпуса, на котором принято было решение срочно послать в штаб 1-го Украинского фронта к маршалу Коневу офицера связи для координации совместных действий. Тем временем будет проведена перегруппировка корпуса и 2 сентября начато наступление на Дуклипский перевал. Если же Красная Армия предпримет наступление, то словацкие дивизии организуют оборону или будут пробиваться с боями в Центральную Словакию¹⁸². План был реальным, но требовал решительного исполнения.

Генерал С. М. Штеменко в своих воспоминаниях пишет: «Положение складывалось как пельзя хуже: враг начинал захват Словакии, вот-вот там могло вспыхнуть народное восстание, а мы лишь сутки назад дали И. Е. Петрову приказ на оборону. Материальных средств, достаточных для наступления, у войск не имелось. Силы левого крыла 1-го Украинского фронта И. С. Конева (38-я армия) были в таком же примерно состоянии. Восстание, следовательно, не могло быть эффективно поддержано с нашей стороны»¹⁸³. В этой ситуации проблема заключалась не в том, хотело или не хотело советское командование наступать в Восточных Карпатах, а в необходимой передышке между двумя тяжелыми наступательными операциями.

Штаб 1-го Украинского фронта был информирован о положении в Восточнословацком корпусе перелетевшим 29 августа через линию фронта партизанским связным В. И. Гуновым. Неожиданно 30 августа А. А. Мартынов — командир одного из партизанских отрядов, действовавших в Восточной Словакии, попросил советское командование установить место посадки самолетов со словацкими военными представителями. Рано утром 31 августа в расположении частей 1-го Украинского фронта приземлился словацкий самолет, на котором прилетел полковник Тальский с офицерами штаба корпуса. Вслед за ним на Львовском аэродроме совершили посадку еще около двух десятков словацких самолетов¹⁸⁴.

1 сентября Тальский был принят маршалом Коневым в штабе 1-го Украинского фронта. Полковник представился как командующий Восточнословацким корпусом и предложил провести операцию в направлении Дуклы. А тем временем немцы уже разоружали дивизии Восточнословацкого корпуса, брошенные на произвол судьбы его командованием. В штабе 1-го Украинского фронта

были удивлены действиями полковника Тальского, в Банска-Бистрице их квалифицировали как предательство¹⁸⁵. Разгром Восточнoсловацкого корпуса доказал несерьезность заверений министра С. Ингра и генерала Г. Пика о том, что чехословацкое министерство национальной обороны его полностью контролирует и советскому командованию предстоит только скоординировать с ним совместную операцию и взять Карпатские перевалы. Вновь генералы эмигрантского правительства выдавали желаемое за действительное.

Советское командование могло рассчитывать только на свои силы, чтобы прорвать немецкую оборону в Карпатах и соединиться с повстанцами. С учетом развития наступления Красной Армии в Румынии Карпатская операция была маловыгодной с военной точки зрения. Решение Ставки о начале операции 8 сентября было принято по соображениям интернациональной солидарности и союзнических обязательств. Таким образом, Восточно-Карпатская операция была начата не из военно-стратегического расчета, а по политическим соображениям. Директива Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии звучала следующим образом: «В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений Словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий *приказал*:

1. Подготовить и провести операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно, Сапок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками.

2. К проведению операции разрешается привлечь чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся северо-восточнее Прешова, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться»¹⁸⁶.

Начавшаяся 8 сентября Карпатско-Дуклинская операция осуществлялась 38-й армией 1-го Украинского фронта и правым флангом 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. Это была неосценимая помощь Красной Армии Словацкому национальному восстанию. Разделявшие Красную Армию и повстанческую территорию около 100 км предполагалось преодолеть за пять дней, конечно при условии встречного удара словацких войск, о которых столько говорили генерал Г. Пика и полковник В. Тальский¹⁸⁷. Командование 38-й армии верило,

что немецкая оборона рухнет при одновременном ударе с двух сторон и продвижение советских войск в направлении Прешова будет довольно быстрым¹⁸⁸. Однако встречного удара не получилось, словацкие дивизии были разоружены и только незначительная их часть пробивалась в Центральную Словакию. «Теперь картина получилась очень тревожной. Выходило, что перевалы и проходы через Карпаты, по всей вероятности, открыты для советских войск не будут, а главные силы восстания сосредоточились в Средней Словакии и нанести удар в тыл обороне противника перед нашими войсками не смогут.

При сложившихся обстоятельствах войска Красной Армии ожидали жестокие бои за каждый метр пути через Карпатский хребет, на перевалах — тем более. Да и в Словакии предстояла не менее жаркая борьба, чтобы соединиться с повстанческой армией. Одним словом, впереди лежал немалый и трудный путь». Так писал в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С. М. Штеменко¹⁸⁹.

Тем не менее в начале Карпатско-Дуклинской операции главные силы 38-й армии прорвали оборону противника на узком участке и продвинулись в направлении Дуклинского перевала. Однако немецкое командование подтянуло значительные подкрепления, так как опасалось прорыва Красной Армии в Венгрию, в тыл немецким частям, противостоявшим 2-му Украинскому фронту. Советское командование ввело в бой 25-й танковый, 1-й гвардейский и 1-й чехословацкий армейские корпуса, борьба приняла затяжной характер¹⁹⁰. Несмотря на то, что не удалось реализовать первоначальный план советского командования, наступление на Дуклу воспрепятствовало стремлению немцев подавить Словацкое национальное восстание в самом его начале. Сдерживая наступление советских войск на Дукле, немецкое командование смогло атаковать фронт повстанцев только в двух направлениях¹⁹¹. Благодаря действенной помощи Красной Армии СНС смог преодолеть трудности первых дней восстания и организовать оборону свободной словацкой территории против напора превосходящих сил фашистов.

Начало Карпатско-Дуклинской операции повысило боевой дух повстанцев, укрепило надежду на успешное завершение восстания. На исход боев в Словакии влияли и другие операции Красной Армии, прежде всего крушение немецкой обороны в Румынии и выход советских войск на Дунайскую равнину. После перехода Трансильван-

ских Альп советское командование разворачивает наступление частей 2-го Украинского фронта в северо-западном направлении, на Дебрецен, т. е. ближе к словацкой границе. Кроме того, начинает развиваться наступление с севера по всей дуге Карпат, в частности проводится Карпатско-Ужгородская операция¹⁹². Это заставляет германское командование посылать на эти направления все новые и новые дивизии и тем самым облегчает положение повстанцев. Растет надежда на приход в Словакию Красной Армии, хоть и другим путем и в другие сроки, чем планировалось раньше.

Против наступавшей на Дукле 38-й армии немецкое командование сосредоточило 18 дивизий, 2000 орудий, 240 танков, 110 легких орудий и 180 бронемашин. И хотя в первые дни наступления осуществлен был прорыв и через него в немецкий тыл вышел советский кавалерийский корпус, который должен был соединиться со словацкими повстанцами, эту задачу он выполнить не смог. Корпус вошел в окрестности Попрада в соприкосновение с повстанческими силами, но дальнейшим его операциям немцы сумели воспрепятствовать. Ввиду угрозы окружения с тяжелыми боями кавалерийский корпус вынужден был вернуться в расположение 38-й армии на Дукле¹⁹³.

Не сумел выполнить поставленную перед ним задачу в первые дни наступления на Дуклинском перевале и 1-й чехословацкий армейский корпус. В этот период корпусом командовал присланный из Лондона генерал Я. Кратохвил, не выдержавший испытания в фронтовых условиях. Корпус под его командованием понес неоправданно большие потери, до 30 % личного состава, в результате Кратохвил был снят командованием 1-го Украинского фронта со своего поста. На его место был назначен генерал Людвик Свобода¹⁹⁴.

В середине сентября наступление советских войск и чехословацкого армейского корпуса на Дукле замедлилось. Немецкие войска умело использовали все преимущества обороны в горно-лесистой местности, превратили каждую вершину в непреступную крепость. Применение наступающими техники в узких долинах и ущельях было затруднено. Сложившаяся обстановка требовала от советских и чехословацких солдат и офицеров мобилизации всех сил, огромного мужества и самоотверженности. В конце сентября 1944 г. командование 1-го Украинского фронта вынуждено было констатировать, что действия

38-й армии приобрели вспомогательный характер в общем наступлении войск 4-го и 2-го Украинских фронтов. Резко уменьшился в результате тяжелых боев численный состав частей 38-й армии, остро чувствовался недостаток танков, тяжелых орудий¹⁹⁵. Приказом Верховного Главнокомандующего 38-я армия была введена в состав 4-го Украинского фронта, который вел наступательные бои в Восточных Бескидах¹⁹⁶.

Войска 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта под командованием генерала А. А. Гречко 19 сентября пересекли польско-чехословацкую границу, а на следующий день вышли на словацкую территорию у села Калинова¹⁹⁷. Ожесточенные бои на Дукле закончились глубокой осестью 1944 г. Части Красной Армии и 1-го чехословацкого корпуса 6 октября вышли на территорию Восточной Словакии¹⁹⁸.

В телеграмме Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину генерал Людвик Свобода писал: «Мы никогда не забудем братской помощи и поддержки Советского правительства и всего советского народа, самоотверженной борьбы героической Красной Армии. Все это дало нам возможность с оружием в руках бороться за возрождение свободы и независимости нашей страны и идти на помощь нашим борющимся словацким братьям. Народы Чехословакии приветствуют братскую Красную Армию на своей земле как освободительницу от шестилетнего фашистского порабощения»¹⁹⁹.

Бои в Карпатах, которые вели войска 18-й, 38-й, 1-й гвардейской, 2-й и 8-й воздушных армий, оказали неоценимую помощь участникам народного восстания в Словакии. В сентябре — ноябре 1944 г. германское командование вынуждено было бросить против наступающих войск 38-й армии и чехословацкого армейского корпуса 60 % войск, противостоявших всему 1-му Украинскому фронту²⁰⁰. В ходе боев была полностью истреблена одна немецкая дивизия, а пять потеряли от 50 до 75 % личного состава и боевой техники, было взято в плен 31 360 фашистов. Всего в операции участвовало 34 советских дивизии (246 тыс. человек), 5140 орудий, 322 танка и 165 самолетов. «Наиболее характерная черта Восточно-Карпатской операции, — писал А. А. Гречко, — состоит в том, что впервые в истории войн такое мощное естественное препятствие, как Карпатские горы, было преодолено большими массами войск на широком фронте свыше 300 км, на всю их глубину в сравнительно короткий срок. Этот

успех был достигнут в результате сочетания высокого морального духа войск с отличной боевой выучкой, большого напряжения физических и моральных сил, правильного технического оснащения, смелых оперативных и тактических маневров и решительных действий»²⁰¹. Об ожесточенности боев в Карпатах свидетельствуют потери советских войск: 21 тыс. убитых и 89 тыс. раненых и чехословацкого корпуса: 844 убитых и 4068 раненых²⁰².

Несмотря на то что соединиться с повстанцами не удалось, наступление Красной Армии в Карпатах и Восточной Словакии явилось важным этапом в освобождении Чехословакии, в укреплении дружбы с Советским Союзом. Восточно-Карпатская операция была одной из крупнейших операций Красной Армии на территории Чехословакии, она положила начало освобождению страны от фашистского порабощения.

Говоря о значении этой операции, К. Готвальд подчеркивал: «На Дукле родился лозунг, прочно вошедший в чувства и сознание нашего народа: „С Советским Союзом на вечные времена“»²⁰³. Этот лозунг не случаен, в нем были заложены глубокий смысл и понимание выхода Красной Армии в Центральную Европу, превращения Советского Союза в решающий фактор международных отношений в данном регионе. С этого момента резко возрастают политическое значение военного союза СССР и Чехословакии, морально-политическое воздействие освобождения республики Красной Армией совместно с бойцами создаваемой чехословацкой армии.

Руководители и участники восстания высоко оценивали интернациональную помощь Советского Союза борющейся Словакии. «Советская помощь, — подчеркивал Г. Гусак, — военная, политическая и моральная — была решающим фактором, позволившим словацкому народу выстоять в открытой борьбе в течение двух месяцев против превосходящих сил гитлеровских армий. Этот факт осознавал каждый человек в Словакии, особенно на освобожденной территории, и это непосредственно влияло на политическую ситуацию. Ориентация на Советский Союз и любовь ко всему советскому развивалась и укреплялась в словацком народе все больше и больше»²⁰⁴.

Битва в Карпатах позволила словацким патриотам на охваченной восстанием территории не только разбить всю структуру власти клерофашистского режима Тисо, но и начать формирование народно-демократической вла-

сти, народно-демократической государственности²⁰⁵. В этом заключалось ее революционизирующее значение. В ходе восстания широкие слои трудящихся вовлекаются в систему государственного управления, в результате чего происходят существенные сдвиги в сознании масс, требующих радикальных социальных и политических преобразований структуры общества в новой республике. В среде рабочего класса усиливается движение за единство, что нашло отражение в объединении коммунистов и социал-демократов в Коммунистическую партию Словакии. Объединительный съезд, состоявшийся 17 сентября 1944 г., в программе действий словацких коммунистов дал четкую формулировку внешнеполитического курса рабочей партии. В резолюции съезда указывалось: «Мы будем опираться на Советский Союз и его Красную Армию, на нерушимый блок славянских народов и государств»²⁰⁶.

На заседании Словацкого национального совета 3 октября 1944 г. видный деятель КПЧ Ян Шверма, прибывший из Москвы, выступил с программой национально-демократической революции, разработанной руководством компартии. В своем выступлении он поставил также вопрос о необходимости изменения внешнеполитической ориентации республики. Я. Шверма указывал: «После освобождения мы не можем попросту вернуться назад, не можем вернуться к тому, на чем мы остановились в 1938 г. Мы должны идти вперед, и новая Чехословацкая республика должна быть действительно новой, более демократичной, в социальном и национальном отношении более справедливой, лучшей.

Новая Чехословакия должна быть действительно новой и по своей международной позиции. Мы стремимся к тому, чтобы установить хорошие отношения со своими западными союзниками — с Англией, с США и с возрожденной Францией.

Но гарантию национального и государственного суверенитета для себя и для своих потомков мы будем искать там, куда направляли свой взор наши деды и отцы, — в славянской мощной России»²⁰⁷ (подчеркнуто в подлиннике. — *И. П.*).

Основной внешнеполитической гарантией Чехословакии, отмечал Я. Шверма, КПЧ считает договор о дружбе, взаимопомощи между СССР и Чехословакией, заключение которого она квалифицирует как фундаментальный исторический шаг во внешней политике республики.

Диаметрально противоположной была позиция чехословацкого эмигрантского правительства. Э. Бенеш и буржуазная лондонская эмиграция потерпели первое крупное поражение в начавшейся в Чехословакии национально-демократической революции. Восстание в Словакии возникло не как военный переворот, дирижерами которого должны были стать сторонники эмигрантского правительства, а как всенародное революционное движение. Суверенные действия СНС ясно продемонстрировали Бенешу, что возврат к доиюлхенским порядкам невозможен. Четко выражена была и внешнеполитическая ориентация руководства восстания на СССР, не отвечавшая концепции Бенеша и его окружения. Причину такого развития событий в Словакии буржуазная эмиграция видела только в воздействии, прямом или косвенном, Советского Союза.

Для проявления своего недовольства эмигрантское правительство использовало любой повод. С момента начала восстания впервые это было сделано в связи с письмом заместителя наркома А. Я. Вышинского от 22 сентября послу Чехословакии в СССР Э. Фирлигеру. В нем высоко оценивались усилия руководства Словацкого национального восстания и боевая активность словацких партизан и солдат. В письме отмечалось, что Советское правительство признает за объединенными силами Сопротивления на чехословацкой территории права воюющего государства со всеми вытекающими из этого последствиями, считает восстание важным вкладом в военные усилия союзников. В письме указывалось также, что СССР предоставил помощь «словацким партизанам и присоединившимся к ним словацким солдатам и офицерам»²⁰⁸. То, что на первом месте фигурировали партизаны, вызвало острое недовольство в чехословацком буржуазном лагере, считавшем себя, без всякого на то основания, организатором и руководителем восстания в Словакии. Реакционные министры эмигрантского правительства предлагали даже использовать это письмо в качестве повода для политического разрыва с Советским Союзом²⁰⁹.

В чем смысл формулировки письма НКВД о партизанах и присоединившихся к ним солдатах? Он заключался в том, что восстание в Словакии возникло как партизанское выступление и как таковое побеждено быть не может. Советское руководство знало о положении в Словакии и на фронте в Карпатах. В последней декаде сентября 1944 г. стало ясно, что соединиться частям Красной

Армии с повстанцами вряд ли удастся и поэтому невозможно будет удержать освобожденную территорию. Следовало готовиться к переходу к партизанской форме борьбы. Однако именно эта форма борьбы с оккупантами была неприемлема для бенешевского крыла чехословацкой эмиграции.

Ситуация словацких повстанцев в конце сентября—начале октября свидетельствовала об отсутствии у словацких офицеров опыта ведения военных действий такого широкого масштаба. Поэтому СНС обратился к К. Готвальду, Г. Димитрову и З. Фирлингеру с просьбой, чтобы в Словакию были посланы из СССР советники, а офицерский корпус укреплен опытными офицерами Красной Армии²¹⁰. Более того, прибывший из Лондона в Банска-Бистрицу генерал Р. Внест, ознакомившись с положением, требовал от правительства в Лондоне, чтобы оно просило советское командование послать к восставшим хотя бы батальон Красной Армии²¹¹. Но Бенеш не хотел приглашать советские войска в Словакию. Это наглядно подтверждает переписка между послом Чехословакии в СССР З. Фирлингером и министром иностранных дел ЧСР Я. Масариком.

Фирлиггер в своем допесении Масарику писал, чтобы тот обратился к Советскому правительству с просьбой немедленно послать в Словакию опытного советского генерала, который бы координировал действия всех частей как войсковых, так и партизанских, поскольку «влияние Советского Союза всегда будет объединяющим в духе нашего союзнического договора». СССР сделал для Словакии все, что было в его силах, писал З. Фирлиггер. «Наступление в Карнатах было предпринято по нашей просьбе и означает тяжелые потери для Красной Армии... Рано или поздно Красная Армия должна соединиться со словацким фронтом, который, собственно, уже сегодня фактически является составной частью восточного театра военных действий и, как видно, зависит от него»²¹².

Министр Я. Масарик ответил только через неделю, притом несколько раздраженно. В своем письме Фирлингеру он подчеркнул, что лондонское эмигрантское правительство никогда не просило СССР предпринимать карпатское наступление, его просьба ограничивалась поставками оружия. В заключение Я. Масарик в приказном тоне писал: «Президент от своего имени и я от имени Министерства иностранных дел и Министерства национальной обороны просим срочно сообщить телеграммой, знаете ли Вы,

кто просил, чтобы русские предприняли карпатское наступление. Если это произошло в Москве, то я спимаю с себя всякую ответственность»²¹³.

3. Фирлингер был в явном недоумении, получив такое предписание, ибо заявление министра было не в ладах с фактами. Ведь просьба «об объединении усилий советских войск со словацкими» исходила от чехословацкого правительства в последние дни августа—начала сентября 1944 г.²¹⁴ И вдруг это же правительство считает необходимым отмежеваться от кровопролитного наступления Красной Армии в Карпатах, предпринятого исключительно с целью помочь восставшим. По вопросу о приглашении советского генерала в Словакию министр Масарик категорически запретил послу Фирлингеру вести какие-либо переговоры с советскими представителями²¹⁵.

Резкое изменение настроения членов чехословацкого эмигрантского правительства в отношении СССР отметили в начале октября 1944 г. и западные дипломаты. Британский дипломат Робертс отметил 5 октября, что Бенеш и его окружение, прежде настроенные просоветски, взяли сейчас резко антисоветский курс. Сам Бенеш и министр Г. Рижка всюду повторяют «известную аргументацию», как писал Робертс, об отрицательном отношении советского командования к Варшавскому восстанию или подтверждают его опытом восстания в Словакии. В своих публикациях, продолжал Робертс, правительство Бенеша говорит о мощной поддержке со стороны СССР Словакии, а в частных беседах чехословацкие министры всячески подчеркивают, что помощь Советского Союза была недостаточной, поставки оружия и военных материалов с советских баз всячески затягивались. Более того, Бенеш высказывал опасения, что через 5—6 лет Чехословакия будет полностью подчинена коммунистам²¹⁶. В этом и была причина антисоветизма Бенеша и буржуазной эмиграции.

Военная ситуация в Словакии в октябре ясно показала несостоятельность лондонских стратегов из министерства С. Ингра, практически не сделавших ничего в смысле его реального обеспечения как кадрами, так и оперативными разработками тактики боевых действий²¹⁷. Выход из создавшегося положения в Лондоне видели в лихорадочных поисках мнимого виновника. В этой связи эмигрантское правительство развернуло в октябре бурную деятельность по «обеспечению» восставших оружием от западных союзников. Вопрос о помощи со стороны Великобрита-

тапии и США ставился чехословацким эмигрантским правительством прежде всего из политических соображений, как восстановление политического доверия у широких масс Чехословакии к Западу и устранение последствий кризиса 1938 г. Однако в британских правящих кругах отнеслись к просьбе правительства Бенеша отрицательно. После длительных обсуждений в политических и военных кругах Великобритании в августе 1944 г. принято было решение: «...ввиду отсутствия необходимого количества транспортных самолетов рекомендовать чехам обратиться за помощью к русским»²¹⁸. Такой же ответ на свою просьбу чехословацкое правительство получило и от США.

Великобритания и США не хотели помочь словацким повстанцам, ибо успех последних означал бы быстрое продвижение Красной Армии в Центральную Европу, в то время как войска союзников все еще находились во Франции. Помогать советским войскам они не собирались. Все это было хорошо известно членам чехословацкого эмигрантского кабинета в Лондоне и президенту Бенешу уже в начале сентября.

Тем не менее 1 октября 1944 г. министр С. Ингр в телеграмме начальнику чехословацкой военной миссии в СССР Г. Пике сообщил, что идут переговоры о поставках оружия из Запада в Словакию. Поэтому Г. Пике предписывалось сообщить об этом Советскому правительству²¹⁹. При этом С. Ингр прекрасно знал, что никаких поставок оружия в Словакию с Запада не будет, о чем свидетельствовало последнее сообщение от 26 сентября. Ему пужно было только одно: добиться от Советского правительства заявления о его отрицательном отношении к поставкам оружия в Словакию с Запада и в дальнейшем использовать это заявление в качестве аргумента, свидетельствующего о виновности СССР за поражение восстания в Словакии. По просьбе Г. Пики посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер спросил у представителя НКВД СССР В. А. Зорина об отношении Советского правительства к возможным поставкам оружия в Словакию западными союзниками²²⁰. Смысл игры правительства Бенеша советской дипломатии был ясен, поэтому она не дала того ответа, которого ожидали чехословацкий президент и министры в Лондоне. В. А. Зорин ответил, что чехословацкий запрос беспредметен, так как западные союзники уже посылают оружие в Словакию. У Зорина были основания для такого ответа, поскольку прецедент имелся: американцы доставили од-

ним рейсом некоторые военные грузы, послав самолеты за сбитыми летчиками союзников²²¹.

6 октября посол З. Фирлингер вновь получил предписание сделать запрос НКВД СССР относительно поставок оружия с Запада²²². Смысл предписания был все тот же, ибо за день до этого Г. Пика сообщал в своем допесении С. Ингру, что Советское правительство в сущности не возражает против поставок оружия западными союзниками в Словакию²²³. З. Фирлингер направил в МИД ЧСР пространный ответ, в котором указывал: «Советский Союз проявляет по вполне понятным причинам в этом вопросе определенную сдержанность, так как ему хорошо известно, что материальная помощь служит, как правило, поводом к другим мероприятиям, преследующим чисто военные цели. Я полагаю, что если Великобритания и США ограничатся только поставками оружия в Словакию, то в Москве не будут против этого возражать. Но любые инциденты, как это было в Югославии и Польше, могли бы нанести вред нашим отношениям с СССР»²²⁴.

Потерпев провал в первом заходе, Бенеш и его сторонники избрали обходный маневр. После приезда в Лондон в середине октября делегации СНС они организовали встречу членов делегации Я. Урсиши и полковника М. Весела с британским послом Ф. Никольсом. Урсиши и Весел всячески заверяли Никольса в прозападных настроях словаков. Я. Урсиши позволил себе и откровенно антисоветские выпады, он обвинил Советский Союз в недостаточной помощи Словакии. Это, мол, заставляет словацкую делегацию обратиться к правительству Великобритании с просьбой о поставках оружия. Никольс холодно заметил, что чехословацкой стороне, а соответственно и представителям СНС должна быть известна позиция Великобритании по этому вопросу. Доставлять оружие в Словакию очень трудно, к тому же она находится в советской оперативной зоне²²⁵. Эмигрантское чехословацкое правительство получило лишнее подтверждение неизменности позиции Великобритании в данном вопросе.

Было ясно, что Словацкое национальное восстание по своим целям и развитию противоречило центральноевропейским планам Великобритании и США. Тем не менее они приняли формулу Бенеша и поддержали его стремление свалить всю ответственность на Советский Союз. Как вспоминал член делегации СНС от КПС Л. Новомеский, в Лондоне его посетил американский офицер чешского происхождения Катеки и предложил помочь словацким

повстанцам оружием из американских складов в Италии и Франции. Новомеский незамедлительно информировал чехословацкое правительство. Однако министр Г. Рипка с сожалением констатировал, что для этого нужно получить согласие Советского Союза. Л. Новомеский в обход МИД ЧСР обратился с запросом к советскому послу при союзных правительствах в Лондоне. Из Москвы было получено согласие²²⁶. Однако никаких поставок осуществлено не было ни американцами, ни англичанами.

Правительство Бенеша не теряло надежды добиться хоть в какой-то форме несогласия СССР с поставками оружия западными союзниками в Словакию. Развитие событий в Словакии близилось к развязке, падение Банска-Бистрицы было уже вопросом ближайших дней, а чехословацкое правительство вновь и вновь запрашивало своих дипломатических представителей в Москве об отношении Советского правительства к поставкам оружия в Словакию с Запада. 23 октября 1944 г. министр Г. Рипка послал в Москву послу Чехословакии З. Фирлингеру две депешы. В первой он указывал, что чехословацкое правительство обратилось к западным союзникам с просьбой о поставках оружия со складов, расположенных в Италии. При этом Рипка подчеркивал, что поставки не связаны с какими-либо политическими условиями, Великобритания и США требуют только, чтобы этот вопрос был согласован с СССР²²⁷.

Это был откровенный обман и продолжение прежней игры, так как чехословацкое правительство, как указывалось выше, получало неоднократно отказ от британской стороны как по дипломатическим, так и по военным каналам.

Во второй депеше З. Фирлингеру предписывалось просить Советское правительство послать в Словакию советского высшего офицера, задачей которого была бы организация действительной помощи словацким повстанцам. Кроме того, как указывалось в депеше, «уполномоченный сможет также на месте увидеть, что возможная помощь западных союзников, о которой просит делегация Словацкого национального совета, будет осуществляться в полном соответствии с военными планами Москвы и ни в чем не будет мешать политическому сотрудничеству союзников»²²⁸.

О содержании этих дипломатических шагов Г. Рипка сообщил также в Словакию. По его расчетам, там это должно было создать впечатление, что Запад хочет помочь

восставшим, а Москва этому препятствует. В Банска-Бистрице не могли знать содержания переговоров в Лондоне. Для того чтобы насквозь фальшивая версия о «сопротивлении Москвы» казалась правдоподобной, 24 октября Э. Бенеш обратился с просьбой о помощи непосредственно к И. В. Сталину²²⁹. Все это делалось вовсе не для того, чтобы удержать повстанческую территорию в Словакии, а с целью иметь возможность обвинить Советское правительство и командование Красной Армии в недостаточной помощи восставшим и свалить на них вину за неудачу восстания. Чехословацкий посол З. Фирлингер в депеше Г. Рипке 26 октября сообщал: «У меня создалось впечатление, что тут знают об ухудшившейся ситуации и действуют в соответствии с этим... Что касается помощи со стороны других союзников, то я тебе еще раньше сообщал, что против поставок оружия в Словакию и против иной действенной помощи сражающейся Словакии здесь никаких возражений не будет»²³⁰.

Не оставило без внимания Советское правительство и запоздалую просьбу правительства ЧСР о посылке в Словакию советского генерала. Советский Генеральный штаб считал, что посылка представителя верховного командования была бы целесообразной раньше, так как в создавшихся условиях весь район, который удерживала словацкая армия и партизаны, будет разбит на несколько участков и поэтому координация на месте будет затруднена. Кроме того, подчеркивали представители Генерального штаба, следовало бы направить в Словакию не только высшего офицера, но вместе с ним и целый оперативный штаб, что при создавшейся ситуации было бы довольно затруднительно²³¹.

Советское правительство обещало и дальше оказывать помощь борющейся Словакии, подчеркивая, что Словацкое восстание выполнило свою роль в политическом и военном отношениях, нарушило планы немецкого командования, приковало к себе значительные военные силы Германии. Вместе с тем в создавшейся в конце октября 1944 г. ситуации необходимо было организованно отступить в горы и перейти к партизанской форме борьбы²³².

Последнее не укладывалось в планы Э. Бенеша и его окружения, больше всего боявшихся широкого участия народных масс в борьбе против общего врага. Поэтому они пытались дезорганизовать партизанскую борьбу, дискредитировать ее, а заодно и значение помощи Советского Союза борющейся Словакии²³³. Однако такие попыт-

ки в Словакии успеха не имели. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Советский Союз, несмотря на интриги и противодействие чехословацкого буржуазного эмигрантского правительства, оказывал Словацкому национальному восстанию всестороннюю бескорыстную и действенную помощь. В результате идея ориентации на СССР твердо укрепилась в сознании широких кругов чехословацкого общества как единственно правильная линия национальной и государственной политики рождавшейся народно-демократической Чехословакии, стала основой глубоких и всесторонних взаимоотношений между Чехословакией и СССР, новой концепции национально-государственных интересов республики, отражавших новую общественно-политическую сущность возникшей народно-демократической власти.

В конце 1944 — начале 1945 г. Красная Армия освободила значительную часть Словакии, где постепенно в соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая 1944 г. передавала власть в руки национальных комитетов и Словацкого национального совета как новых представителей подлинно народной власти. При этом сотрудничество между советским командованием, советской военной администрацией и национальными комитетами было самым тесным. Советские войска, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, помогали налаживать жизнь в освобожденных районах, из собственных запасов выделяли населению пострадавших в военных действиях сел и городов продовольствие, одежду, медикаменты.

Эмигрантское правительство ЧСР также не могло не учитывать суверенность действий СНС при поддержке широких масс населения как на повстанческой территории, так и на территории Словакии, освобожденной Красной Армией. В середине ноября 1944 г. правительство разослало в свои дипломатические представительства циркулярную депешу, в которой информировало о переговорах с делегацией СНС. В депеше указывалось, что обе стороны пришли к соглашению по принципиальным вопросам. Правительство признавало СНС как руководящий орган в Словакии, хотя и оставляло за собой право подтверждения или ревизии решений, принятых Советом без согласования с правительством. Важнейшее значение имели внешнеполитические проблемы. Эмигрантское правительство заявляло о своем единстве взглядов со Словацким национальным советом по вопросу новой внешнеполитиче-

ской ориентации республики. В сообщении указывалось: «Освобожденная республика будет опираться на чехословацко-советский союзный договор, который является краеугольным камнем ее безопасности, а также на дружественные союзные отношения с западными государствами и новыми демократическими государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности с Польшей и Югославией»²³⁴.

Это свидетельствовало о том, что Словацкое национальное восстание самым серьезным образом меняло представления Э. Бенеша о внутреннем устройстве новой республики чехов и словаков, вызвало существенный поворот в представлениях буржуазного крыла чехословацкого движения Сопротивления относительно внешнеполитической ориентации Чехословакии. Так, в документе чехословацкого эмигрантского правительства впервые появляется формулировка о том, что союз с СССР является краеугольным камнем безопасности Чехословакии.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧСР

Проблемы советско-чехословацких отношений
в конце 1944—1945 гг.

В конце октября 1944 г. в ходе Восточно-Карпатской операции Красная Армия освободила территорию Закарпатской Украины, входившей с 1919 г. в состав Чехословакии и оккупированной в марте 1939 г. хортистской Венгрией. Советские войска освобождали слаборазвитые районы, где до войны царил не только социальный, но и национальный гнет чешской централистски настроенной буржуазии. Поэтому стремление чехословацкого эмигрантского правительства восстановить на освобожденной территории домюнхенские порядки неизбежно наталкивалось на сопротивление широких масс трудящихся, не желавших принимать никакой вариант гегемонии чешской буржуазии и сопутствовавшее ему социальное и национальное угнетение.

В дипломатических кругах стран антигитлеровской коалиции внимательно следили за событиями, разворачивавшимися в освобожденных районах Чехословакии. Причиной такого интереса являлось не только то, что не забыты были национальные конфликты в Чехословакии в 1938 г., но и то, что Красная Армия вступала на территорию государства, с которым у СССР имелись договорные обязательства о равноправии и невмешательстве во внутренние дела¹. Перед Советским Союзом вставала важная задача: в соответствии с советско-чехословацким договором сохранить корректные отношения с правительством Бенеша и одновременно выполнять свой интернациональный долг в отношении революционного движения, развернувшегося в Чехословакии, и в частности в Закарпатской Украине.

Чехословацкому эмигрантскому правительству казалось, что захват фашистами повстанческой территории в Словакии означает копец народной власти в республике.

Поэтому на Закарпатской Украине Бенеш и его сторонники хотели взять реванш за неудачу своих попыток отстранить от государственного управления Словацкий национальный совет и установить там режим в полном согласии со своими представлениями.

20 октября 1944 г. чехословацкое правительство приняло решение об отъезде на Закарпатскую Украину правительственной делегации во главе с министром экономики и реконструкции Ф. Немецем. Опираясь на советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г., делегация должна была восстановить в крае в кратчайшие сроки чехословацкую государственную администрацию в соответствии с конституцией 1920 г.²

Закарпатская Украина была освобождена Красной Армией во второй половине октября 1944 г. При самой активной поддержке советской администрации повсеместно возникали новые народные органы власти — народные комитеты, руководимые вышедшими из подполья коммунистами. Народные комитеты с первых дней своего возникновения приступили к осуществлению важнейших политических и экономических задач: национализации промышленных предприятий и банков, проведения аграрной реформы, восстановления народного хозяйства, оказания помощи Красной Армии³.

Чехословацкая правительственная делегация прибыла на Закарпатскую Украину 28 октября. В соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая 1944 г. командование Красной Армии передало в ее управление юго-восточную часть края, центральная и северо-западные части с городами Ужгород, Мукачево, Берегово были объявлены прифронтовой зоной, где управление велось советской военной администрацией с участием народных комитетов⁴.

Ф. Немец создал в г. Хуст канцелярию правительственного уполномоченного с президиумом и 13 отделами (финансов, внутренних дел, юстиции, информации, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, экономики и т. д.). Практически это были своего рода филиалы лондонских министерств. Несмотря на то что по договоренности между чехословацким правительством и правительством СССР главной задачей чехословацкой администрации на освобожденной территории должна была стать мобилизация всех сил для достижения победы над фашизмом, аппарат Ф. Немеца видел свою цель прежде всего в реставрации буржуазных органов власти⁵.

Следует отметить, что в административном штабе Ф. Немеца, приехавшем из Лондона, не имелось ни одного закарпатского украинца, а также ни одного человека, который владел бы языком местного населения. В этом, как в зеркале, отражался весь консервативный централизм Бенеша и его окружения, которых ничему не научил опыт 1938 г. Президент Т. Масарик в 1919 г., в момент присоединения Закарпатской Украины к Чехословацкой республике, проводил более гибкую политику, ибо в своем обозе привез из США русина, адвоката Г. Жатковича, и сделал его фиктивным генерал-губернатором «Подкарпатской Руси». Э. Бенеш полностью игнорировал путь развития политического и национального самосознания закарпатских украинцев начиная с 1919 г., деятельность коммунистов, имевших большое влияние среди закарпатских трудящихся еще с 20-х годов, а также братские чувства к освободителям⁶. С другой стороны, проблема Закарпатья стала пробным камнем деклараций СССР о невмешательстве во внутренние дела освобождаемых стран.

Составной частью чехословацкого административного аппарата была так называемая тыловая армия, которую в срочном порядке создавал генерал А. Гасал с группой офицеров, прибывших из Лондона. Себя Гасал провозгласил командующим освобожденной территории, что вызывало крайнее недоумение у советского командования. Генерал И. Е. Петров, командующий 4-м Украинским фронтом, в оперативной зоне которого находилась Закарпатская Украина, запретил Гасалу использовать коротковолновые радиопередатчики для сношений с Лондоном, сославшись на то, что они мешают оперативной связи между частями Красной Армии⁷. Распоряжение о мобилизации было выпущено А. Гасалом в виде категоричного приказа, невыполнение которого влекло за собой строгое наказание. Это привело к раздражению руководства местных народных комитетов, так как вызывало reminiscences о прежнем централистском режиме. В данной обстановке они согласны были только на принцип добровольности.

В соответствии с инструкцией министерства национальной обороны эта армия строилась по принципам чехословацкой буржуазной армии и мобилизация в ее ряды не связана была с расширением чехословацкого армейского корпуса под командованием генерала Л. Свободы, понесшего большие потери в боях на Дукле и нуждавшегося в срочном пополнении. Правительство Бенеша стремилось создать в тылу Красной Армии свою военную

опору. Шла даже подготовка к переезду на Закарпатскую Украину из Лондона министерства национальной обороны во главе с известным реакционным министром, генералом С. Ингром, который должен был стать главкомандующим создаваемой армии⁸. Таким образом, на освобожденной территории Закарпатской Украины правительство Бенеша предприняло попытку восстановления позиций чешской буржуазии. Главными инструментами ее власти были администрация правительственного уполномоченного и штаб командующего тыловой армии на освобожденной территории.

В первые же дни после освобождения Закарпатской Украины Красной Армией край охватила волна движения за воссоединение с Советской Украиной. В начале ноября 1944 г. в селах и городах прошли митинги, участники которых принимали резолюции и обращения к Советскому правительству с просьбой о воссоединении с Советской Украиной. В административном центре Закарпатской Украины Ужгороде 6 ноября состоялся митинг, посвященный 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Его участники приняли телеграмму в адрес ЦК ВКП(б), в которой указывалось, что извечной мечтой закарпатских украинцев было жить в единой семье с украинским народом. Эта телеграмма была опубликована в газете «Правда»⁹.

Появление в авторитетном советском органе телеграммы с такой формулировкой вызвало острое недовольство в чехословацких буржуазных кругах в Лондоне. Одновременно поздравительную телеграмму Сталину по случаю празднования годовщины Октябрьской революции послал из Хуста и министр Немец. В ней он подчеркивал, что «принял власть» на всей освобожденной территории, что не отвечало действительности и соглашению от 8 мая 1944 г. В связи с этим послу Чехословакии в СССР указано было в НКВД СССР на несоответствие заявления Ф. Немеца советско-чехословацкому соглашению¹⁰. Осложнения в отношениях между СССР и чехословацким эмигрантским правительством вызвала проблема набора добровольцев в Красную Армию на Закарпатской Украине. Движение за вступление закарпатской молодежи в ряды Красной Армии было спонтанным. Советское командование придало ему организованную форму и информировало об этом Ф. Немеца. Но оно не учло, что Закарпатская Украина в данный момент юридически оставалась составной частью Чехословакии, а, согласно чехословацкому законодательству,

вступление в иностранную армию граждан ЧСР могло быть разрешено только президентом республики. Именно на это указал в своем протесте командование 4-го Украинского фронта Ф. Немец. Влиятельнейшим лицом штаба фронта в то время был Л. З. Мехлис, не отличавшийся дипломатическим тактом. Протест Ф. Немеца он игнорировал, и набор добровольцев продолжался. Ф. Немец решил обратиться в Лондон к президенту ¹¹.

Э. Бенеш посетил 13 ноября 1944 г. советского посла при союзных правительствах В. З. Лебедева и выразил «острое недовольство» «недопустимыми действиями» советских военных органов в связи с набором добровольцев. Эти действия чехословацкий президент интерпретировал как нарушение советско-чехословацкого договора 1943 г. и соглашения от 8 мая 1944 г. ¹² Президент потребовал, чтобы В. З. Лебедев поддержал демарш, предпринимаемый чехословацким правительством в Москве ¹³. В своем ответе Советское правительство подчеркивало, что оно строго придерживается договорных обязательств, а события в Закарпатской Украине, вызвавшие критические замечания чехословацкой стороны, представляют собой спонтанное, парадное движение ¹⁴.

Посол ЧСР в Москве З. Фирлингер встретился с представителем НКВД СССР В. А. Зориным и обратил его внимание на «некоторые события, происходящие в Закарпатской Украине, такие, как набор добровольцев в Красную Армию и резолюции различных митингов о присоединении к СССР, которые вызывают беспокойство» у представителей чехословацкой администрации ¹⁵. В. А. Зорин заявил, что не стоит драматизировать эти события. По его мнению, речь шла о действиях военной администрации на местах, которая помогала добровольцам, желавшим вступить в ряды Красной Армии. Резолюции же о присоединении Закарпатской Украины к СССР он назвал спонтанными ¹⁶.

Посол З. Фирлингер писал в своем донесении, что в советской прессе публикуются материалы о волнующих встречах советских бойцов в период освобождения Закарпатской Украины и спонтанном движении за присоединение к СССР, по это вовсе не значит, что такое движение инспирировано советскими органами. В то же время советские руководители, по словам посла, не собираются тормозить или даже подавлять такое движение ¹⁷. З. Фирлингер обратился также за разъяснением к К. Готвальду. Последний заявил, что подозревать в связи с указанными

событиями Советское правительство в изменении его отношения к Чехословакии было бы неуместно. К. Готвальд подчеркнул, что он убежден в спонтанности движения в Закарпатской Украине за присоединение к СССР и что это можно было ожидать. Он обратил внимание посла на то, что на Закарпатской Украине накопились острые социальные проблемы, поэтому чехословацкая администрация должна проводить политику в интересах народных масс, в противном случае закарпатские украинцы не почувствуют разницы между хортистским режимом и чехословацкими порядками и это только укрепит их стремление присоединиться к СССР¹⁸.

Чехословацкая администрация на Закарпатской Украине вступила в острый конфликт с командованием 4-го Украинского фронта по вопросу о наборе добровольцев в Красную Армию. Ссылаясь на ее сообщения по этому вопросу, Э. Бенеш в Лондоне заявил протест советскому послу при союзных правительствах Лебедеву. Президент подчеркивал, что если набор добровольцев будет продолжаться, то «это будет использовано на Западе противниками СССР, в частности поляками (польской правой эмиграцией. — *И. П.*) и даже некоторыми чехословацкими представителями»¹⁹. Иную позицию заняла КПЧ. К. Готвальд указывал, что если чехословацкое правительство не осознает, что на Закарпатской Украине происходят революционные события с участием широких народных масс, то оно в конце концов будет поставлено перед фактом решения местных народных комитетов о присоединении Закарпатской Украины к СССР²⁰.

Требование о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной впервые было официально записано в решении первой конференции коммунистических организаций, состоявшейся 19 ноября 1944 г. в Мукачево. Вскоре, 26 ноября, там же при содействии советской военной администрации собрался съезд народных комитетов, принявший манифест о воссоединении с Украинской ССР²¹.

Ф. Немец отказался признать правомерным решение съезда народных комитетов и заявил, что деятельность руководимой им чехословацкой администрации полностью соответствует советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г. Он отвергал всякие обвинения в свой адрес и своих сотрудников. При этом, видя активную и широкую поддержку мероприятий народных комитетов, Немец пытался пойти и на определенные уступки. Так, например,

он заявил о своем желании сотрудничать с Народным советом Закарпатской Украины. Вопрос о правомерности манифеста съезда народных комитетов, по мнению Ф. Немца, мог быть решен только чехословацким правительством совместно с правительством СССР²².

3 декабря 1944 г. Народный совет Закарпатской Украины издал декрет о прекращении связей с уполномоченным чехословацкого правительства. Чехословацкой администрации предписано было прекратить свою деятельность и в кратчайший срок покинуть Закарпатскую Украину. Одновременно Народный совет информировал президента Э. Бенеша о принятом на съезде народных комитетов манифесте и выразил уверенность, что он не станет препятствовать его осуществлению. Совет выразил также надежду, что президент отдаст распоряжение чехословацкому уполномоченному Ф. Немцу, чтобы он уехал из Закарпатской Украины²³.

В тот же период Народный совет Закарпатской Украины предпринял ряд конкретных мер, в частности издал декрет, которым предписывалось всем местным народным комитетам прекратить всякие связи с чехословацкой администрацией и «командованием освобожденной территории» генерала А. Гасала²⁴.

Отношения между чехословацкой администрацией и народными комитетами Закарпатской Украины резко ухудшились, почти ежедневно возникали конфликты. Ф. Немец в своих секретных сообщениях в Лондон виновниками конфликтов считал офицеров НКВД. Представители закарпатских народных комитетов и Народный совет подрывными элементами считали лондонских чехословацких офицеров, не скрывавших своих антикоммунистических настроений и барствленного пренебрежения к местным органам власти²⁵.

В середине декабря 1944 г. народными комитетами Закарпатской Украины были созданы вооруженные «народные дружины»²⁶. Логическим завершением этого противодействия местных революционных органов власти чехословацкой администрации стал запрет на проведение дальнейшей чехословацкой мобилизации, объявленный Народным советом 24 декабря 1944 г. Одновременно народные комитеты получили указание организовать набор добровольцев в Красную Армию²⁷. Командование 4-го Украинского фронта дало указание генералу А. Гасалу распустить созданные им на Закарпатской Украине части так называемой тыловой армии, а солдат и офицеров этих частей

направить в 1-й Чехословацкий армейский корпус, расположенный в Восточной Словакии ²⁸.

Оказавшись в полной изоляции, Ф. Немец 8 декабря 1944 г. уехал в Москву, а генерал Гасал в начале января 1945 г. переехал со своим штабом на освобожденную территорию Восточной Словакии.

15 декабря 1944 г. З. Фирлингер посетил Б. А. Зорина в НКВД СССР и информировал его о создавшейся ситуации. Последний заявил, что точка зрения Советского правительства по вопросу о Закарпатской Украине ему еще неизвестна, но подчеркнул, что СССР не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии, их чехословацкое правительство должно решить само. В связи с этим посол З. Фирлингер настоятельно советовал президенту дать ответ на письмо закарпатского Народного совета в духе достижения дружественного соглашения ².

Э. Бенеш допускал переговоры по этому вопросу только с правительством СССР. При этом он заметил, что настаивает и будет настаивать на соблюдении договоренности и принципов законности. Этого он требовал от посла в Москве З. Фирлингера и министра Ф. Немеца ³⁰. На замечание последнего о том, что движение на Закарпатской Украине является спонтанным и «следует с уважением относиться к воле народа Закарпатской Украины», Э. Бенеш резко ответил: «Выбросьте это из головы»³¹.

Заявления советских представителей о том, что события в Закарпатской Украине представляют собой спонтанное движение и советскими органами искусственно не поддерживаются, правительство интерпретировало как проявление колебаний, отсутствия в Москве четких представлений относительно будущего этого края. Министр иностранных дел Чехословакии в депеше послу в Москве пазвал движение закарпатских украинцев за присоединение к Советской Украине делом рук коллаборантов, стремящихся уйти от ответственности ³². Конечно, далеко не все население Закарпатья решительно выступило за присоединение края к УССР. По этому вопросу оно разделилось на три неравные группы: последовательных сторонников, пассивных противников и индифферентных.

Проблему Закарпатской Украины Бенеш стремился представить как вопрос советско-чехословацких отношений, договорных обязательств Советского правительства в отношении Чехословакии. В пылу полемики чехословацкий президент заявил, что за всякое революционное движение в Чехословакии, развивающееся вследствие ос-

вобождения ее территории Советской Армией, несет ответственность СССР, а чехословацкое эмигрантское правительство будет интерпретировать его как нарушение договоров³³. Однако это была односторонняя интерпретация договорных отношений между СССР и ЧСР. Согласно букве договора 1943 г., Советский Союз обязался защищать Чехословакию от внешней агрессии, по вовсе не собирався быть союзником чехословацкой буржуазии во внутриполитических вопросах и препятствовать революционному процессу в Чехословакии. Словацкое национальное восстание и особенно развитие событий в Закарпатье показали, что с началом национальной и демократической революции эпоха кабинетной дипломатии Э. Бенеша кончилась.

Советскому правительству Бенеш предложил компромиссное решение: прекращение набора добровольцев в ряды Красной Армии в Закарпатье и проведение только чехословацкой мобилизации, передача власти уполномоченному министру чехословацкого правительства, прекращение контактов, т. е. политическая изоляция Народного совета, решение судьбы Закарпатской Украины после войны путем переговоров только между правительствами Чехословакии и СССР³⁴.

Наиболее информированный о ситуации на Закарпатской Украине министр Ф. Немец в своей депеше вновь рекомендовал Бенешу признать право на самоопределение закарпатских украинцев, незамедлительно ликвидировать конфликтную ситуацию, возникшую между реакционными офицерами, прибывшими из Лондона и создавшими на освобожденной территории «тыловую армию», и советским командованием, устранить с командных постов реакционных офицеров, в том числе и военного министра³⁵. Несмотря на это, Э. Бенеш продолжал оставаться на нереалистических позициях. Более того, в инструкции послу в Москве он выдвинул план обсуждения закарпатско-украинского вопроса на послевоенной мирной конференции, что, естественно, Сталин не допустил бы³⁶.

За развитием событий в Закарпатской Украине внимательно следили на Западе. Усилиями буржуазной прессы, не без содействия по части информации некоторых членов чехословацкого кабинета в Лондоне, развернулась очередная антисоветская кампания, участники которой стремились представить закарпатские события как доказательство невозможности равноправного союза между СССР и малыми государствами Центральной Европы³⁷.

Эту версию поддерживал и сам Бенеш. В беседах с западными дипломатами, ссылаясь на события в Закарпатской Украине, он всячески подчеркивал, насколько невыгодно для Запада оставлять Чехословакию один на один с Советским Союзом. Президент вновь и вновь настаивал на необходимости сохранения «равновесия между Востоком и Западом».

Публично продемонстрировал эту тенденцию во внешнеполитической ориентации чехословацкого правительства министр иностранных дел Я. Масарик в статьях, опубликованных в английских и американских журналах в конце 1944 г. Так, в британском журнале «Иллюстрейтед» было опубликовано интервью Я. Масарика, из которого следовало, что «Россию нельзя пускать в Европу»³⁸. В ответ на критическое замечание советских дипломатов министр заявил, что это обычная журналистская выдумка. О том, что это не так, свидетельствовала напечатанная в декабрьском номере американского журнала «Нэйши» статья Я. Масарика «Путь Европы к миру». В ней он изложил внешнеполитическую концепцию чехословацкого эмигрантского правительства. Министр иностранных дел ЧСР стремился убедить американского читателя в том, что Чехословакия отнюдь не настроена прорусски. Ее связи с Западом всегда были тесными, и она желает их сохранить таковыми, при этом она в одинаковой степени хочет опираться на Англию, СССР и США. Лучшая для Чехословакии система безопасности, по мнению Масарика, — это опора на Западе на Англию, а на Востоке — на Советский Союз. Но при том, как подчеркивал министр, Чехословакия должна полагаться и на собственные силы³⁹. Я. Масарик расписывал неоценимые преимущества казалось уже давно мертвой идеи европейской и конкретно чехословацко-польской конфедерации. Он заверял читателей, что конфедерация не имела антисоветской направленности, она только делала ее членов способными защитить себя от возрождения германского милитаризма⁴⁰.

На заключительный пассаж статьи Масарика обратил внимание советских читателей журнал «Война и рабочий класс», иронизировавший по поводу «мощи» конфедерации в борьбе против германского милитаризма⁴¹. Все это говорило о том, что в союзных отношениях между СССР и Чехословакией возникли определенные трения⁴². В целях их устранения в Москве в конце 1944 — начале 1945 г. проводились интенсивные переговоры, в которых наряду с

чехословацкими дипломатами впервые принял участие К. Готвальд.

26 декабря 1944 г. состоялась встреча З. Фирлингера, Ф. Немеца и представителей Словацкого национального совета с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским. Последний заявил, что Советское правительство убедилось в том, что народное движение на Закарпатской Украине не является случайным явлением, что оно имеет свои национальные и исторические корни. В связи с этим Советское правительство не может и не хочет его игнорировать. Но при этом оно строго придерживается советско-чехословацкого договора и не собирается предпринимать ничего, что можно было бы считать его нарушением.

Чехословацкие представители отказались от своих прежних возражений против набора добровольцев в ряды Красной Армии из числа жителей украинской и русской национальностей. Согласованы были также вопросы передачи советскими военными органами управления представителям СНС на освобожденной территории Словакии.

Резюмируя результаты беседы с Вышинским, Фирлингер писал в Лондон, что СССР считает проблему Закарпатской Украины решенной самим фактическим развитием событий в этом крае. Идя навстречу пожеланиям Бенеша Советское правительство согласно урегулировать эту проблему между СССР и ЧСР на договорной основе позже ⁴³. Наиболее важным в этой беседе чехословацкий посол считал предложение советской стороны о переезде президента и правительства на освобожденную территорию. Он подчеркнул, что такое предложение свидетельствует о стремлении Советского Союза к тесному экономическому и политическому сотрудничеству с Чехословакией ⁴⁴. В донесении Ф. Немеца прозвучало предупреждение правительству Э. Бенеша, что проволочки в закарпатско-украинском вопросе могут иметь далеко идущие последствия для эмигрантского правительства, ибо в решении данной проблемы встали вопросы более широкого плана ⁴⁵. В дополнительном сообщении Ф. Немец прямо указывал, что, если правительство будет и дальше вести политику игнорирования закарпатско-украинского движения, ему грозит изоляция не только в Закарпатской Украине, но и в Словакии, и оно может в конце концов оказаться в положении польского эмигрантского правительства ⁴⁶.

27 декабря 1944 г. чехословацкую делегацию принял В. М. Молотов. Он также высказался за то, чтобы окончательное решение проблемы Закарпатской Украины от-

ложить на более позднее время, как об этом просил президент Э. Бенеш⁴⁷.

Большую путаницу в проблему Закарпатской Украины внес сам Бенеш. Выше уже указывалось, что, возвращаясь к ситуации 1938 г., президент Чехословакии неоднократно говорил о необходимости общей границы между СССР и ЧСР, поскольку отсутствие ее в кризисные дни республики сыграло немаловажную роль в ее изоляции. Э. Бенеш вспоминал также свои беседы с покойным президентом Т. Масариком, который был убежден, что Закарпатская Украина станет когда-нибудь составной частью Советской Украины⁴⁸. В разговорах с советским послом в Великобритании И. М. Майским Э. Бенеш неоднократно высказывался за включение Закарпатской Украины в состав Советского Союза и установление общей границы между двумя государствами и даже выдвигал предложение о достижении соглашения по этому вопросу еще в ходе войны. На это же намекал президент и во время переговоров с советскими руководителями в декабре 1943 г. Весной 1944 г. в беседе со своим биографом К. Макензи Бенеш заявил: «Если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать. Будем настаивать только на том, чтобы это делалось с нашего согласия... На протяжении двадцати лет мы считали решение вопроса о Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине.— *И. П.*) временным, конечное же его решение не может быть иным, как только слияние с Советским Союзом»⁴⁹. И несмотря на это, Э. Бенеш и его ближайшее окружение в конце 1944 г. закарпатской проблемой вызвали острый конфликт в советско-чехословацких отношениях.

Однозначную позицию в закарпатско-украинском вопросе заняло Заграничное руководство КПЧ. В директиве, посланной 21 декабря 1944 г. штабс-капитану Я. Прохазке, который руководил просветительской работой в 1-м Чехословацком армейском корпусе, указывалось, что чехословацкая сторона не должна препятствовать проявлению волеизъявления закарпатских украинцев, скорее по собственной инициативе и без всякого отлагательства должна была бы передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу. КПЧ выступила против всякого вмешательства чехословацкой администрации в дела Народного совета Закарпатской Украины, осудила «провокационную» деятельность чехословацких военных органов на территории края⁵⁰.

«Твердость» Э. Бенеша стала резко иссякать к концу 1944 г. Это вызвано было несколькими причинами. Развитие национально-демократической революции в Словакии и на Закарпатской Украине в августе—ноябре 1944 г. показало, что калькуляции с реставрацией домюнхенских порядков переальпы. Их беспочвенность в соединении с антисоветским курсом могла привести только к ситуации, в которой оказались эмигрантские правительства Югославии и Польши. К тому же катастрофическое отступление западных союзников в Арденнах свидетельствовало о тщетности надежд на освобождение республики англо-американскими войсками. И президент Э. Бенеш в который уже раз делает резкий поворот. Как опытный буржуазный политический деятель он понял важность положения и согласился с необходимостью незамедлительного решения закарпатско-украинского вопроса в духе взаимопонимания с СССР, а также необходимость переезда на освобожденную территорию, предложенного ему Советским правительством. «Определенные недоразумения» с советским правительством он списал за счет недостаточно «тесных контактов»⁵¹.

В депеше З. Фирлингеру от 30 декабря 1944 г. Бенеш вынужден был констатировать, что «самые важные наши дела решаются теперь в Москве, а не в Лондоне»⁵². К тому же, несмотря на то что консервативная британская пресса раздувала антисоветскую кампанию в связи с событиями на Закарпатской Украине, британские официальные круги заняли в этом вопросе трезвую позицию. В Форин-оффисе считали: поскольку реставрация Малой Антанты в будущем не предполагается, то территория Закарпатской Украины потеряла для Чехословакии свое стратегическое значение и Бенеш должен реалистически оценивать создающуюся там ситуацию⁵³.

Несмотря на это из кругов чехословацкого эмигрантского правительства продолжали раздаваться экстремистские возгласы. В циркулярной депеше министра Г. Рипки, разосланной в декабре 1944 г. чехословацким дипломатическим представителям, революционное движение на Закарпатье характеризовалось как «националистическое, коммунистическое, алибиистское». Заявления советских представителей о том, что движение в Закарпатской Украине спонтанное, Рипка интерпретировал следующим образом: СССР это движение тяготит, вызывает нежелательные для него политические издержки, поэтому нужно твердо

отстаивать принцип о невозможности каких-либо изменений домюнхенских границ Чехословакии до мирной конференции ⁵⁴.

Министр иностранных дел Я. Масарик в беседе с британским послом Никольсом в январе 1945 г. заявил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится на передачу СССР Закарпатской Украины ⁵⁵. Я. Масарик реалистически оценивал роль Советского Союза в антигитлеровской коалиции и в мире в целом, его, как и Э. Бенеша, по всей вероятности, интересовала не столько судьба самой Закарпатской Украины, сколько принцип неприкосновенности домюнхенских границ Чехословакии, опасение возникновения прецедента, который мог бы, по представлению министра, сыграть неблагоприятную роль при установлении границ Чехословакии с Германией, Венгрией и Польшей ⁵⁶.

Положительную роль в решении конфликтной ситуации в советско-чехословацких отношениях по проблеме Закарпатской Украины сыграл посол Чехословакии в СССР Э. Фирлишгер, давно уже сотрудничавший с Заграничным руководством КПЧ в Москве. Он привлек на свою сторону наиболее информированного в этом вопросе министра экономики и реконструкции Ф. Немеца, чем вызвал резкое недовольство Э. Бенеша ⁵⁷.

Активное участие в решении проблемы Закарпатской Украины принимало и Заграничное руководство КПЧ. Оно отстаивало революционный характер движения закарпатских украинцев, остро критиковало действия реакционных чехословацких офицеров и чиновников административного управления, назначенных из Лондона ⁵⁸. В январе 1945 г. по этому вопросу состоялась беседа К. Готвальда и И. В. Сталина ⁵⁹. По просьбе Готвальда Сталин 23 января 1945 г. направил президенту Чехословакии Э. Бенешу письмо. В нем решительно отвергалось как недоразумение создавшееся у чехословацкого правительства представление, будто Советское правительство хочет односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между двумя странами. «Должен Вам сказать,— подчеркивал И. В. Сталин,— что если у Вас создалось такое предположение, то это основано на недоразумении. Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили (в декабре

1943 г.— И. П.) о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы, должно быть, помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства». Сталин предложил решить этот вопрос по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом тогда, когда это найдут целесообразным оба правительства⁶⁰.

В ответном письме Э. Бенеш вновь повторял свой известный тезис о том, что события на Закарпатской Украине имели чисто местный характер. При этом президент заверил И. В. Сталина, что ни он, ни чехословацкое правительство не допускали мысли о том, будто Советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Э. Бенеш высказал предложение, чтобы «переговоры по вопросу о Закарпатской Украине были проведены по окончании войны с Германией, т. е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и с Польшей». Президент подчеркивал дальше, что считает необходимым решить эту проблему на мирной конференции, при этом он осторожно добавлял, что «мы хотим прийти на éventуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы»⁶¹.

Обменом писем между И. В. Сталиным и Э. Бенешем фактически проблема Закарпатской Украины была решена. Юридическое же ее оформление было отложено до окончания войны.

* * *

Успешное наступление Красной Армии на всех участках советско-германского фронта в конце 1944 — начале 1945 г., вступление ее на территорию гитлеровской Германии, в то время как западные союзники потерпели крупную неудачу в Арденнах, а потом топтались у «линии Зигфрида», обусловили радикальный поворот в системе международных отношений.

Ведущая роль Советского Союза в антигитлеровской коалиции была бесспорной.

Прямым следствием этого явилось признание западными державами того факта, что будущее мирное урегулирование в Европе немыслимо без Советского Союза, без учета его интересов и пожеланий. Потерпело полную неудачу стремление западных держав игнорировать политические последствия движений Сопротивления, перераставших в Центральной и Юго-Восточной Европе в народно-демократические революции. В тот период большое значение имело отстаивание советской дипломатией международных позиций новой народно-демократической государственности и защиты революционных завоеваний народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Правящие круги Великобритании и США с тревогой следили за социально-политическими переменами, происходившими в странах данного региона Европы. Их беспокоил возможный выход этих государств из-под влияния Запада и возрастание международного авторитета и мощи Советского Союза. Это вело к конфронтации и напряжению в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, что наиболее остро проявлялось в переговорах по урегулированию югославского и польского вопросов⁶².

Во время дипломатических переговоров между ведущими державами антигитлеровской коалиции СССР неизменно отстаивал интересы государств Центральной и Юго-Восточной Европы (например, по вопросу о заключении перемирий с бывшими сателлитами гитлеровской Германии). Развитие событий ставило в порядок дня новые задачи в отношениях между Советским Союзом и государствами указанного региона, задачи налаживания и конкретного сотрудничества с ними в военной, политической и экономической сферах в целях достижения координированной политики всех государств Центральной и Юго-Восточной Европы по проблемам послевоенного устройства на Европейском континенте.

Важной проблемой координации действий на дипломатической арене Советского Союза и стран Центральной Европы на рубеже 1944—1945 гг. было признание Временного правительства Польской республики, образованного в Люблине 31 декабря 1944 г. 4 января оно было признано Советским Союзом, и обе стороны обменялись официальными представителями на уровне послов⁶³.

Перед чехословацким правительством встала необходимость прервать дипломатические связи с польским эмигрантским правительством в Лондоне и незамедлительно признать временное правительство Польши. Такой акт

полностью отвечал национально-государственным интересам Чехословакии, ибо решение польского вопроса было важно для создания системы безопасности в Центральной и Восточной Европе.

В связи с этим в январе 1945 г. особенно частыми стали контакты чехословацких и советских дипломатов в Москве и в Лондоне. 7 января В. А. Зорин принял в НКВД чехословацкого посла З. Фирлингера. Послу был задан вопрос, когда правительство ЧСР выполнит обещание Бенеша об автоматическом признании временного правительства Польши. У З. Фирлингера сложилось впечатление, что советские представители усматривают в действиях чехословацкого правительства попытку оттянуть решение этого важного вопроса⁶⁴. Чехословацкий посол, хорошо ориентированный в ситуации в Москве, был обеспокоен, поскольку помнил высказывания В. А. Зорина, который еще в декабре 1944 г. заявил, что вопрос признания временного правительства Польши для Советского правительства есть тот критерий, по которому оно судит о желании чехословацкого правительства сотрудничать с СССР⁶⁵.

Неожиданно З. Фирлингер получил из Лондона инструкции от Г. Рипки, которые ограничивали его инициативу. А причиной тому было обращение Форин оффис к чехословацкому правительству с требованием не предпринимать ничего в вопросе признания польского правительства в Люблине без консультаций с кабинетом У. Черчилля⁶⁶. Следуя этому предупреждению, Э. Бенеш в вопросе признания польского правительства применил свою излюбленную тактику маневрирования и выжидания. Он потребовал, чтобы временное польское правительство отмежевалось от политики довоенной Польши, отказалось от претензий на Тешин и признало домюнхенские границы Чехословакии⁶⁷.

Такая категоричность вызвала удивление как у представителей Польши, так и в руководящих кругах СССР. Ведь в свое время устанавливая дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, Э. Бенеш не требовал от него таких заявлений. В. А. Зорин в беседе с чехословацким послом в Москве подчеркнул, что требовать от правительства народной Польши такого заявления нецелесообразно, так как оно с самого начала отмежевалось от политики, проводившейся буржуазными польскими правительствами. Представитель НКВД СССР квалифицировал такие требования Э. Бенеша как поли-

тику проволочек⁶⁸. Неуступчивость чехословацкого правительства, предупреждал З. Фирлигер в своем донесении в МИД ЧСР, может иметь неблагоприятные последствия для взаимных отношений между СССР и ЧСР. «Всякое колебание с нашей стороны, — подчеркивал он, — дает основания СССР подозревать нас в том, что мы действуем неискренне и в чехословацко-советских отношениях. А это может отразиться на отношении СССР к нам по другим вопросам. Считаю, что плата может быть очень высокой, так как по всем жизненно важным для нас вопросам на Западе действительной помощи никогда не пайдем»⁶⁹. Э. Бенеш, отступая, поставил условие: мы признаем польское правительство в Люблине после получения обращения СССР к Чехословакии⁷⁰. 4 января 1945 г. Советское правительство обратилось к правительствам Чехословакии и Югославии с предложением признать Временное правительство Польской республики⁷¹.

Однако Э. Бенеш и дальше продолжал свою тактику проволочек с оглядкой на Запад. Его усилия были направлены на то, чтобы оттянуть признание временного правительства Польши до принятия по этому вопросу решения трех великих держав. Президент повторил те маневры, которые он предпринял в 1943 г. накануне подписания советско-чехословацкого договора. Однако в начале 1945 г. положение было совершенно иным. СССР стремился к тому, чтобы Э. Бенеш и чехословацкое правительство отказались от прежнего принципа, заключавшегося в том, что чехословацкая внешнеполитическая линия в отношении СССР осуществляется только при условии ее согласования с Западом. Этот принцип был неизбежным в 1935 г., учитывался в 1943 г., но в радикально изменившейся ситуации в начале 1945 г., когда Советский Союз стал решающей силой антигитлеровской коалиции, а Красная Армия успешно осуществляла освободительную миссию в Центральной и Юго-Восточной Европе, он был анахронизмом, свидетельствовал о несовместимости старой внешнеполитической концепции Э. Бенеша с новыми условиями. Поэтому вопрос признания Временного правительства Польской республики в понимании Советского правительства, как писал З. Фирлигер в депеше в Лондон, был «пробным камнем всей нашей политики. Если мы признаем польское правительство, то Москва поможет нам решить и вопрос границ. У меня сложилось такое впечатление. Поэтому я полагаю, что мы должны принять решение как можно скорее... Наше признание

в настоящей ситуации является первоочередной необходимостью. Откладывая его, мы тем самым затрудняем свое положение»⁷².

По вопросу о признании правительства Польши, как и в переговорах по закарпатско-украинской проблеме, Э. Бенеш предостерегающе ссылался на «общественное мнение» на Западе. 10 января 1945 г. он писал послу З. Фирлингеру: «В Москве, по всей видимости, не понимают, что польский вопрос волнует все английское общественное мнение. Здесь это воспринимается как проблема особой важности. Англичане обратились к нам с просьбой ничего не предпринимать без согласования с ними. Свою точку зрения мы менять не будем, но и ставить кого-либо перед свершившимся фактом не хотим, к тому же в Англии и в тот момент, когда мы хотим отсюда уехать. Поэтому строго придерживайтесь данных вам инструкций, не спешите, а если будете предпринимать какие-либо шаги по своей инициативе, то прежде всего посоветуйтесь с Лондоном... К этой проблеме на Западе относятся очень серьезно, и если мы не хотим вступить в противоречия с правительствами и общественным мнением западных стран, мы должны действовать таким образом, чтобы и здесь найти понимание позиции, которую мы занимаем в это вопросе»⁷³. Как видно, Бенеш все еще считал СССР и его западных союзников равновеликими величинами в решении судеб стран Центральной Европы, хотя это уже было не так.

В связи с этим росло напряжение между окружением Э. Бенеша в Лондоне и чехословацким посольством в Москве. Посол З. Фирлингер, как видно из его донесений, не ограничивался только констатацией заявлений советских представителей, он высказывал и свое мнение по важнейшим вопросам советско-чехословацких отношений, зачастую расходившееся с мнением буржуазной чехословацкой эмиграции в Лондоне⁷⁴. Фирлингер поддерживал тесные контакты с Заграничным руководством КПЧ и разделял его взгляды на проблемы изменения внешнеполитической ориентации Чехословакии. 13 января, в своем донесении он категорично писал Э. Бенешу в Лондон: «Относиться к новому польскому демократическому режиму отрицательно — значит затруднять военные усилия Советского Союза и помогать врагу. Здесь считают, что именно мы имели больше всего оснований проявить в этом направлении определенную инициативу, за которую нас никто не смог бы упрекать»⁷⁵. З. Фирлингер приводил

доводы непосредственной заинтересованности Чехословакии в единстве ее действий с СССР. «По вопросу о Тешине Советский Союз полностью на нашей стороне. И если мы будем действовать в решении польского вопроса так, как нам советует правительство СССР, то оно непременно поддержит нашу точку зрения. Без поддержки Москвы наше положение будет очень трудным, притом не только во внешнеполитической сфере, но и в области внутренней политики. Западные государства придут в конце концов к соглашению в такой форме, которая будет отвечать их интересам»⁷⁶. Выработка условий перемирия с Венгрией, в ходе которой члены союзной комиссии посол США в Москве А. Гарриман и посол Великобритании в Москве А. Керр отвергли все чехословацкие предложения относительно границ (эти предложения были поддержаны только советским представителем В. М. Молотовым), доказала правоту З. Фирлингера⁷⁷.

Резкой критике позиция чехословацкого правительства в вопросе признания Временного правительства Польской республики была подвергнута руководством КПЧ, подчеркнувшим, что она противоречит национальным интересам Чехословакии⁷⁸. Таким образом, закарпатско-украинский и польский вопросы стали теми внешнеполитическими проблемами ЧСР, в решении которых впервые активное участие приняла и КПЧ.

Напряжение в советско-чехословацких отношениях с приближением открытия конференции великих держав в Ялте возрастало. Советские дипломаты откровенно заявляли чехословацким представителям, что после встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля, на которой будет решена польская проблема, признание Чехословакией Временного правительства Польской республики будет уже иметь незначительную политическую ценность⁷⁹.

Президент Э. Бенеш продолжал проводить политику лавирования. В Лондоне он заявлял британским представителям, что не может идти на ухудшение отношений с СССР, а в Москву сообщал, что не может выступать против пожеланий Запада. Последнее уже не отвечало действительности, так как в правящих кругах Великобритании и США понимали неизбежность признания, хоть и в компромиссной форме, польского правительства в Люблине⁸⁰. Вновь и вновь правительство предостерегал З. Фирлингер. 23 января он писал в Лондон: «Боюсь, что мы со своими уступками все время опаздываем и в конце концов окажемся в тушике»⁸¹.

Последним шагом в маневрировании чехословацкого эмигрантского правительства была попытка вести переговоры о признании Временного правительства Польской республики не с Люблином, а с правительством СССР. От него Бенеш требовал заявления, что признание польского правительства делается по желанию правительства Советского Союза. Таким образом Э. Бенеш хотел бы выглядеть в глазах Запада как «жертва советского давления». В. М. Молотов понял этот маневр чехословацкого президента и отказался способствовать его осуществлению. Более того, он подчеркнул, что Советское правительство вовсе не настаивает на признании правительством ЧСР Временного польского правительства, ибо «оно уже сейчас держит под своим контролем» всю освобожденную территорию⁸².

Заявление В. М. Молотова в чехословацких правительственных кругах в Лондоне было понято так, что вопрос о признании правительства Польской республики великими державами уже решен и факт его будет подтвержден на конференции лидеров трех великих держав. 26 января 1945 г. Г. Рипка заявил на заседании правительства: «Нам известно, что варшавское правительство будет признано на конференции трех»⁸³. В этот же день МИД Чехословакии получил депешу посла в СССР Э. Фирлингера: «Советую действовать быстро и решительно, причем до начала конференции трех, которая начнет свою работу в ближайшие дни. Любое промедление будет иметь нежелательные последствия»⁸⁴.

На запрос министра иностранных дел Я. Масарика, что должно предпринять в данной ситуации чехословацкое правительство, представитель Форин оффис ответил: «Признать люблинское правительство! Если это не будет сделано, то есть опасения, что по возвращении правительства (чехословацкого.— *И. П.*) домой оно может там уже встретить свой „люблинский комитет“»⁸⁵. На заседании правительства Я. Масарик заявил, что в интересах чехословацкого эмигрантского правительства немедленно признать Временное правительство Польской республики⁸⁶. 29 января 1945 г. министр иностранных дел Чехословакии послал Э. Фирлингеру инструкцию, согласно которой посол должен был заявить представителю Временного правительства Польской республики, что правительство Чехословакии признает его⁸⁷.

Таким образом, правительство Бенеша после долгих проволочек сделало тот шаг, который отвечал создавшей-

ся ситуации развертывания национально-демократической революции в условиях продолжавшегося освобождения страны Красной Армией. В то же время все чаще возникали трения в отношениях между чехословацким эмигрантским правительством и правительством СССР.

**Образование
правительства Национального фронта
чехов и словаков
и изменение внешнеполитических приоритетов ЧСР**

Развитие национально-демократической революции в Чехословакии требовало создания нового правительства. Состав эмигрантского правительства не отвечал расстановке сил в движении Сопротивления в Чехословакии на заключительном этапе второй мировой войны и в период развивающейся национально-демократической революции на освобожденной территории. КПЧ заявила, что на освобожденную территорию Чехословакии должно переехать правительство в измененном составе, а именно правительство Национального фронта чехов и словаков с участием коммунистов⁸⁸.

Освобождение Чехословакии Красной Армией создавало для рабочего класса и трудящихся выгодную ситуацию, ибо возникла возможность строить республику на новых социальных основах при активной роли в революционном процессе коммунистической партии. Глава буржуазного крыла движения Сопротивления Э. Бенеш как опытный политический деятель понял, что его попытка «удержать в руках управление развитием событий» в освобожденной республике провалилась и необходимо договориться с КПЧ и Словацким национальным советом, в котором также доминировали коммунисты, иначе он не сможет вернуться в Чехословакию⁸⁹.

Перед Э. Бенешем встала дилемма — возвращаться в Чехословакию через территорию, освобожденную Красной Армией, в надежде оказать хоть какое-то влияние на развитие событий на освобожденной территории или же уповать на весьма неопределенную перспективу освобождения Праги англо-американскими войсками. Последнее означало вернуться в Прагу из Лондона с риском, что жизнь на свободной территории уже будет организована без его прямого влияния и он окажется в ситуации польского эмигрантского правительства. Опасаясь этого, Э. Бенеш принял советское предложение о переезде

чехословацкого правительства на освобожденную территорию через Москву⁹⁰. К тому же ни Великобритания, ни США не проявляли понимания проблем послевоенных границ Чехословакии, выселения немецкого населения из пограничных районов и т.д.⁹¹ Поэтому, объясняя своим сторонникам причины отъезда из Лондона, президент подчеркивал, что Чехословакия нуждается во внешнеполитической поддержке Советского Союза, а на освобожденной территории республики нельзя уже править против воли КПЧ, следует считаться с ее политическим влиянием⁹².

22 февраля 1945 г. в Лондоне начались совещания о создании нового правительства Национального фронта, в котором должны были преобладать члены национально-социалистической, социал-демократической и коммунистической партий, дополненные представителями католической партии и крестьянских политических течений (по не реакционной аграрной партии, которая объявлялась президентом распущенной). В ходе переговоров с представителями политических партий лондонского и московского центров чехословацкой эмиграции было выработано соглашение о том, что в освобожденную республику вернется новое правительство, состав и программа которого будут выработаны в Москве. По предложению К. Готвальда правительство формально оставалось в Великобритании, но должно было подать в отставку, как только на совещании в Москве будет определен состав нового правительства. 9 марта 1945 г. из Лондона в СССР вылетели президент Чехословакии и руководители политических партий. В конце марта делегация окольным путем, через Северную Африку и Ближний Восток, прибыла в Москву.

Это событие означало радикальное изменение в рядах чехословацкого движения Сопротивления. Период лондонского государственного представительства в эмиграции закончился, а вместе с ним и господство буржуазии в эмигрантских органах. Соглашение об объединении двух центров чехословацкого движения Сопротивления произошло вовсе не так, как предполагал Э. Бенеш в декабре 1943 г., т. е. не путем включения в лондонское эмигрантское правительство нескольких коммунистов, а путем создания качественно нового политического представительства, где коммунисты стали равноправными его членами. Тот факт, что обсуждение состава правительства Национального фронта происходило в Москве,

характеризовало не только международную ситуацию последних месяцев войны, но и расстановку сил в чешском и словацком национально-освободительном движении⁹³.

Э. Бенеш и его буржуазное окружение пошли на этот шаг, стремясь как можно скорее попасть на освобожденную территорию Чехословакии в надежде воспрепятствовать усилению позиций коммунистов и управлять развитием национально-демократической революции⁹⁴. Коммунисты были заинтересованы в достижении договоренности с Бенешем и буржуазными кругами Сопротивления, так как президент сохранял «в чешском пароде значительное политическое влияние и значительный кредит. С этим фактом Готвальд должен был считаться при решении национального и других вопросов: из этого он исходил, когда обдумывал принципы политики партии после освобождения: он рассчитывал на длительную борьбу»⁹⁵.

Переговоры о составе правительства Национального фронта чехов и словаков и его программе между КПЧ, делегацией СНС и лондонской делегацией, возглавлявшейся Бенешем и включавшей представителей национально-социалистической, коммунистической и народной партий, состоялись в Москве в марте 1945 г. Основой переговоров послужили предложения, выдвинутые коммунистами⁹⁶. Внешнеполитическую часть программы К. Готвальд обсуждал 20 марта с министром иностранных дел Я. Масариком. Готвальд подверг острой критике прежний принцип внешней политики ЧСР, принцип «моста между Западом и Востоком». Он подчеркнул, что в будущем основой внешней политики Чехословакии должен быть договор с СССР от 1943 г. В проекте программы правительства Национального фронта, выдвинутом КПЧ, указывалось, что внешняя политика ЧСР должна формулироваться как политика народно-демократической республики, координирующей свои действия на международной арене со своими союзниками, в первую очередь с СССР⁹⁷. Такая постановка означала принципиальный перелом в понимании внешнеполитических задач Чехословакии, национально-государственных интересов республики.

Во время обсуждения проекта правительственной программы К. Готвальд отмечал, что внешняя политика должна отвечать национальным интересам страны, а если они тождественны у Чехословакии и Советского Союза, то это вовсе не значит, что Чехословакия поступает не

самостоятельно, ибо между ними нет отношений господства и подчинения, а есть координация действий в осуществлении одних и тех же целей⁹⁸. После дискуссии предложения коммунистов по вопросу внешнеполитической ориентации будущей пародно-демократической Чехословакии были приняты. По вопросу о восстановлении дюнхенских границ Чехословакии подчеркивалось, что этот вопрос был решен на уровне великих держав только благодаря политической поддержке Советского правительства. Представители КПЧ требовали сделать из этого соответствующий вывод и укреплять тесный военно-политический союз с СССР⁹⁹.

Предметом дискуссии стал также вопрос о Закарпатской Украине. К. Готвальд выступил с предложением, чтобы чехословацкое правительство сделало заявление о своей готовности обсудить этот вопрос с Советским правительством. Попытки Э. Бенеша отложить решение данного вопроса до начала мирной конференции и созыва Национального собрания (это президент предлагал в письме от 29 января 1944 г. И. В. Сталину) К. Готвальд квалифицировал как несерьезную политику¹⁰⁰. Именно поэтому Советское правительство не реагировало на письмо Э. Бенеша.

21 марта 1945 г. Э. Бенеш и Я. Масарик вели переговоры с советскими руководителями о создании чехословацкой армии, об использовании военных трофеев на территории Чехословакии, о Закарпатской Украине¹⁰¹. По последнему вопросу Э. Бенеш вновь заявил, что готов его решить только после восстановления довоенной чехословацкой границы с Германией, Польшей и Венгрией. Но окончательное решение, по мнению президента, может принять только Национальное собрание Чехословацкой республики¹⁰².

По экономическим вопросам советские представители обещали помочь Чехословакии всеми имеющимися средствами. Детально была обсуждена проблема военных трофеев на территории Чехословакии, вопросы чехословацкой части венгерских репараций, обеспечения чехословацких воинских частей и частей Красной Армии на завершающем этапе войны. Вопрос о будущем Германии, как заявил В. М. Молотов, находится в стадии обсуждения. Интересовала Э. Бенеша советская точка зрения в отношении перспективы сохранения единства членов антигитлеровской коалиции после войны. Молотов сообщил, что Советский Союз готов в сотрудничестве, хотя пути

к нему не будут легкими, поскольку в США ситуация может развиваться не в соответствии с линией Ф. Д. Рузвельта. Э. Бенеш и Я. Масарик всячески заверяли В. М. Молотова, что Чехословакия будет строить свою безопасность, опираясь на Советский Союз ¹⁰³.

Во время второй встречи с чехословацкими представителями В. М. Молотов вновь вернулся к вопросу о Закарпатской Украине и напомнил Э. Бенешу его высказывания 1939—1942 гг. в беседах с советскими дипломатами относительно необходимости присоединения Закарпатской Украины к СССР. Э. Бенеш не отрицал этого. В заключение Молотов предложил президенту сформулировать свою точку зрения по этому вопросу в письменном виде. Бенеш согласился сделать письменное заявление, подчеркнув при этом значение для безопасности Чехословакии установления границ СССР за Карпатами. Молотов в свою очередь отметил, что скорейшее решение закарпатско-украинской проблемы будет способствовать существенному улучшению советско-чехословацких отношений ¹⁰⁴.

Было ясно, что советская сторона не удовлетворена ответным письмом Бенеша Сталину от 29 января 1945 г. Но и последующее письмо Э. Бенеша от 26 марта того же года, адресованное В. М. Молотову, не содержало практически ничего нового. Бенеш писал, что Закарпатская Украина должна войти в состав СССР, по соглашению с Советским правительством по этому вопросу он хотел бы подписать после консультации с чехословацкими политическими деятелями в Праге после освобождения ¹⁰⁵.

19 марта состоялась также встреча Бенеша со Сталиным. Во время этой встречи обсуждался меморандум чехословацкого президента о строительстве чехословацкой армии. Сталин предложил создать на основании 1-го чехословацкого армейского корпуса армию в составе 10 дивизий. Вооружение для них Советский Союз обязался поставить безвозмездно ¹⁰⁶. Советское командование предполагало немедленное строительство новой, народной армии Чехословакии, которая могла бы обрести военный опыт в боях совместно с Красной Армией.

31 марта 1945 г. в Москве были подписаны соглашения между правительствами ЧСР и СССР о взаимном погашении расходов по содержанию частей Красной Армии на территории ЧСР и частей чехословацкой армии на советской территории и о порядке использования военных трофеев на территории Чехословакии. В соответствии

с первым соглашением Советское правительство все расходы по содержанию чехословацких воинских частей включало в военные издержки Советского Союза. В свою очередь чехословацкое правительство обязалось обеспечивать воинские части СССР на территории Чехословакии всем необходимым, за исключением продовольствия¹⁰⁷. В соглашении о военных трофеях было записано, что таковыми на территории Чехословакии будут считаться только те предприятия и имущество, которые были привезены из Германии или построены немцами в период войны. Советское правительство обещало также поддерживать Чехословакию на международной арене в вопросе выселения судетских немцев¹⁰⁸.

Результаты переговоров в Москве продемонстрировали новый характер отношений между Советским Союзом и Чехословакией, готовность СССР оказывать всемерную поддержку новому народно-демократическому государству как в решении его внутренних проблем, так и на международной арене.

31 марта Президент Чехословакии и правительство Национального фронта чехов и словаков выехали из Москвы на освобожденную часть республики в г. Кошице. Здесь оно начало осуществлять программу, выработанную на переговорах представителей различных политических партий в Москве в марте 1945 г. и провозглашенную 5 апреля. Правительство Национального фронта приняло в Кошице предложенную КПЧ программу радикальных демократических мероприятий — программу национально-демократической революции¹⁰⁹.

Глубокие внутривластные изменения, происшедшие в Чехословакии, нашли свое конкретное отражение и в формировании нового внешнеполитического курса молодого народно-демократического государства. Кошицкая программа была Первой Программой Чехословацкого правительства, которая направляла внешнеполитическую ориентацию государства чехов и словаков на теснейшее сотрудничество и союз с первым социалистическим государством — Советским Союзом. «Выражая безграничную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неизменной ведущей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на Востоке. Чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г. о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве будет определять на все будущее внешнеполитическую

позицию нашего государства. С помощью Советского Союза будет завершено освобождение Чехословацкой Республики с тем, чтобы при опоре на него была навсегда обеспечена ее свобода и безопасность и чтобы при всестороннем сотрудничестве с Советским Союзом было обеспечено мирное развитие и счастливое будущее для народов Чехословакии.

Правительство с самого начала будет осуществлять на практике сотрудничество с Советским Союзом во всех направлениях — в военном, политическом, экономическом, культурном, причем оно желает осуществлять взаимный обмен представителями и взаимные связи с соседней Украинской Советской Социалистической Республикой. Правительство будет стремиться к тому, чтобы при окончательном разгроме гитлеровской Германии, при осуществлении наказания Германии, при определении новых границ и организации будущего мира Чехословакия стояла тесно, плечом к плечу с Советским Союзом и в одном фронте с остальными славянскими и демократическими государствами, Англией, США и Францией»¹¹⁰.

В программе также указывалось, что вопрос о Закарпатской Украине должен быть решен согласно демократическому волеизъявлению закарпатских украинцев, в духе дружбы между Чехословакией и Советским Союзом¹¹¹.

В целях укрепления военного союза между двумя странами программой предусматривались организация и обучение чехословацкой армии, сходные с Красной Армией¹¹².

Важным был также тот пункт программы, в котором указывалось, что внешнеполитическую линию государства определяет и отвечает за ее осуществление правительство в целом, а не президент и министр иностранных дел¹¹³. Внешняя политика народно-демократической Чехословакии перестала быть исключительной сферой влияния Э. Бенеша. В основу новой внешней политики народно-демократической Чехословакии были положены договор 1943 г. между СССР и ЧСР и Кошицкая программа правительства Национального фронта чехов и словаков. Таким образом, в Кошицкой правительственной программе был ясно сформулирован принципиальный поворот во внешнеполитической ориентации Чехословакии и закреплен юридически.

Исходя из опыта антифашистской борьбы, чехословацкие коммунисты выступили за выполнение Кошицкой

программы в рамках широкого Национального фронта. В то же время они ориентировались на мирное развитие революции. Основными предпосылками успешного проведения революции мирным путем к социализму было прежде всего постоянное усиление руководящей роли рабочего класса и тесного сотрудничества народно-демократической Чехословакии с Советским Союзом¹¹⁴. К. Готвальд указывал в связи с этим: «Судьба нашей народной демократии, революционных завоеваний, как и само существование нации и государственный суверенитет, тесно связаны с судьбой нашего союза с Советским Союзом. Только этот союз обеспечивает суверенитет нашего государства и строительство его в соответствии со свободной волей народа»¹¹⁵.

Главные принципы новой внешнеполитической ориентации народно-демократической Чехословакии подтверждены были представителями правительства Национального фронта на митинге чехословацкой эмиграции в Лондоне, состоявшемся 13 апреля 1945 г. Министр иностранных дел Я. Масарик заявил: «Основой нашей внешней политики будет тесное сотрудничество с Советским Союзом. Мы будем точно выполнять наш договор с СССР и действовать в духе его принципов. Наша армия создается по советскому образцу, и лучшего образца нам не нужно»¹¹⁶. Министр внешней торговли Г. Рипка добавил: «Восстановление свободной и независимой Чехословакии для нас уже не мечта, а свершившийся факт. Основой внешней политики Чехословакии является союз с соседним Советским Союзом и дальнейшее развитие дружественных отношений с Англией, Францией и США в политической и экономической сферах»¹¹⁷. Я. Масарик, а тем более Г. Рипка в действительности представляли себе союз с СССР иначе. В этот период, когда все симпатии чехословацкой общественности были на стороне Советского Союза, даже антисоветски настроенный Рипка вынужден был выступать за укрепление дружбы с СССР, ибо он хотел вернуться на родину министром нового правительства.

Правительство Национального фронта чехов и словаков начало последовательно выполнять выдвинутую программу сотрудничества с СССР. В последние дни войны оно решительно разоблачало махинации реакции, направленные на то, чтобы ликвидировать результаты национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов и остановить ход национально-демократической революции.

В конце 1944 г. советское командование готовило мощное наступление, которое должно было развиваться по всей линии советско-германского фронта от Балтийского моря до Балкан. Целью его было сломить сопротивление фашистских войск на всех четырех стратегических направлениях — восточнопрусском, варшавско-берлинском, карпатско-пражском и будапештско-вешском¹¹⁸.

На карпатско-пражском направлении войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала И. Е. Петрова в зимнем наступлении начали Западно-Карпатскую операцию, войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского осуществляли Центрально-Словацкую операцию. Поставленную перед ними задачу — освобождение Северной и Центральной Словакии — они в основном выполнили в начале марта 1945 г. Еще до окончания указанных операций Верховное Главнокомандование Красной Армии 17 февраля разработало план новых наступательных операций на территории Чехословакии. На участке 4-го Украинского фронта готовилась Моравско-Оставская операция, а на участке 2-го Украинского фронта — Братиславско-Брненская операция¹¹⁹.

Несмотря на то что нацистская Германия агонизировала, гитлеровское командование продолжало вести военные действия, причем с особым упорством на советско-германском фронте. Нацисты предпринимали отчаянные попытки заключить сепаратный мир с западными союзниками СССР, открыть западный фронт с тем, чтобы пустить англо-американские войска как можно дальше в глубь Центральной Европы. Это нашло отклик в усиливавшихся антисоветских и антикоммунистических настроениях определенных западных кругов.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль с конца 1944 г. неоднократно заявлял, что разгром немецких вооруженных сил приведет к резкому изменению соотношения сил между СССР и Западом, а поэтому США и Великобритания должны создать «новый фронт» и продвинуть его как можно дальше на Восток. С этой целью он предлагал по возможности скорее занять англо-американскими войсками Берлин, Вепу и Прагу¹²⁰. Такие же тенденции наблюдаются и в США. Они выразились в начавшейся критике политики Ф. Д. Рузвельта, в активизации борьбы между политическими течениями: одни вы-

ступали за решительное доведение войны с нацистской Германией до логического конца, другие согласны были на определенный компромисс с германской империалистической буржуазией, чтобы сохранить буржуазное германское государство в качестве противовеса СССР¹²¹. Однако реальная расстановка сил, сложившееся положение на дальневосточном театре военных действий заставили американскую администрацию более трезво оценить роль и место СССР. Несмотря на давление У. Черчилля, главнокомандующий войсками союзников на Западе генерал Д. Эйзенхауэр не ставил перед собой цель достичь Берлина, Праги и Вены раньше советских войск, а стремился отрезать южную группировку вермахта от северной и разгромить ее в Баварии.

Чешские земли занимали важное место в планах аглоципированного «третьего рейха». Военно-экономический потенциал чешских земель в последние месяцы войны составлял одну треть всего потенциала гитлеровской Германии. С приближением к Чехии и Моравии фронта с востока и с запада вермахт сосредоточил здесь значительные силы. Тут была сконцентрирована группа немецких армий «Центр» под командованием фельдмаршала Ф. Шёрнера, прозванного «кровавым Фердинандом». Южная Моравия входила в оперативную зону группы гитлеровских армий «Остмарк» под командованием генерал-полковника Л. Рендулича. Кроме того, в Чехии и Моравии в апреле 1945 г. было размещено около 90 тыс. эсэсовцев и полицейских сил, пять дивизий, отступивших из Баварии, две дивизии «фольксштурма», большое количество немецких беженцев. Нацисты использовали также мощную систему чехословацких бетонных укреплений, построенных в 30-х годах для защиты от Германии¹²². Преодоление этой укрепленной системы стоило жизни многим советским солдатам и чехословацким патриотам.

Нацисты ожидали наступления советских войск в чешские земли со стороны г. Моравска-Острава и с севера — на Прагу после достижения Красной Армией Дрездена. Свое внимание они сосредоточили на удержании Остравского промышленного района. О силе укреплений и всей обороне вермахта в этом регионе говорит ход Моравско-Остравской наступательной операции Красной Армии. Эта операция была начата войсками 4-го Украинского фронта 10 марта 1945 г. ударом с территории Польши в направлении г. Моравска-Острава. Советское командование планировало дальнейшее наступление в па-

правлении Йозефов—Градец—Кралове—Пардубице—Хоттеборж и выход 20 апреля к Влтаве с целью освобождения Праги¹²³. По первоначальному замыслу, предполагалось отрезать немецкую южную группировку от северной и ликвидировать группу армий «Центр». Однако этот план осуществить в намеченные сроки не удалось, фашистские войска всеми силами стремились удержать важнейший промышленный район. Тяжелые бои на подступах к Моравска-Остраве затянулись на целый месяц.

Иной характер имела Братиславско-Брненская операция войск 2-го Украинского фронта. Она была пачата 25 марта после ликвидации последней наступательной операции вермахта во второй мировой войне у оз. Балатон. Командованию 2-го Украинского фронта удалось дезинформировать немецкое командование, имитируя подготовку наступления в двух направлениях, с территории Венгрии на запад вдоль Дуная и на север долиной реки Грон в Центральной Словакии. Гитлеровцы сосредоточили на этих направлениях значительные силы. Советское командование нанесло решающий удар на стыке этих направлений с целью освобождения столицы Словакии Братиславы и продолжения наступления в Южной Моравии к ее центру, городу Брно¹²⁴. 4 апреля была освобождена Братислава и закончен первый этап Братиславско-Брненской операции. Второй ее этап, освобождение Южной Моравии и Брно (27 апреля), был труднее. Здесь советские войска натолкнулись на отчаянное сопротивление основных сил группы армий «Центр». Удержать Южную Моравию как можно дольше для гитлеровского командования имело не столько военно-стратегическое, сколько политическое значение и связано было с махинациями реакционных сил.

Фашистское командование намерено было удерживать чешские земли до конца и использовать их в политическом торге в возможном сепаратном соглашении с Великобританией и США. В этом направлении действовал в «протекторате» по поручению нацистской верхушки палач чешского народа К. Г. Франк, который готов был выпустить власть из своих рук только в том случае, если англо-американские войска войдут в Прагу. С этой целью он лихорадочно искал пути к сепаратному соглашению с западными союзниками СССР. К. Г. Франк пытался создать в противовес правительству Национального фронта «чешско-моравское правительство» из среды коллаборационистов и паходившихся под арестом чешских поли-

тических деятелей бенешевского направления. Он отправил делегацию из числа этих деятелей к американцам. Ее задачей было призвать американскую армию в Прагу, под ее защитой создать буржуазное правительство, отстранить от власти коммунистов и задержать наступающую Красную Армию на границе чешских земель.

Чешские коллаборационисты охотно ассистировали в этой последней попытке оккупантов сохранить власть в руках реакции, их привлекала идея создания «чешско-моравской республики», которая должна была с помощью американской армии заменить «протекторат». К. Г. Франк предпринял еще несколько попыток установить связь с американцами через представителей Международного комитета Красного Креста и Ватикана, однако без всякого успеха¹²⁵. На совещании с «наследником» Гитлера адмиралом Дёницем во Фленсбурге 1 мая 1945 г. Франк выдвинул план объявить Прагу «открытым городом» и таким путем завлечь американцев в Чехию, пока армии Шёрнера будут сдерживать наступление советских войск¹²⁶. Восстание чешского народа перечеркнуло и эти планы.

Прихода американской армии в Прагу страстно желала и политическая группа Бенеша, антисоветизм и антикоммунизм которой усиливался по мере развития национально-демократической революции в республике и успешного наступления Красной Армии. Посол США в Москве А. Гарриман писал в своем донесении в государственный департамент, что Э. Бенеш не считает состав правительства окончательным, он предполагает его изменить в свою пользу в Праге, но это станет возможным лишь в том случае, если американские войска окажутся в столице раньше Красной Армии. Посол указывал также, что с этой целью Бенеш оставил в Лондоне ряд министров, в том числе Г. Рипку, Ю. Славика, Л. Фейерабенда, Я. Масарика, туда же был доставлен освобожденный из Бухенвальда в апреле 1945 г. видный буржуазный деятель П. Зенкл¹²⁷. Вынужденная отступить под давлением объективной действительности в Копнице, чехословацкая буржуазия мечтала взять реванш в Праге в случае вступления в город американских войск. В этом она нашла горячую поддержку у Черчилля и Идена.

12 апреля 1945 г., после освобождения Вены Красной Армией, британский министр иностранных дел А. Иден заявил послу США в Лондоне Д. Вайнанту, что, по мне-

нию британского правительства, было бы чрезвычайно важно, чтобы американская армия освободила Прагу. По словам А. Идена, это имело бы большое значение для послевоенного политического развития не только Чехословакии. Вайнант немедленно информировал госдепартамент об инициативе британского министра иностранных дел ¹²⁸.

У. Черчилль также настаивал, чтобы англо-американские войска продвигались как можно дальше на восток, без учета согласованных на Крымской конференции зон ¹²⁹. У Черчилля и его окружения в середине апреля не было уверенности, что американская армия освободит Прагу, но они очень на это надеялись. Поэтому с такой радостью встретили сообщение, что 3-я американская армия под командованием генерала Паттона вступила на территорию Чехословакии ¹³⁰.

Э. Бенеш, человек не склонный к внешнему проявлению эмоций, получив это сообщение, бурно ликовав и тут же послал поздравительную телеграмму в штаб Д. Эйзенхауэра ¹³¹. Позже, в узком кругу, президент заявил: «Если бы Паттон наступал дальше, то он мог освободить не только Прагу, но и всю Чехию, а также значительную часть Моравии. Коммунисты лишились бы выгоды, которую им давали присутствие и активная помощь Красной Армии после ее прихода в эти густо населенные и важные в стратегическом отношении районы Чехословакии» ¹³². Г. Рипка и генерал С. Ингр обратились к британскому командованию с просьбой, чтобы чехословацкая бронетанковая бригада из-под Дюнкерка была отозвана и срочно направлена в Чехословакию. Однако маршал Монтгомери разрешил отправить только символическую группу численностью в 140 чел. 14 чехословацких офицеров были направлены в штаб генерала Паттона ¹³³.

Г. Рипка начал переговоры с американским дипломатом Шёнфельдом о заключении соглашения с США по проблеме передачи освобожденной американскими войсками территории чехословацкой администрации. Он знал, что американцы устанавливали на освобожденной территории систему своей военной администрации — AMGOT. Рипка вовсе не стремился к тому, чтобы американское командование передавало власть в руки национальных комитетов. Его целью было обеспечить присутствие американской армии на территории Чехословакии посредством достижения соглашения с чехословацким

правительством, чтобы войска США не ушли с территории республики по договоренности с великими державами, а этот вопрос был бы исключительно в компетенции договаривающихся сторон. Однако госдепартамент на запрос Шёнфельда ответил, что переговоры о таком соглашении могут вестись только в Вашингтоне ¹³⁴.

Британскому послу Никольсу Г. Рипка заявил о необходимости перевода чехословацких воинских частей с Западного фронта в Чехословакию. Меморандум об этом был также направлен им начальнику генштаба Великобритании маршалу Бруку. Свое требование он аргументировал тем, что присутствие этих частей на освобожденной территории «повысит моральный дух» чехословацкого населения ¹³⁵.

Но не о моральном духе народа заботился Г. Рипка, а о быстром создании буржуазной армии под командованием лондонского офицерства. А предложения Губерта Рипки о заключении соглашения, регулирующего пребывание американской армии в Чехословакии, в сущности были призывами к ее дальнейшему продвижению в чешские земли. Цель своих переговоров с представителями США Рипка откровенно изложил британскому послу Никольсу 21 апреля. Он заявил, что все чешские министры, находящиеся в Лондоне, чрезвычайно рады вступлению американской армии в Западную Чехию. Коммунисты же, по его словам, впали в уныние. Рипка подчеркнул, что присутствие на территории Чехословакии двух армий — американской и советской — в будущем облегчит решение пелегкой задачи — вывод Красной Армии из ЧСР ¹³⁶.

Г. Рипка и лондонская чехословацкая эмиграция рассчитывали, что с приходом американской армии в Прагу будет ликвидировано многое из того, чего удалось добиться левым силам во время московских переговоров в марте 1945 г. и что было зафиксировано в Кошицкой программе. Надеялись они также на изменение состава правительства в свою пользу ¹³⁷. Но для ведения переговоров с американцами, как оказалось, у Рипки не было никаких полномочий. Чехословацкое правительство Национального фронта, находившееся в Кошице, не давало на это своего согласия.

Пытался оказать давление на Д. Эйзенхауэра и Черчилль, требуя, чтобы он отдал приказ генералу Паттону продвигаться с 3-й американской армией в глубь Чехии в целях занятия Праги. Потерпев неудачу, британский

премьер 30 апреля направил личное послание президенту США Трумэну, в котором указывал: «Можно с уверенностью сказать, что освобождение Праги и как можно большей территории Чехословакии вашими войсками может привести к радикальному изменению ситуации в Чехословакии после войны и оказать большое влияние на соседние страны. Если же западные союзники не проявят интереса к освобождению Чехословакии, то эту страну постигнет участь Югославии»¹³⁸. Смысл планов У. Черчилля не требует комментариев.

28 апреля А. Иден передал в Сан-Франциско на учредительной конференции ООН государственному секретарю США Стеттиниусу секретный меморандум о необходимости занятия американскими войсками большей части чешских земель¹³⁹. Ознакомившись с меморандумом Идена, Стеттиниус писал своему заместителю, что его отношение к предложению англичан об оккупации Праги и значительной части Чехословакии войсками США с политической точки зрения благожелательное. В связи с этим он предложил обсудить военные аспекты этого вопроса в Объединенном комитете начальников штабов¹⁴⁰.

В некоторых работах буржуазных историков периода «холодной войны» часто звучали обвинения в адрес Д. Эйзенхауэра, что он своими перешептываемыми действиями позволил Красной Армии пройти в глубь Центральной Европы и освободить основные ее центры — Вену и Прагу¹⁴¹. Но это обвинения типа «рассуждений на лестнице». Англо-американские войска не заняли Берлин, Вену и Прагу, как мечтал Черчилль, поскольку у них не хватило для этого сил. 29 апреля Д. Эйзенхауэр с согласия Г. Трумэна поручил Объединенному комитету начальников штабов обсудить вопрос о наступлении в Чехии. После обсуждения комитет дал отрицательный ответ. При этом указывалось, что возможности Эйзенхауэра весьма ограничены и что следует учитывать необходимость завершения операции в направлении Любека, а также освобождение Дании, Норвегии и Австрии. Вместе с тем наступление в глубь Чехии не исключалось: Эйзенхауэру предстояло самому решить этот вопрос и вести наступление в Чехословакии, координируя свои действия с советским командованием¹⁴².

Необходимо сказать, что все домыслы по поводу перешептываемости Эйзенхауэра отверг в своих воспоминаниях президент Г. Трумэн. Американская сторона в своем решении руководствовалась реальным соотношением сил

в Европе в тот момент. Трумэн пишет, что согласно концепции Черчилля западные союзники должны были и после разгрома Германии сохранить в Европе большие военные силы в противовес военному потенциалу СССР. Но перед США в тот период стояла еще одна задача — завершение войны на Дальнем Востоке, поэтому вступать в конфронтацию с СССР для американцев не представлялось возможным¹⁴³. Учитывая все эти обстоятельства, 2 мая Трумэн ответил Черчиллю, что армия США сможет наступать на территории Чехословакии только после завершения уже начатых операций¹⁴⁴.

В кампанию давления на Д. Эйзенхауэра с большой активностью включился Форин оффис. В письме, направленном генералу 2 мая, подчеркивалось, что целью британского правительства является укрепление позиций президента Бенеша в его борьбе против коммунистов и «сепаратистских движений» (имелась в виду, очевидно, ситуация в Словакии и на Закарпатской Украине.— *И. И.*). Британское правительство, указывалось далее, желало бы видеть в Праге такое чехословацкое правительство, компетенция которого распространялась бы на всю территорию республики. Поэтому оно еще раз напоминает правительству США и Эйзенхауэру о большом политическом значении вступления американских войск в Прагу и продвижения в глубь Чехословакии¹⁴⁵.

Находящийся в Сан-Франциско А. Иден писал в Лондон о необходимости подключить и министра иностранных дел Я. Масарика, чтобы он также обратил внимание правительства США на политическое значение освобождения Праги американскими войсками¹⁴⁶. Участие министров Я. Масарика и Г. Рипки британское правительство хотело представить как мнение всего чехословацкого правительства. Г. Рипка еще раньше направил в Объединенный комитет начальников штабов западных союзников своего политического советника Духачека, задачей которого было убедить американское командование как можно быстрее занять Прагу¹⁴⁷. Все эти действия предпринимались без ведома чехословацкого правительства, но запланированы были, несомненно, Бенешем еще до его отъезда из Лондона.

4 мая 3-я американская армия под командованием генерала Паттона контролировала все горные перевалы в Западной Чехии на довоенной чехословацкой границе. По первоначальной договоренности союзников эти перевалы должны были стать местом встречи советских и

англо-американских войск. Однако в тот момент их еще разделяли сотни километров: фельдмаршал Шёрнер отказался капитулировать, и его войска продолжали оказывать упорное сопротивление Красной Армии на всем протяжении фронта от границ Австрии до Моравско-Оставы.

4 мая генерал Эйзенхауэр отдал приказ 3-й армии о продвижении в глубь Чехии до линии Карлови-Вари—Пльзень—Ческе-Будеёвице. Немцы не оказывали американским войскам никакого сопротивления и сдавались в плен¹⁴⁸. Госдепартамент и правительство Великобритании требовали от Эйзенхауэра продвигаться дальше за указанную линию. 4 мая XII армейской группе под командованием генерала Брэдли был дан приказ подготовиться к выходу на линию рек Влтавы и Лабы, что, по сути, означало занятие Праги. Одновременно Эйзенхауэр информировал об этом советское главное командование.

Начальник советского Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов в ответном письме 5 мая писал Эйзенхауэру, что еще 24 апреля советское командование заявило, что поставило перед своими войсками задание очистить от противника все пространство по течению рек Влтавы и Лабы. Советские войсковые соединения, получившие эту задачу, приступили к ее осуществлению. Поэтому советское командование во избежание осложнений требовало, чтобы союзные войска, находящиеся под командованием генерала Эйзенхауэра, не продвигались дальше линии Карлови-Вари—Пльзень—Ческе-Будеёвице¹⁴⁹. Если бы американцы продвинулись дальше, к Влтаве, то Красная Армия не могла бы вести наступление против группы армий «Центр», согласно разработанному плану ее окружения с северо-запада, т. е. с ее тыла. Вместо этого советским войскам пришлось бы преодолевать труднопроходимые хребты Крконош и Йизерских гор, вести лобовую атаку сильно укрепленной немецкой обороны в северо-восточной части Чехии. Затруднение же условий наступления Красной Армии в Чехии давало надежду Шёрнеру, что ему удастся сдержать на определенное время войска 1-го и 4-го Украинских фронтов и сохранить армию в результате ее организованного отступления и сдачи в плен американцам.

5 мая президенту США Г. Трумэну был вручен меморандум, разработанный в госдепартаменте. В нем указывалось, что поскольку предстоит тяжелая дипломатиче-

ская борьба с Советским Союзом по вопросам послевоенного мирного урегулирования, то для обеспечения успеха США необходимо, чтобы американская армия заняла как можно большую территорию в Центральной Европе. В меморандуме отмечалось: «Если американские войска продвинулись до Влтавы, где расположена Прага; то тем самым мы усилим свои позиции в переговорах с русскими»¹⁵⁰. Многие видные представители военного командования США поддерживали точку зрения госдепартамента. Начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит считал, что для 3-й армии занятие Праги «было бы сравнительно легкой задачей»¹⁵¹.

Однако американское командование смогло трезво оценить создающуюся ситуацию. Рано утром 6 мая Эйзенхауэр отдал приказ войскам под командованием генерала Паттона и Брэдли оставаться на линии Карлови-Вари—Пльзень—Ческе-Будеёвице¹⁵². Теперь все зависело от того, насколько быстро удастся советскому командованию осуществить свой план разгрома группы армий «Центр», ибо ответ Эйзенхауэра от 6 мая заканчивался фразой, что он надеется на быстрое продвижение советских войск в центральную часть Чехии¹⁵³. Напрашивался вывод: если советские войска не смогут этого сделать достаточно быстро, американская армия освободит Прагу.

Правительству Национального фронта в Кошице стали известны факты чрезвычайной активности министров, находившихся в Лондоне и всячески добивавшихся вступления американских войск в Прагу. Поэтому правительство приняло решение о ликвидации чехословацкого центра в Лондоне и поручило это сделать министру иностранных дел Я. Масарику. Однако он не выполнил этого предписания, более того, 5—9 мая от имени правительства Масарик неоднократно обращался к А. Идену с просьбой, чтобы британское правительство настояло на вступлении американских войск в Прагу¹⁵⁴.

Сведения об этой активности чехословацких представителей в Лондоне получило и Советское правительство. Генерал А. И. Антонов сделал запрос чехословацкому правительству, согласно ли оно с планом Д. Эйзенхауэра о наступлении американской армии от Пльзеня на Прагу. Советский посол В. А. Зорин запрашивал мнение правительства ЧСР относительно переданных пражским радио после начала восстания в Праге 5 мая обращений к американскому командованию о помощи. Председатель правительства З. Фирлинггер (с апреля

1945 г.) заявил: реакционные элементы могут использовать присутствие американской армии в Праге в своих целях, что в свою очередь окажет неблагоприятное влияние на политическую консолидацию в освобожденной Чехословакии. З. Фирлингер выразил уверенность, что окончательное поражение нацистов близко и Красная Армия своевременно окажет помощь восставшим в Праге ¹⁵⁵.

О напряженной ситуации, царившей в майские дни в чехословацких правительственных кругах, свидетельствует и запись министра правительства Национального фронта, коммуниста В. Копецкого: «9 мая мы выехали в Братиславу. В ходе продвижения президентского поезда П. Дртина приносил президенту свежие сообщения о том, что американские войска заняли уже Пльзень и направляются дальше, к г. Рокицапы. Некоторые говорили, что американские войска находятся уже у г. Бороун и оттуда следуют к Праге. Бенеш не скрывал своей радости от этих известий, мы же ими были удручены. Бенеш подъезжал к Братиславе с блаженным чувством, что американские войска продвигаются в Западной Чехии и, возможно, войдут в Прагу. Мы же подъезжали к Братиславе с тяжелым чувством. Ведь если американцы войдут в Прагу, то туда не можем приехать мы. Это значит, что и правительство Национального фронта вынуждено будет оставаться в Братиславе или в Брно» ¹⁵⁶.

Но, благодаря решительным действиям советского командования, планы буржуазии, связанные с присутствием американских войск в Праге, осуществлены не были. Поскольку речь шла об операции стратегического значения, то советское верховное командование выделило для выполнения ее соответствующие силы 1-го, 2-го и 4-го Украинского фронтов в количестве 18 общевойсковых армий, 3 танковых армий, 3 авиационных армий, 6 танковых и механизированных корпусов и 3 кавалерийских корпусов. На фронте длиной 850 км советскими войсками сосредоточено было 25 000 орудий и минометов, 21 000 танков и самоходных орудий и 4000 самолетов ¹⁵⁷. Советское командование создало тем самым для выполнения Пражской операции решающий перевес сил и средств. При этом они были сконцентрированы не равномерно по всему фронту, а в двух направлениях главного удара: дрезденско-пражском, где вели наступление войска 1-го Украинского фронта, и брненско-пражском, где наступали войска 2-го Украинского фронта. Советское командование планировало нанести противнику удары

армиями правого крыла 1-го Украинского фронта в направлении от Дрездена к Праге и армиями левого крыла 2-го Украинского фронта в направлении от Брно на Прагу (совместно с войсками 4-го Украинского фронта, наступавшими из «Северной Моравии»), окружить в Чехии вражескую группировку, расчленив ее и уничтожить по частям. Предполагалось, что наступление на указанных направлениях начнется после быстрой перегруппировки войск 7—8 мая. Самую крупную перегруппировку нужно было осуществить в расположении 1-го Украинского фронта, повернув его правое крыло у Берлина с западного направления на юг. В кратчайшие сроки огромные массы войск практически без передышки, закончив одну крупную операцию, Берлинскую, переходили к другой, передвинувшись на 200 км ¹⁵⁸.

В ходе освобождения Чехословакии советское командование придавало большое значение политико-воспитательной работе в войсках, принимавших участие в Пражской операции. В то время она играла особую роль, поскольку бойцы и офицеры всех трех фронтов, участвовавших в операции, были на пределе физических возможностей после завершения труднейшей битвы за Берлин и сознавали то, что война должна закончиться со дня на день. И тем не менее требовалось без передышки осуществить еще одну операцию.

В директивах политуправлений фронтов большое внимание уделялось информации о национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов: советским воинам разъяснялась необходимость быстрой помощи союзной Чехословацкой республике, что особенно важно было для бойцов 1-го Украинского фронта, впервые вступивших на территорию Чехословакии. Подчеркивалась необходимость предупредить всех бойцов и офицеров о недопустимости какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела органов власти Чехословацкой республики, нетактичного отношения к ее национальным, бытовым или религиозным традициям и обрядам ¹⁵⁹.

Наступление советских войск предполагалось начать 7 мая от Дрездена и 8 мая от Брно. Всю операцию планировали закончить в течение 6—8 дней, т. е. танковые армии должны были, согласно плану операции, войти в Прагу 14 мая. Несмотря на то, что Пражская операция подготовлена была советским командованием в невероятно короткие сроки, ее начало пришлось ускорить. При этом

ускорение начала операции необходимо было как с политической, так и с военно-стратегической точки зрения. Политическая ситуация требовала быстрой проведения операции, с тем чтобы воспрепятствовать осуществлению планов империалистической реакции, пытавшейся лишить чешский и словацкий народы плодов победного завершения национально-освободительной борьбы, переросшей в национально-демократическую революцию, завершившуюся майским восстанием в чешских землях и Пражским восстанием 5—9 мая.

Восстание чешского народа началось в первые дни мая практически на всей территории еще оккупированных чешских земель, однако восставшие районы не образовали единой свободной территории. Выступления народных масс, поддержанные партизанскими отрядами, носили стихийный характер и вызваны были сообщениями о падении Берлина и крахе «третьего рейха». Немецкие войска стремились подавить очаги восстания, но после их ухода революционная власть восстанавливалась вновь.

Решающую роль в майском восстании чешского народа сыграла Прага, поднявшаяся на борьбу с оккупантами 5 мая. Ситуация в восставшей столице с самого начала была очень сложной. Возглавил восстание Чешский национальный совет (ЧНС), в состав которого наряду с левыми, революционными элементами входили и представители буржуазии. Кроме того, в Праге существовало несколько политических центров Сопротивления, также претендовавших на руководящую роль в восстании¹⁶⁰. Восстание стало тем историческим поворотным пунктом, когда в общей борьбе на баррикадах, ценой совместно пролитой крови укреплялось новое единство чешского народа как основа Национального фронта.

Повстанцы овладели практически всеми главнейшими объектами в Праге, и немецкие войска оказались расчлененными, лишены возможности маневра. Вместе с тем Прага как крупный узел коммуникаций в тылу армии Шёрнера имела важнейшее значение в их отступлении на запад, к американцам. Поэтому немецкое командование хотело любой ценой подавить Пражское восстание и освободить путь на запад. К столице стягивались танковые дивизии, город подвергся бомбардировке с воздуха, были взяты заложники. Прага ответила нацистам строительством 1600 баррикад, появившихся на улицах города в ночь с 5 на 6 мая. Помогали восставшим также части власовцев, повернувшие оружие против немцев.

Однако напор армий Шёрнера, гонимых страхом попасть в плен Красной Армии и отвечать за совершенные преступления, был слишком силен. Немецкие танки проникали в центр города, и хотя им так и не удалось образовать свободный коридор через Прагу, положение восставших 7—8 мая стало критическим. Отсутствие оружия, боеприпасов, четкой информации и управления вызывали сомнения и колебания в рядах повстанцев. Буржуазные офицеры, создавшие свои штабы, выступали за оборонительную тактику и компромисс с оккупантами, они приказывали временно прекращать бои и даже разбирать баррикады. Нацистское командование в Праге своими лживыми предложениями о переговорах и перемирии дезориентировало колеблющиеся элементы. Такой тактикой они хотели выиграть время для захвата Праги и прорыва на запад¹⁶¹.

Советское командование понимало необходимость оказать восставшей Праге неотложную и быструю помощь. Именно поэтому оно сократило и без того ограниченные сроки начала Пражской операции. 6 мая в 12 часов войска 1-го Украинского фронта прорвали немецкую оборону у Дрездена, в прорыв были брошены 3-я и 4-я гвардейские танковые армии под командованием генералов И. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. От скорости их продвижения зависел успех операции, особенно преодоление Крушных (Рудных) гор. И. С. Конев вспоминал впоследствии, что ему не давали покоя воспоминания о Дукле, поэтому быстрота продвижения танковых армий должна была обеспечить внезапность появления советских войск на горных перевалах и деморализовать противника. В приказе командующего 1-м Украинским фронтом от 6 мая 1945 г. предписывалось двигаться, не считаясь с усталостью солдат и другими препятствиями, наступление развивать пехотой 30—40 км в день, танками — 59 км, наступать и ночью. Через несколько дней наступит конец войны, и солдаты потом отдохнут¹⁶².

Советские воины выполнили приказ. Бывший командующий 60-й армии генерал П. А. Курочкин писал: «Мысль о восставшей Праге не покидала нас. Чехословацкая столица была для нас не только стратегическим пунктом и важным военным объектом. Прага для нас была прежде всего непобежденным городом, где жили наши братья чехи... Добить врага и помочь братскому чехословацкому народу было для советских войск священным интернациональным долгом»¹⁶³. Танковые армии

с ходу преодолели хребты Крушных гор и 8 мая пересекли чехословацкую границу у г. Теплице. Дорога в чешскую котловину была открыта.

Войска 2-го Украинского фронта также развернули успешное наступление в направлении Брно—Прага, прорвав немецкую оборону у Йиглавы. Наступали также войска 4-го Украинского фронта, освободившие в эти дни крупный центр Северной Моравии г. Оломоуц. Учитывая критическую ситуацию в Праге, советское командование приказало вести наступление и ночью с 8 на 9 мая. Поэтому рано утром 9 мая танковые части 1-го Украинского фронта вошли в Прагу. Почти одновременно с юга подошли к столице Чехословакии и танки 2-го Украинского фронта, наступавшие из Брно. На улицах Праги ликовали народные массы. Таким образом, в кратчайший срок, всего лишь за 5 дней, советские войска освободили почти всю территорию Чехии и значительную часть Моравии, разгромив последнюю мощную группировку нацистских войск ¹⁶⁴.

Несмотря на то что майское восстание в чешских землях возникло стихийно и нельзя говорить о прямой координации действий восставших и командования Советской Армии, тем не менее взаимосвязь между ними была теснейшая. С одной стороны, успех восстания зависел от продвижения Красной Армии и разгрома ею основных сил нацистов. Советское командование, информированное о положении восставших, сделало все, чтобы оказать им быструю и действенную помощь. Без такой помощи советских войск восстание не могло рассчитывать на успех. С другой стороны, майское восстание в чешских землях имело мобилизующее значение для советских войск. Необходимость помочь Праге ускорила подготовку и проведение последней крупной наступательной операции Красной Армии против нацистских войск. Пражское восстание перерезало пути отхода войск Шёрнера на запад к американцам, позволив Красной Армии окружить и пленить восточнее Праги почти миллионную группировку немецких войск. Поэтому Майское восстание в чешских землях и его кульминация — восстание в Праге — тесно переплетаются с Пражской операцией Красной Армии и образуют единую боевую традицию военно-политического союза двух стран ¹⁶⁵.

В событиях, развернувшихся вокруг освобождения Праги, очень четко проявились проблемы, возникшие на грани войны и мира, проблемы послевоенного устрой-

ства Европы, политических целей воюющих сторон.

Политические планы фашистской Германии потерпели провал, а упорное сопротивление ее войск на советско-германском фронте, в особенности на территории Чехословакии, объяснялось только надеждой нацистского руководства на усиление противоречий между союзниками по антигитлеровской коалиции и желанием дать возможность англо-американским войскам продвинуться как можно дальше на восток ¹⁶⁶.

Главными политическими целями западных союзников, как и антигитлеровской коалиции в целом, был разгром фашистской Германии. Но наряду с этим Великобритания и США преследовали и свои цели. Сущность их антикоммунистического и антисоветского курса в отношении СССР не изменилась, что наиболее наглядно проявилось в решении проблемы второго фронта на всем протяжении войны и в центральноевропейских планах на завершающем ее этапе. Именно этими целями руководствовались правящие круги Великобритании и США, требуя от своего военного командования занять как можно большую часть Центральной Европы, в том числе и чешские земли, чтобы иметь в противовес Советскому Союзу более выгодные позиции в послевоенном устройстве Европы ¹⁶⁷.

Политические же цели, которые преследовал в Центральной Европе Советский Союз и которые реализовала его Красная Армия, полностью соответствовали последовательной борьбе против фашистских поработителей и оказанию помощи народам этого региона в восстановлении их государственности и суверенитета. Эти цели четко продемонстрированы были Советским Союзом и в ходе Пражской операции ¹⁶⁸.

Свои политические цели в майские дни 1945 г. имели и все политические течения чехословацкого движения Сопротивления. Пражское и майское восстания чешского народа были последней битвой с оккупантами, в которой проявилось единство чешского народа — союз рабочих, крестьян, трудящейся интеллигенции, сформировавших Национальный фронт. Вместе с тем Пражское восстание было не только последней битвой чешских патриотов с оккупантами, но и первой попыткой чешской буржуазии противостоять национально-демократической революции. Это проявилось в стремлении буржуазных кругов, с одной стороны, добиться вступления американских войск в Прагу, а с другой — придерживаться тактики

компромисса с оккупантами. Трудящиеся же взяли не только оружие в руки для борьбы с оккупантами, но и создали новую народную власть в форме национальных комитетов. Освобождение Праги и большей части чешских земель советскими войсками не дало возможности буржуазии лишиться трудящихся плодов победы, достигнутой в национально-освободительной борьбе¹⁶⁹.

Пражская операция оказала влияние не только на политическую ситуацию в Чехословакии, но и на весь регион Центральной Европы, в том числе на развитие политической борьбы в Венгрии, Польше и в Германии. Освобождение Праги Красной Армией перечеркнуло надежды чешской буржуазии на изменение расстановки сил в Национальном фронте и правительстве.

Большое значение для упрочения положения освобожденной республики имели немедленный, с помощью советского командования переезд 10 мая правительства Национального фронта чехов и словаков из Братиславы в Прагу, а также дислокация в столице Чехословакии 1-го Чехословацкого армейского корпуса, сформированного в СССР. Таким образом, освобождение Чехословакии Красной Армией стало фактором непреходящего значения для укрепления советско-чехословацкого сотрудничества. К. Готвальд отмечал: «В мае 1945 г. мы осуществили национально-демократическую революцию. Мы провели ее без крови, мирными средствами, потому что эту кровь пролили за нас по существу войны Красной Армии, которые выгнали от нас немецких оккупантов»¹⁷⁰.

БОРЬБА

РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ
ЗА РАЗВИТИЕ НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРИЕНТАЦИИ РЕСПУБЛИКИ
И УПРОЧЕНИЕ СОЮЗА С СССР

Политическая борьба в Чехословакии
и проблемы сотрудничества между ЧСР и СССР
(май 1945 г.— апрель 1946 г.)

Разгром гитлеровской Германии и победоносное окончание войны, завершившееся освобождением Красной Армией Праги, стало событием всемирно-исторического значения. Исчезла самая агрессивная, ударная сила империализма — германский фашизм. В результате итоги войны оказались прямо противоположными расчетам и целям империалистической реакции, развязавшей ее. В ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы начались народно-демократические и социалистические революции¹. Стала складываться мировая социалистическая система.

Советский Союз вышел из войны окрепшим политически и морально, с возросшим международным авторитетом. Капиталистическое окружение, в котором Советский Союз находился более четверти века, было прорвано. Раз и навсегда было покончено с попытками географически изолировать СССР, создав вдоль его границ пресловутый «санитарный кордон» враждебных государств.

Как только отгремели последние бои на Европейском континенте и был ликвидирован опаснейший враг всех революционных и демократических сил — фашизм, начался постепенный распад антигитлеровской коалиции.

Прежнее недоверие друг к другу возвращалось вновь, дополненное новыми подозрениями. Осторожное отношение И. В. Сталина и его окружения к государствам Запада усилилось опытом борьбы за второй фронт в период войны и начавшимся атомным шаптжом со стороны администрации президента Г. Трумэна. На Западе же видели, что война не изменила сущности тоталитарного сталинского режима в СССР. Более того, уже в 1945 г. появились признаки того, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, осво-

божденных Красной Армией, Сталиным с помощью компартий этих стран насаждаются порядки и создаются режимы весьма далекие от декларируемой «народной демократии». Они были скорее всего модификацией все той же сталинской тоталитарной системы с центристским бюрократическим управлением и гипертрофированным репрессивным аппаратом. Сами эти страны плюс Чехословакия рассматривались в Москве как сфера безраздельного влияния Советского Союза.

С окончанием войны Европа оказалась в трудной ситуации, военные действия и оккупация на протяжении 4—5 лет прервали традиционные экономические и политические связи. В результате того, что Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа была освобождена советскими войсками, а Западная и Южная — англо-американскими войсками, различным оказалось и объективное воздействие этого фактора на внутривосточное развитие в странах региона. В первую очередь он оказал существенное влияние на развитие революционного движения, проявившегося в тех государствах Европы, которые участвовали в войне. Это развитие тормозилось в западной и южной частях Европы и усиливалось в восточной, центральной и юго-восточной. В результате на континенте постепенно формировалась биполярная система с центрами концентрации вокруг СССР и США. Чехословакия в этой связи оказалась в противоречивой ситуации. В военно-политическом отношении она склонялась к тесному союзу с СССР и странами народной демократии, а в экономическом и особенно внешнеэкономическом традиционно — к Западу.

Обе эти тенденции пытался соединить, а также нейтрализовать потенциальные противоречия между ними президент Чехословакии Э. Бенеш. Он занялся разработкой некоего «среднего пути», или теории «моста» между Востоком и Западом. В своих заметках по этому вопросу он писал: «Относительно проблемы нашей ориентации — на Запад или на Восток — мы можем ответить ясно и четко: и на Запад и на Восток»². Такая концепция отвечала идеальному послевоенному миру, в котором продолжала бы действовать антигитлеровская коалиция и где Германия играла бы подчиненную роль. Однако положение в Европе и мире развивалось иначе. Не успели отгреметь бои на фронтах второй мировой войны, как бывшие союзники, США и СССР, стали медленно сползать на путь конфронтации, обвиняя друг друга в нарушении после-

воених соглашения, стремлении упрочить свои национально-государственные интересы один за счет другого, перечеркивании результатов второй мировой войны, одностороннем использовании плодов победы. Уже в первые послевоенные годы в биполярной системе развернулась идеологическая война, ускоренно лепившая образ врага³. В этой ситуации чехословацкая теория «моста» была обречена на провал.

После разгрома фашистской Германии и образования в Чехословакии правительства Национального фронта чехов и словаков новое качество приобрели и чехословацко-советские отношения. Они как бы уходят из кабинетов профессиональных дипломатов и на революционной волне становятся делом широких масс, наученных горьким опытом трагедии 1938 г. и требующих гарантии обеспечения национально-государственных интересов республики. Этот пастрой стремились подхватить чехословацкие коммунисты, используя спонтанную просоветскую волну для укрепления своих политических позиций.

Национально-демократическая революция существенно изменила социально-экономическую структуру чехословацкого общества. В ходе ее была ликвидирована основная опора капиталистической системы — монополистический капитал, как чешский, так и иностранный. Вследствие сентябрьской трагедии 1938 г. буржуазия в целом потеряла в широких массах свой авторитет руководящей силы нации. С политической арены Чехословакии исчезли крайне правые политические организации и партии, дискредитировавшие себя сотрудничеством с оккупантами. В системе Национального фронта чехов и словаков преобладали те политические силы, в программах которых пропагандировался социализм. Ключевые позиции в правительстве и ряде национальных комитетов занимали коммунисты и левые социал-демократы. В ходе национально-демократической революции в Чехословакии возникли также массовые демократические организации трудящихся, из которых наиболее мощным являлось Революционное профсоюзное движение с его богатыми пролетарскими революционными традициями периода домухенской Чехословакии и четко выраженной антикапиталистической программой. Национальный фронт чехов и словаков не был просто коалицией партии. Он был инструментом укрепления союза рабочего класса с остальными трудящимися, платформой сотрудничества всех патриотических сил. Особое значение в этой политической

структуре имела КПЧ — массовая пролетарская партия, которая охватывала шестую часть взрослого населения⁴.

Однако это не означало, что идейное влияние буржуазии было ликвидировано или сведено к минимуму. Буржуазные деятели, которые выступали с антифашистских, антигерманских позиций, сохранили значительное влияние в народных массах, особенно в мелкобуржуазных кругах. К тому же в некоммунистических партиях чем дальше, тем больше проявлялась тенденция к изменению их характера, к сдвигу вправо. В массах наблюдались настроения, благоприятные перерастанию национально-демократической революции в революцию социалистическую, но в то же время были довольно сильны иллюзии относительно демократической части буржуазии. В чешских землях большим влиянием пользовался президент Э. Бенеш. Его роль была шире, чем просто представитель и исполнитель воли буржуазии, как это часто пытаются упрощенно трактовать некоторые исследователи. Здесь действовало несколько факторов, в том числе ореол «борца за освобождение», «наследника Масарика», «дипломата с мировыми авторитетом», сумевшим пройти через все препоны и завалы дипломатии и политики периода второй мировой войны. Говоря об этих моментах, представители буржуазных и реформистских партий, которые делали ставку на Э. Бенеша, стремились тем самым к укреплению своих политических позиций и затушевыванию предательской роли буржуазии в период чехословацкого кризиса 1938 г. и последовавшей затем оккупации. В словацком обществе серьезное влияние оказывал на массы политический католицизм, позиции которого не были существенно подорваны ни войной, ни революцией.

Все сказанное свидетельствовало о том, что Национальный фронт являлся не только объединением всех политических течений, участвовавших в национально-демократической революции, в нем проявлялись и классовые противоречия между основными антагонистическими силами — рабочим классом и буржуазией.

В результате в народно-демократической республике возникла особая расстановка сил на политической арене. Прогрессивные силы во главе с рабочим классом делили власть с антифашистской частью буржуазии. В ситуации, возникшей после войны, а именно с устранением реакционной монополистической буржуазии и коллаборационистов, буржуазия не могла восстановить подвластный ей государственный аппарат. Однако и после проведения

национализации она все еще контролировала значительную часть материального производства, имела сильные позиции в политических институтах, обладала богатым опытом политической борьбы, кадрами, имела широкие связи за рубежом. Представители мелкой буржуазии; приветствовавшие национализацию имущества крупных капиталистов, мечтали в будущем занять их место.

Большое значение имел запрет на учреждение реакционных партий. В ходе острой классовой борьбы, развернувшейся в период перехода от национально-демократической к социалистической революции, при умелой тактике КПЧ и ее целенаправленной массово-политической работе та часть рабочего класса, которая находилась под влиянием реформизма, постепенно от него отходила, влияние коммунистов стало распространяться на широкие массы трудового крестьянства, интеллигенцию и средние слои города.

В то время как по вопросам внутривнутриполитического развития Чехословацкой республики в Национальном фронте и в правительстве возникали острые споры, на политической арене республики в 1945 г. практически не было такой силы, политической партии или группировки, которая бы решила открыто выступать против внешнеполитического курса пародно-демократического государства, в основе которого был теснейший союз с СССР. Многие реалистически мыслящие буржуазные политические деятели, в том числе и Э. Бенеш, несмотря на их враждебность социализму, понимали, что Красная Армия принесла освобождение чехословацкому народу и тем самым СССР снискал симпатии абсолютного большинства населения ЧСР. Президент Э. Бенеш и его ближайший соратник министр Я. Масарик неоднократно заявляли, что вопрос союза с СССР не подлежит дискуссиям⁵.

Представители буржуазии также вынуждены были считаться с общественным мнением широких масс, весьма чувствительно реагировавших на любые нападки против СССР. Один из руководителей национально-социалистической партии позже в эмиграции писал: «Если бы чехословацкие демократы попытались проводить антисоветскую политику, то они не только не смогли бы воспрепятствовать распространению влияния коммунистов в Чехословакии, но ускорили бы его. Такая политика не могла рассчитывать на малейшие симпатии населения»⁶.

Этот же вывод сделал и бывший начальник канцелярии президента Я. Смутны, писавший в своих воспоминаниях:

«Нельзя забывать, что эту политику (союза с СССР.— *И. П.*) сразу же после войны приветствовала и рассматривала как нечто само собой разумеющееся вся нация»⁷. Учитывая огромный подъем революционного энтузиазма масс, политические представители буржуазии в первые месяцы после освобождения республики заняли выжидательную позицию, подчеркивая в публичных выступлениях свое положительное отношение к Кошицкой программе и союзу с СССР. Часть их даже заигрывала с массами, заявляя о своей приверженности идеям социализма.

Создавалось впечатление, что по вопросам внешнеполитической ориентации республики господствует полное единство мнений. В действительности же это единство было вынужденным, временным. Буржуазные политические лидеры понимали, что настроенные широких масс, необходимость выполнения важнейших внешнеполитических задач Чехословакии — закрепление домюнхенских границ республики, выселение немецкого населения, обеспечение действительного суверенитета страны — требуют поддержки СССР. Поэтому их позиция носила конъюнктурный характер. В то время как коммунисты в соответствии с принципами Кошицкой правительственной программы выступали за теснейшее сотрудничество Чехословакии с Советским Союзом во всех сферах, представители буржуазных партий всячески стремились к тому, чтобы правительство в своей внешнеполитической деятельности осуществляло прежде всего пункт программы о «дружественных отношениях с демократическими западными государствами»⁸.

Вместе с тем в решении германского вопроса после освобождения заинтересованы были практически все политические группировки республики. Чехословакия полностью поддерживала Советский Союз в его стремлении искоренить сам фашизм и все его проявления, демилитаризовать и демократизировать Германию. Наряду с проблемой послевоенного развития Германии, утраты опасности возрождения агрессивного германского империализма существовал еще и специфически чехословацкий аспект германского вопроса. Это был вопрос выселения немецкого меньшинства из Чехословакии, абсолютное большинство которого стало орудием в руках германских фашистов в их политике подрыва республики, ее расчленения, порабощения чешского и словацкого народов паканауне и в период второй мировой войны⁹.

На Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — в июле—августе 1945 г. советская делегация безоговорочно поддержала требования Чехословакии о выселении пемецкого меньшинства на территорию Германии¹⁰. Всего из ЧСР было выселено более 2 млн 170 тыс. немцев, из них около 1,5 млн в западные зоны оккупации, остальные — в советскую зону оккупации Германии¹¹.

Оценивая этот акт, К. Готвальд подчеркивал: «Нужно, чтобы наш народ знал, что это национальное и государственное требование с первого же момента встретило полное понимание и поддержку Советского Союза и что товарищ Сталин на памятной нам Потсдамской конференции добился признания также со стороны Англии и США нашего требования о переселении немцев, в результате чего наше право на выселение немцев было признано в международном плане»¹².

Чехословацкие буржуазные круги стремились уравновесить связи с СССР укреплением отношений республики с США, Англией и Францией. В майские дни 1945 г. Э. Бенеш в узком кругу своих приверженцев следующим образом охарактеризовал свое отношение к сложившейся ситуации: «Да, все это выглядит иначе, чем мы себе представляли. Придется начинать все сначала»¹³. В соответствии с этим лидеры буржуазных партий и сам президент стремились постепенно, исподволь толкать внешнюю политику Чехословакии сначала на путь «моста» между Востоком и Западом, а затем и к восстановлению старых связей с Великобританией, США и Францией.

На эти попытки последовала резкая реакция со стороны КПЧ, представитель которой В. Давид с трибуны Временного Национального собрания заявил в марте 1946 г.: «Союз с Советским Союзом для нас является вопросом национального бытия. Поэтому мы должны решительно отвергать всякую попытку оживления политики „моста“ и сидения на двух стульях, с которых мы однажды уж упали. С такой политикой у нас есть трагический опыт»¹⁴.

Широкое распространение в Чехословакии получила идея славянской взаимности, оказавшая немалое влияние на политическую ориентацию значительной части населения Чехословакии в послевоенный период. Возрождение идей славянской взаимности после войны объективно было связано с укреплением международных позиций славянских государств, прежде всего с решающей ролью Со-

ветского Союза на мировой арене. Сотрудничество СССР, Чехословакии, Польши и Югославии после войны обрело юридическую основу в виде договоров о дружбе и взаимной помощи. Союз государств Центральной и Юго-Восточной Европы наглядно подтверждал тот факт, что эра изоляции капиталистическим миром Советского Союза безвозвратно ушла в прошлое. Кроме того, указанные выше страны в первую очередь были заинтересованы в последовательном выполнении решений Берлинской (Потсдамской) конференции по германскому вопросу в полном соответствии с их национально-государственными интересами. Все это придавало силу и вес идее славянской солидарности, которую КПЧ поставила на службу борьбе за укрепление связей с СССР и народно-демократическими государствами ¹⁵.

Таким образом, уже в 1945 г. в Чехословакии выкристаллизовались два основных направления в осуществлении политики союза с СССР: первое, возглавляемое коммунистами и исходившее из принципов пролетарского интернационализма, считавшее союз с СССР основой существования Чехословакии, и второе, охватывавшее буржуазные и реформистские круги и считавшее такой курс временным, конъюнктурным.

Руководство внешней торговлей в тот период находилось в руках буржуазных политических представителей. Внешнеторговые связи республики они планировали ориентировать на Запад, хотя и не исключали возможность торговли с Советским Союзом и народно-демократическими странами. Однако сотрудничество с последними в представлении чехословацкой буржуазии должно было только дополнять западную ориентацию, обеспечивать сбыт тех товаров, которые были некоинкурентоспособными на Западе, а также возможности выгодных закупок сырья.

В политическом отношении, по замыслу буржуазных кругов, это имело бы далеко идущие последствия, ибо чехословацкая экономика оказалась бы в прочной зависимости от капиталистических государств, что должно было подорвать и политические связи Чехословакии с Советским Союзом и народно-демократическими странами, а тем самым создать условия для изменения соотношения классовых сил в республике ¹⁶. Буржуазная пресса всячески подчеркивала преимущества экономических связей с Западом и делала упор на то, что послевоенная реконструкция хозяйства Чехословакии возможна только с помощью США.

В начале июня 1945 г. в Праге была возобновлена работа британского и американского дипломатических представительств. Уже во время первой встречи с американским дипломатом Клиффортом президент Бенеш заявил, что восстановление чехословацкой экономики невозможно без помощи США. Бенеш высказал пожелание, чтобы американская армия оставалась на территории Чехословакии до тех пор, пока здесь будет находиться Красная Армия. Как он подчеркнул, такого мнения придерживались все некоммунистические министры чехословацкого правительства. Если американцы сразу же выведут свои войска из Чехословакии, заявил Бенеш, это нанесет ущерб престижу США. В заключение беседы он еще раз подчеркнул, что присутствие американских войск в Пльзене является серьезным противовесом преобладающему советскому влиянию в Чехословакии ¹⁷.

Британским представителям Э. Бенеш заявил, что, как только правительство будет в состоянии контролировать ситуацию в стране силами восстановленной чехословацкой армии, оно тут же автоматически поставит вопрос о выводе с территории Чехословакии советских войск. Кроме того, он заверил англичан, что основой повой чехословацкой армии станет чехословацкая самостоятельная бригада, сформированная на Западе, а вовсе не чехословацкий армейский корпус, прошедший боевой путь от Бузулука до Праги ¹⁸.

В июне 1945 г. советское командование стало постепенно выводить части Красной Армии из Чехословакии. Одновременно советские дипломаты напомнили американским представителям, что следовало бы вывести войска обеих стран с территории дружественной Чехословакии ¹⁹. Однако Э. Бенеш всячески уговаривал западных дипломатов не спешить с выводом войск США. Его просьбам внял госдепартамент США, принявший решение, что американские войска покинут Пльзень, Карлови-Вари и Ческе-Будеёвице только после того, как с территории Чехословакии будут выведены все советские части ²⁰.

Советские войска находились на территории союзной Чехословакии в соответствии с соглашением от 8 мая 1944 г., в то время как пребывание американских войск в Западной Чехии не имело юридического основания. Советское командование действовало в духе двустороннего соглашения и уже в середине мая 1945 г. всю полноту власти на освобожденной территории передало чехословацкой администрации. Тем самым оно сняло у чеш-

ского и словацкого населения еще большее уважение.

Совсем иначе вело себя американское командование. Власть на занятой армии США территории Чехословакии находилась в руках американской военной администрации, которая категорически отказывалась признавать правомочия чехословацких национальных комитетов. Негативное отношение широких кругов чешской общественности к действиям американской военной администрации усугублял и тот факт, что американская армия находилась в районах с немецким населением, часто защищала нацистов, препятствовала установлению там чехословацкой юрисдикции. Среди немецкого населения распространились слухи о том, что данная территория будет присоединена с помощью США к Германии или Австрии. Волну возмущения в Чехословакии вызвали выступления генерала Паттона, с симпатией высказывавшегося о нацистах. Командование США вынуждено было отозвать генерала из состава оккупационной администрации в Чехословакии ²¹.

Советское правительство выразило удивление по поводу того, что американская армия установила особую зону в Чехословакии, куда не допускает чехословацкую администрацию. И. В. Сталин в беседе с председателем правительства Чехословакии З. Фирлингером во время его пребывания в Москве в июне 1945 г. заявил, что между союзниками по антигитлеровской коалиции не было никакой договоренности по вопросу о разделении зон оккупации в Чехословакии, поскольку она является союзным государством. З. Фирлингеру было сообщено также, что советское командование ограничит свои силы в ЧСР 8—9 неполными дивизиями, которые будут дислоцированы вдоль границы с Германией ²².

Результаты переговоров чехословацкой делегации в Москве были доведены до сведения представителей США в Праге и выражена надежда, что американская военная администрация передаст контроль над территорией Западной Чехии чехословацким органам. Будет логичным, заявил З. Фирлингер послу США в Чехословакии, если американские войска отойдут на первоначально установленную между союзниками демаркационную линию, т. е. на чехословацкую границу ²³.

Однако госдепартамент США не внял этим законным просьбам и принял решение, что американские войска будут выведены с территории ЧСР только одновременно с выводом всех частей Красной Армии. Такое решение

было принято в Вашингтоне не без воздействия Э. Бенеша и других буржуазных чехословацких политических деятелей, развернувших бурную деятельность за спиной правительства Национального фронта. Э. Бенеш посылал телеграммы британскому премьеру У. Черчиллю и заверял его, что готов преодолеть все трудности, ибо позиции его и его сторонников достаточно крепки. Американским дипломатам он доказывал, что сепаратный уход армии США из Чехословакии оказал бы очень плохое воздействие на общественное мнение и нанес бы непоправимый ущерб престижу западных государств в ЧСР²⁴. Десять высших чиновников МИД ЧСР посетили посольства США и Великобритании в Праге и выразили просьбу, чтобы американские войска оставались на территории Чехословакии. В случае их ухода, по словам этих чиновников, интересам Запада в Чехословакии нанесен будет большой ущерб и резко возрастет вес СССР. Американская армия, по мнению чиновников из МИД ЧСР, должна стать противовесом советским войскам, находящимся на территории Чехословакии²⁵.

В ответ на эти просьбы со стороны чехословацких буржуазных политических кругов посольства США и Великобритании в Праге выработали систему аргументов, которые должны были оправдать пребывание американской армии в Западной Чехии. В госдепартамент США и Форин оффис ушли допесения, в которых указывалось, что преждевременный уход американских войск с территории Чехословакии был бы политической ошибкой. Его требуют только коммунисты, в то время как национальные социалисты и представители других политических партий настаивают на том, чтобы американцы оставались в Чехословакии²⁶.

Таким образом, палицо было стремление Э. Бенеша и его сторонников использовать армию США для давления на советское командование, чтобы заставить его вывести части Красной Армии из Чехословакии. В этом Бенеш видел исходную точку борьбы против единства левых сил в Национальном фронте и правительстве.

В сентябре 1945 г. Э. Бенеш возобновил свои попытки добиться вывода частей Красной Армии из Чехословакии, опять-таки с помощью американцев. Он убеждал дипломатов США, что чехословацкие коммунисты хотят использовать на предстоящих выборах присутствие в республике Красной Армии. Политическое положение в Национальном фронте и правительстве таково, указывал он,

что вопрос о выводе советских войск из Чехословакии не может быть там поставлен. Поэтому президент просил американских дипломатов, чтобы представители США сами обратились к советскому командованию с предложением об одновременном выводе войск США и СССР из Чехословакии. Посол США в ЧСР Стейнгардт поддержал просьбу президента Э. Бенеша²⁷. С ним согласился также исполнявший обязанности госсекретаря Д. Ачесон. В результате в Вашингтоне в середине сентября 1945 г. было принято решение о том, чтобы президент Трумэн обратился к Сталину с предложением об одновременном выводе американских и советских войск из Чехословакии²⁸.

Буржуазные круги в Чехословакии и на Западе предвкушали выигрыш в любом случае: в случае вывода советских войск из Чехословакии они надеялись на возможность изменить ситуации в свою пользу, при отказе же Советского правительства представлялся выгодный момент начать резкую антисоветскую кампанию. Однако все решилось гораздо проще. Как только президент США Г. Трумэн обратился к председателю СНК И. В. Сталину с предложением, чтобы армии обоих государств покинули Чехословакию до конца ноября 1945 г., Сталин как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР тут же отдал приказ о подготовке и проведении эвакуации советских войск²⁹.

Эвакуация советских войск из ЧСР в ноябре 1945 г. превратилась в манифестацию дружбы между советским народом и народами Чехословакии. 15 ноября на Вацлавской площади в Праге при огромном стечении пражан проходил прощальный парад советских войск, который принимали президент Чехословакии Э. Бенеш и командующий советской группой войск генерал А. С. Жадов. Открывая парад, министр национальной обороны генерал армии Людвик Свобода сказал: «После победы над гитлеровской Германией вы выполнили важную миссию на территории нашей страны. Вы помогли нам в закреплении нашей победы в момент нашего возрождения. А сейчас, после выполнения этой благородной миссии, вы уходите как наши лучшие друзья и братья»³⁰. В письме на имя генерала А. С. Жадова председатель правительства З. Фирлингер также подчеркивал особую миссию советских войск в ЧСР³¹.

Эвакуация советских войск из Чехословакии не стала исходным пунктом для наступления буржуазии, как она

об этом мечтала, ибо корни революционных процессов были глубоко национальными. Дальнейшее развитие и углубление национально-демократической революции в Чехословакии и радикализация политических процессов имели объективный характер.

* * *

Советско-чехословацкое сотрудничество продолжало активно развиваться сразу после освобождения республики. Советское военное командование по собственной инициативе предоставило продовольствие для крупнейших городов Чехословакии — Праги, Брно, Остравы, Братиславы. Уже в апреле 1945 г. чехословацкому правительству были переданы 48 промышленных предприятий, принадлежавших немцам и относившихся соответственно к категории военных трофеев СССР³². Советскими саперами и инженерными войсками были восстановлены сотни километров разрушенных отступавшими фашистскими войсками железных и шоссейных дорог. В Братиславе в рекордно короткий срок, за пять с половиной месяцев, был построен временный металлический мост через Дунай длиной 460 м, который функционирует и сегодня. 1 мая 1945 г. в Праге состоялась встреча командующего 1-м Украинским фронтом с представителями чехословацкого правительства, на которой решались первые практические меры по предоставлению помощи жителям Праги и всей республики. Городским властям столицы было передано советским командованием 100 автомобилей, 25 т топлива и свыше 50 т бумаги. Пражанам выделили 9000 т хлеба.

28 мая 1945 г. в министерстве продовольственного обеспечения состоялось совещание с участием представителей советского командования. Чехословацкая сторона вновь обратилась с просьбой о немедленном оказании помощи для обеспечения Праги, Брно, Остравы, Братиславы, которым угрожал голод. Чехословацкой администрации было передано из запасов Красной Армии 17 878 т зерна, 975 т соли, 950 т сахара, что дало возможность обеспечить эти важнейшие промышленные центры до нового урожая³³. Праге советское командование продолжало оказывать продовольственную помощь вплоть до осени 1945 г., размер ее составил 18 280 млн тыс. крон³⁴.

Советское командование передало Чехословакии пять военных госпиталей на 500 коек со всем оборудованием. Сумма советской помощи только за два месяца 1945 г.,

май — июнь, составила около 40 млн рублей. Накануне эвакуации с территории Чехословакии советское командование передало чехословацким властям практически все свои продовольственные запасы на сумму в несколько десятков миллионов крон³⁵. Кроме того, советские представители в союзной контрольной комиссии оказывали помощь в закупке Чехословакией продовольствия в Венгрии и Румынии, способствовали возвращению чехословацких речных судов, угнанных гитлеровцами и находившихся на территории Германии в американской зоне оккупации³⁶.

На восстановлении чехословацкой экономики особенно отрицательно сказывалось то, что при значительном промышленном потенциале у нее почти полностью отсутствовала собственная сырьевая база тяжелой и обрабатывающей промышленности. Имевшиеся запасы были уничтожены в конце войны оккупантами. Кроме того, абсолютное большинство чехословацкого довоенного промышленного потенциала было переведено на военное производство, и требовалось определенное время для его перепрофилирования. В меморандуме группы народнохозяйственных экспертов, направленном правительству, указывалось: «Ввиду угрозы массовой безработицы любой ценой необходимо немедленно получить заказы. Их в настоящее время мы можем получить только из СССР. Поэтому нужно как можно быстрее восстановить с ним прежние (экономические. — *И. П.*) связи и получить информацию НКВТ СССР»³⁷. Этот меморандум обсуждался на заседании правительства, и 7 июня 1945 г. министр внешней торговли Чехословакии Г. Рипка заявил в интервью корреспонденту газеты «Свободное слово»: «В настоящее время открываются широкие перспективы в сфере экономических связей с СССР. В сравнительно короткие сроки республике удастся расширить экономические и торговые связи с Советским Союзом в целом, но прежде всего с непосредственным соседом ЧСР — Украиной»³⁸.

В создавшейся ситуации чехословацкое правительство обратилось за помощью к Советскому Союзу. 25 июня 1945 г. в Москву выехала первая правительственная делегация ЧСР во главе с председателем правительства З. Фирлишгером. Переговоры в Москве проходили 25—30 июня. Советскую делегацию возглавляли первый заместитель народного комиссара по иностранным делам А. Я. Вышинский и народный комиссар внешней торговли А. И. Микоян. Чехословацкая делегация обратилась

прежде всего с просьбой о поставках руды, хлопка, льна и другого промышленного сырья³⁹. Советское правительство пошло навстречу Чехословакии и удовлетворило просьбу делегации, отметив при этом, что поставки будут осуществлены в нужном ЧСР количестве. Однако, учитывая послевоенную разруху и трудности с добычей, сырье в данный момент не может быть требуемого высочайшего качества. В конце переговоров А. И. Микоян сообщил чехословацкой делегации, что дано указание для отправки в Чехословакию 250 тыс. т железной руды из Кривого Рога, 20 тыс. т марганцевой руды, 5 тыс. т хромовой руды, значительное количество хлопка и льна. Уже в августе 1945 г., когда соглашение о платежах находилось еще в стадии подготовки, первые советские эшелоны доставили в ЧСР 14 тыс. т железной руды, 9 тыс. т марганцевой руды и других цветных металлов, нефтепродукты, лен, хлопок и прочие материалы, столь необходимые чехословацкой промышленности⁴⁰.

Важным предметом переговоров был также вопрос о военных трофеях Красной Армии на территории Чехословакии. Предварительные переговоры по этой проблеме велись уже в Праге 7 июня 1945 г. между председателем правительства ЧСР З. Фирлингером, его заместителем К. Готвальдом и маршалом И. С. Коневым. Достигнута была договоренность, что все заводы, в том числе входящие в число трофеев Красной Армии, передаются чехословацкой администрации, которая обеспечит их работу. Чехословацкое правительство подготовило реестр тех трофейных предприятий, которые могли дополнить программу индустриализации Чехословакии и о судьбе которых оно хотело вести переговоры в Москве с тем, чтобы эти предприятия были переданы ЧСР⁴¹.

Данный вопрос Советское правительство также решило в духе взаимопомощи, передав безвозмездно Чехословакии 334 предприятия из 365, перешедших под контроль СССР в качестве трофеев⁴². Окончательно решен был и оформлен юридически вопрос о Закарпатской Украине. Договор о воссоединении ее с УССР был подписан в Москве 29 июня 1945 г.⁴³

Более сложной являлась проблема переселения чехов из Волыни. Свою просьбу чехословацкая правительственная делегация аргументировала необходимостью заселения пограничных районов республики, откуда выселялось немецкое население. Советское правительство проявило понимание внутренних проблем Чехословакии,

и 20 июня 1946 г. в Москве был подписан договор между СССР и ЧСР об оптации и переселении чехов и словаков из СССР в Чехословакию и украинцев, русских и белорусов — из Чехословакии в СССР⁴⁴.

Чехословацкая делегация обратилась к советской стороне с просьбой о помощи в поисках в Германии чехословацких транспортных средств и возвращении их в ЧСР. Советское правительство обещало содействовать в этом вопросе, а для временного пользования предоставило 4 тыс. грузовых вагонов, 2 тыс. цистерн и 245 паровозов. Для досмотра по использованию этого парка была создана смешанная советско-чехословацкая комиссия⁴⁵. В свою очередь, ЧСР обязалась поставлять в Советский Союз машины, станки, промышленное оборудование, сельскохозяйственные машины, прокат. Во время переговоров с чехословацкой стороны сделано было предложение о кооперации промышленного производства и разделении труда между ЧСР и СССР⁴⁶.

В августе 1945 г. в Москву приехала делегация чехословацких специалистов во главе с председателем Центрального союза чехословацкой промышленности, которая вела переговоры об условиях взаимных поставок товаров между СССР и ЧСР на период до конца 1945 г. Обсуждался также вопрос о торговом соглашении на 1946 г. Соглашение о поставках на 1945 г. было подписано 8 сентября 1945 г. Это было первое торговое соглашение, подписанное между двумя странами после войны и имевшее огромное значение прежде всего для чехословацкой промышленности, получившей нужное ей сырье для восстановления производства.

Чехословацкая сторона обязалась поставить в СССР продукцию черной металлургии и машиностроения. Планировалось экспортировать в Советский Союз 100 тыс. т проката, 1 тыс. обрабатывающих станков, 500 железнодорожных вагонов, 10 тыс. электромоторов различной мощности, 25 тыс. трансформаторов, оборудование для предприятий пищевой и легкой промышленности на сумму в 353 млн крон и т. д.⁴⁷ Следует сказать, что возможности чехословацкой промышленности оказались завышенными.

Поставки сырья в Чехословакию из СССР в первый послевоенный год стали надежной дружеской помощью, имевшей большое политическое значение, ибо без нее пародное хозяйство республики долгое время находилось бы в состоянии упадка, что не преминула бы использовать

чехословацкая буржуазия в целях подрыва народно-демократического строя. Оценивая переговоры в Москве летом 1945 г., министр внешней торговли ЧСР Г. Рипка, которого трудно заподозрить в просоветских настроениях, отмечал, что «благожелательность и корректность советских представителей была столь далеко идущей, что они пошли на поставку нам некоторых видов сырья в таком количестве, что от этого страдала их собственная потребность, например по статье хлопка»⁴⁸. К примеру, в 1945 г. советская руда составила 73,5 % всего чехословацкого импорта этого важнейшего сырья⁴⁹.

Торговый баланс между ЧСР и СССР в 1945 г. был активным для Советского Союза. Чехословакия импортировала из СССР с мая по декабрь 1945 г. товаров на сумму 259 млн 186 тыс. кроп, а экспортировала на сумму 72 млн 784 тыс. кроп. Пассивное сальдо ЧСР составило 186 млн 402 тыс. кроп. Советские товары составили 33,4 % чехословацкого импорта, а экспорт в СССР — 14,5 % всего экспорта ЧСР⁵⁰. В то же время 1945 год был годом проб и первых шагов в двусторонних связях между СССР и ЧСР. Разрушенный войной транспорт в обеих странах, перитмичность работы промышленности, низкая производительность труда ввиду физического истощения рабочей силы, неясность чехословацких экспортных возможностей, своекорыстие чехословацкой буржуазии, отсутствие договорной основы — все это препятствовало расширению взаимных экономических связей. Тем не менее Советский Союз, руководствуясь принципами солидарности, несмотря на все свои трудности послевоенной разрухи, не ограничивался рамками соглашений. Поставки сырья для чехословацких заводов и фабрик осуществлялись им задолго до подписания торговых соглашений, причем советскими транспортными средствами. Советские поставки в действительности были формой кредита, так как чехословацкая сторона не могла в 1945 г. осуществить и десятой доли ответных поставок. Да и те приходили с шестимесячным опозданием⁵¹.

Причиной такого пассивного баланса было не только то, что чехословацкие предприятия стали перерабатывать советское сырье и производить нужную для экспорта продукцию только во второй половине 1945 — начале 1946 г., но и прямой саботаж чехословацкой буржуазии, удерживавшей в своих руках экспорт. В первые два года после освобождения республики она сосредоточила внимание на экономике, и в особенности на внешнеэкономич-

ческих связях ЧСР, сохранив там преобладающее влияние. При этом ведущие политические представители буржуазии мало говорили о конкретных политических и экономических связях Чехословакии, не осмеливались подвергать сомнению союз с СССР и, таким образом, внешне выступали за полное выполнение союзнических обязательств. На деле же картина была совсем иной. В то время как торговый баланс с СССР у ЧСР был пассивным, со Швейцарией и США у нее было активное сальдо. Более того, когда товары для СССР были готовы к отправке, для них не находилось вагонов, перевозки же в капиталистические страны не задерживались⁵². В других случаях в Советский Союз пытались сбыть залежавшийся еще с войны на складах товар. Даже министр Г. Рипка вынужден был признать, что «запасы товаров в наших складах отвечают согласованному с СССР только на 6 %»⁵³.

Чехословацкие коммунисты резко реагировали на подобную практику невыполнения взятых на себя обязательств. В своем выступлении в Брно 7 ноября 1945 г. на митинге по случаю годовщины Октябрьской революции заместитель председателя правительства К. Готвальд указывал: «Именно Советский Союз был первый, который пошел нам навстречу, хотя и сам имел много трудностей, начал нам поставлять руду, бензин, хлопок и т. д., хотя мы Советскому Союзу не поставляли ничего, кроме поздравлений»⁵⁴.

С конца 1945 г. в ЧСР и СССР шла подготовка к заключению нового соглашения о взаимных поставках товаров, с учетом недостатков обмена предшествующего периода. В декабре 1945 г. в Москву приехала чехословацкая делегация во главе с министром промышленности Б. Лаушманом. Его задачей было изучение опыта управления народным хозяйством, столь актуального для Чехословакии в связи с проведенной национализацией, изучение структуры советского хозяйства, системы подготовки кадров, организации транспорта⁵⁵.

В ходе переговоров было подготовлено новое соглашение о взаимных поставках товаров и подписан протокол о поставках советского зерна в Чехословакию. При этом советские представители, наученные опытом предыдущего полугодия, настоятельно требовали, чтобы чехословацкие специалисты не преувеличивали экспортных возможностей ЧСР⁵⁶. В связи с восстановлением народного хозяйства СССР отдавал предпочтение импорту средств производства, и прежде всего станков и оборудования, проката. В целях

изучениях положения в чехословацкой промышленности и ее возможностей в начале 1946 г. в ЧСР побывало несколько делегаций советских специалистов.

Заключительный этап переговоров о новом соглашении о взаимных поставках товаров между СССР и ЧСР начался в марте 1946 г. «Ход переговоров и их результаты, — писал чехословацкий журнал „Загранични обход“, — свидетельствует об искреннем желании Советского Союза пойти навстречу нуждам нашей экономики, помочь в строительстве нашей промышленности и преодолении всех временных трудностей, которые возникают в международных торговых связях... Прежде всего необходимо резко увеличить общий объем нашей торговли с СССР, в частности по сравнению с довоенным объемом. При этом не нужно ссылаться на всякие политические моменты, как это часто делают некоторые комментаторы на Западе»⁵⁷.

Новое соглашение сроком на год было подписано 12 апреля 1946 г. в Москве, с чехословацкой стороны его подписал Г. Рипка, с советской А. И. Микоян. Рипка хотел подписать соглашение только на год, но советская сторона настояла на включении в преамбулу формулировки о продлении соглашения еще на год, если одна из договаривающихся сторон не депонирует его⁵⁸. В соглашении фиксировались только основные принципы, в соответствии с которыми должен был осуществляться товарооборот. Главным являлся принцип взаимной выгоды. Цены должны были определяться на базе уровня мировых цен или конкурентных предложений других стран. Этим уровнем чехословацкие внешнеторговые фирмы слишком часто злоупотребляли до 1948 г. Взаимные расчеты производились в форме клиринга через Национальный банк ЧСР и Госбанк СССР. Объем поставок устанавливался поэтапно, что было выгодно и Советскому Союзу и Чехословакии, ибо такая система позволяла более точно определять поставки и лучше использовать производственные мощности ЧСР⁵⁹.

Указанное соглашение включало также список товаров, в которых были заинтересованы обе стороны. Но оно не содержало твердых контингентов, а должен был стать основой для конкретных переговоров представителей отдельных промышленных отраслей, которым следовало заключить специальные соглашения. Кроме того, достигнута была договоренность о том, что обмен товарами можно производить и вне рамок условленных контингентов, а платежи осуществлять при этом в свободно конвертируе-

мой валюте⁶⁰. Это уже были элементы новой концепции экономических связей между Советским Союзом и Чехословакией.

В торговых соглашениях между капиталистическими государствами определяется только общий объем обмена товаров; конкретный же объем и ассортимент определяют экспортно-импортные фирмы. Государственные органы сохраняют лишь регулирующие функции. Соглашение же между СССР и Чехословакией предполагало, что экспорт и импорт товаров обеспечиваются прежде всего государственными органами.

Советский Союз обязался также помочь в транспортировке чехословацких товаров на западные рынки через советскую зону оккупации в Германии по реке Эльбе. Это стало возможным, поскольку Чехословакии были в то время переданы обнаруженные в советской зоне оккупации в Германии чехословацкие речные суда.

Составной частью соглашения о взаимных поставках товаров между СССР и ЧСР был протокол о поставке Чехословакии 30 тыс. т советского зерна. Первоначально она должна была получить зерно через ЮНРРА, однако под давлением США обещанные поставки были аннулированы⁶¹.

Подписанное соглашение о взаимных поставках товаров получило высокую оценку в обеих странах. В заявлении МИД ЧСР по поводу его представления на утверждение Временному Национальному собранию указывалось: «Подписанное соглашение открывает для нас большие возможности на рынке Советского Союза, особенно в связи с выполнением в СССР 4-й пятилетки, предполагающей большие капиталовложения и большую потребность машинного и станочного парка. Теперь все зависит от нас, от того, как мы сумеем использовать открывшуюся для нас возможность»⁶². Министр внешней торговли ЧСР Г. Рипка заявил на пресс-конференции в Праге: «Новое советско-чехословацкое соглашение о взаимных поставках товаров чрезвычайно выгодно как во взаимных отношениях между Чехословакией и СССР, так и в сравнении с соглашениями, подписанными нами с другими странами... Те, кто считает, что наша внешняя торговля находится в зависимости от СССР, ошибаются. Я был бы очень рад, если бы везде и всюду признавали независимость нашей внешней торговли так, как в Москве»⁶³.

Взаимоотношения между Советским Союзом и Чехословакией после освобождения интенсивно развивались не только в области внешнеполитических и внешнеэкономических связей, но и по линии общественных организаций. Уже в мае 1945 г. в Праге возобновил свою работу Союз друзей СССР, созданный еще до войны как общественная организация. Демократизация общественной жизни, активизация масс в процессе национально-демократической революции — все это позволило быстро восстановить членскую базу Союза друзей СССР. В конце 1945 г. он объединял в своих рядах около 250 тыс. членов, первым председателем его стал известный поэт Станислав Костка Нейман. Задачей Союза было устранение лживых измышлений о Советском Союзе и его политике, которые оставила буржуазная пропаганда домюнхенской республики и фашистская пропаганда времен оккупации. На собраниях Союза его активисты рассказывали об общественном устройстве СССР, источниках его военных побед, опыте социалистического строительства. К своему IV съезду, состоявшему в ноябре 1946 г., Союз друзей СССР пришел, имея только в чешских землях 1100 филиалов, к 31 декабря 1947 г. работали уже 2503 филиала, объединявшие 295 808 членов. Кроме того, имелось 890 коллективных членов Союза друзей СССР, это были общественные организации, включавшие более 2,5 млн человек. В Словакии Союз друзей СССР имел 94 филиала, объединявших 8465 членов⁶⁴.

За два года после освобождения Союз друзей СССР провел 20 402 мероприятия, в которых приняло участие 9 276 900 человек⁶⁵. Это были лекции, литературные вечера, обсуждения советских фильмов, постановка пьес советских авторов. Общереспубликанский масштаб приняло проведение эстафеты в честь 30-й годовщины Октября. Большим успехом у слушателей пользовался цикл лекций «30 победных лет СССР». Возобновлено было издание журнала «Свет Совету», выходявшего тиражом 110 тыс. экземпляров. Кроме того, Союз друзей СССР издавал календарь «Света Совету», библиотечку романов советских писателей, серию брошюр об управлении народным хозяйством в СССР, об организации народного образования, здравоохранения, о советской юстиции, системе налогов и т. д. Всего в 1945—1947 гг. вышло 19 824 650 эк-

земляров журнала «Свет Совету» и 533 330 экземпляров книг и брошюр»⁶⁶.

С первых дней освобождения ЧСР возобновило свою деятельность и Общество по культурному и экономическому сближению с Советским Союзом. Первым его мероприятием стал митинг, организованный уже 20 мая 1945 г. в зале им. Бедржиха Сметаны в здании муниципалитета в Праге. Возглавил Общество его создатель профессор Зденек Неедлы. Общество ставило своей главной целью пропаганду достижений советской науки и искусства среди чешской и словацкой интеллигенции. Оно организовало гастроли советских художественных коллективов, подготовило целый ряд выставок о Советском Союзе, выступлений с лекциями советских ученых, писателей, работников искусств, организовало встречи чехословацких и советских спортсменов. Возобновлен был выпуск журнала «Прага—Москва», посвященный проблемам развития чехословацко-советского политического, экономического и культурного сотрудничества. Несмотря на то что в среде чехословацкой интеллигенции наблюдался большой интерес к СССР, тем не менее сфера действия Общества по культурному и экономическому сближению с Советским Союзом была ограничена. Основными очагами его работ были Прага, Братислава и некоторые промышленные центры⁶⁷.

12 июня 1945 г. в Праге был создан Славянский комитет, куда вошли представители всех чешских политических партий. В Братиславе 4 июля было создано Всеславянское объединение словацкого народа, а 5 июля в предместье Братиславы, в природном амфитеатре замка Девиш у слияния рек Моравы и Дуная, был проведен первый Всеславянский день, превратившийся в манифестацию новой славянской взаимности, благодарности Красной Армии за освобождение всех славянских народов. Тесные связи с СССР воспринимались широкими народными массами Чехословакии с большим воодушевлением, трудящиеся видели в великой Советской Стране опору строительства нового народно-демократического государства.

**Укрепление и развитие отношений
нового типа между ЧСР и СССР
в условиях мирного урегулирования в Европе**

Успехи революционных сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и укрепление союзнических отношений между Советским Союзом и странами народной

демократии резко контрастировали с развернувшейся на Западе весной 1946 г. антикоммунистической и антисоветской кампанией. Ее инициаторами были наиболее реакционные круги империалистической буржуазии США и Великобритании. Обладая монополией на атомное оружие, военно-промышленный комплекс США требовал отбросить традиционные методы дипломатии — переговоры, соглашения, взаимные компромиссы, сотрудничество на взаимовыгодной основе, взаимное уважение интересов партнера. На первый план выступали политика «большой дубинки» и политика с позиции силы. Главным этапом этого курса стал У. Черчилль, открыто провозгласивший его в печально известной речи в Фултопе в США 5 марта 1946 г. Черчилль угрожал Советскому Союзу применением американского атомного оружия, он настаивал на создании агрессивного союза империалистических государств против СССР и стран народной демократии.

С одной стороны, СССР в заявлениях своих представителей выдвигал программу мира, подчеркивая, что народы не приемлют целей поборников третьей мировой войны⁶⁸. С другой стороны, сталинское руководство использовало бряцание оружием за Западе для дальнейшего «завинчивания гаек» на внутренней арене и усиления атмосферы «осажденной крепости», в которой только и могла существовать тоталитарная система.

Обострение ситуации на международной арене отразилось и на внутриполитической ситуации в Чехословакии и особенно ярко проявилось в период первой послевоенной предвыборной кампании весной 1946 г. Распад антигитлеровской коалиции и нарастание агрессивности сил империализма вызвали в буржуазных кругах в капут выборов надежду на поворот вправо и в Чехословакии. Их предвыборная кампания проходила под антикоммунистическими лозунгами. В случае победы на выборах, а таковая предполагалась американскими дипломатами⁶⁹, верхушка буржуазных партий рассчитывала на изменение внутриполитического развития и внешнеполитического курса Чехословакии, т. е. на ревизию достижений национально-демократической революции.

Национально-социалистическая партия в своем предвыборном манифесте вообще умолчала о своей точке зрения на внешнеполитическую ориентацию республики. С одной стороны, национальные социалисты накануне выборов опасались скомпрометировать себя открытым отказом от курса на укрепление связей с СССР, а с дру-

гой стороны, не хотели связывать себя обещанием продолжать в будущем политику союза с СССР. Народная партия в своем предвыборном заявлении провозглашала поддержку частного предпринимательства и отмежевывалась от реформ 1945 г. Вопрос о союзе с СССР она обошла молчанием⁷⁰.

Чешская буржуазия, исходя из установки ее лидера президента Э. Бенеша, заявившего, что советско-чехословацкий союз должен оставаться вне всякого обсуждения⁷¹, предпочитала по этому вопросу не высказываться. Реалистически мыслящие буржуазные политические деятели понимали, что критика СССР, принесшего свободу чехословацкому народу, дискредитировала бы их в глазах широких народных масс. В своем первом выступлении по проблемам внешнеполитической ориентации республики во Временном Национальном собрании в марте 1946 г. министр иностранных дел Я. Масарик заявил: «Наш союз с Советским Союзом основан на глубокой искренней любви всего нашего народа к русскому народу и благодарности за то, что Красная Армия внесла решающий вклад в дело нашего освобождения. Наш союз с СССР имеет неизменное значение и никогда не должен превратиться в предмет каких-либо партийных дискуссий»⁷².

Открытую антисоветскую позицию заняла словацкая Демократическая партия. Лидеры партии, в руководстве которой преобладали протестанты, искали возможности усилить свои позиции для борьбы на выборах путем установления контактов с католическим клиром, запятнавшим себя прямой поддержкой фашистского режима в период войны. 30 марта 1946 г. руководители Демократической партии заключили соглашение с представителями католического клира. По сути дела, происходило объединение словацкой буржуазии, принимавшей участие в движении Сопротивления, с фашистской буржуазией⁷³. Г. Гусак отмечал, что под вывеской Демократической партии выступали как бы две партии: «Одна демократическая партия говорила о восстании, о чехословацкой демократии, о сотрудничестве с коммунистической партией... Другая демократическая партия, заключившая соглашение, вытащила на свет все старое оружие из своего людацкого арсенала: против коммунизма, против Красной Армии и Советского Союза, против чехов, против евреев, за реабилитацию глишковой партии, против „героев землянок“ (партизан.— *И. П.*), за освобождение Тисо и за жесткий курс по отношению к сегодняшнему режиму»⁷⁴.

Эта эволюция определила и открыто антисоветскую позицию Демократической партии, занятую ею накануне выборов. Пресса «демократов» была полна антисоветских измышлений. Нападки на СССР со стороны представителей этой партии достигли такой степени, что 30 апреля 1946 г. генеральный консул Советского Союза в Братиславе Демьянов заявил по поручению своего правительства председателю Словацкого национального совета устный протест против антисоветской кампании в газетах «Час», «Демократицки глас», «Демократ», «Глас праце». Он подчеркнул, что статьи в них противоречат советско-чехословацким союзническим отношениям ⁷⁵.

6 мая антисоветская кампания в буржуазной прессе Словакии осуждена была на заседании словацкого Корпуса уполномоченных ⁷⁶. Против антисоветских измышлений на страницах печатных изданий Демократической партии выступили рабочие типографии «Словенска графия», они пригрозили прекратить выпуск этих изданий ⁷⁷.

Получив отпор, буржуазные круги в чешских землях и в Словакии избрали иной путь антисоветской пропаганды, путь «критики» платформы КПЧ. На страницах чешской и словацкой буржуазной прессы все чаще стали публиковаться материалы, содержавшие нападки на политику КПЧ. Разоблачая измышления буржуазных партий, К. Готвальд указывал: «Посмотрите, как они относятся к существующему строю и к Советскому Союзу, и вы увидите, что в официальных речах они клянутся в любви и преданности, а тайком распространяют различные слухи» ⁷⁸.

Позиция КПЧ по вопросу внешнеполитической ориентации республики была ясной и однозначной. Ее программа на ближайший период была определена на VIII съезде, состоявшемся в марте 1946 г. На съезде острой критике были подвергнуты попытки изменить на внешнеполитическую ориентацию ЧСР. КПЧ подчеркивала, что тот, кто пытается помешать союзу с СССР, подрывает основы государственной независимости и национальной свободы Чехословакии ⁷⁹. Коммунисты напоминали об опыте прошлых лет, в первую очередь о мюнхенской трагедии, которая ясно показала, что в то критическое время СССР оставался единственным верным другом Чехословакии и защитником ее независимости. Сохранение ориентации Чехословакии на тесный союз и дружбу с Советским Союзом, указывалось на съезде, — это важная и самая главная задача, ибо такая ориентация внешней политики является

краугольным камнем национальной и государственной политики Чехословакии⁸⁰. «Союз с Советским Союзом, — подчеркивал в своем докладе на VIII съезде КПЧ К. Готвальд, — гарантирует сохранение и укрепление существующего курса внешней и внутренней политики Чехословакии, ее народного и демократического характера, а также последовательное проведение в жизнь и дальнейшее творческое развитие всего того, что было начато национально-демократической революцией»⁸¹.

На состоявшихся 26 мая 1946 г. выборах в Законодательное Национальное собрание коммунисты Чехословакии добились крупной политической победы. За них в целом по стране проголосовали 38 % избирателей; национальные социалисты, претендовавшие на политическую гегемонию в чешских землях, получили там только 23,66 % голосов, а в целом по стране — 18,29 %. Иные результаты оказались в Словакии. Здесь за КПС проголосовало 30,37 % избирателей, а Демократическая партия набрала с помощью клерикальной реакции 62 %⁸². Результаты выборов подтвердили, что КПЧ располагает доверием широких слоев трудового народа. Решительная победа коммунистов на выборах создавала условия для дальнейшего упрочения позиций рабочего класса в государственном управлении, повышения его руководящей роли, в укреплении внешнеполитического курса на тесное сотрудничество с СССР и странами народной демократии. Впервые в истории Чехословакии коммунист К. Готвальд стал председателем правительства.

Новое правительство внесло 8 июля 1946 г. на рассмотрение Законодательного Национального собрания так называемую Созидательную программу. В разделе о внешней политике подчеркивалось, что безопасность и существование республики зависят от постоянного и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом. Отмечалась необходимость не только политического и военного союза, но и углубление и расширение взаимных культурных и экономических связей. В правительственной программе указывалось также на важность развития политических, экономических и культурных связей с Францией, Великобританией, США и другими странами. При этом подчеркивалась необходимость полного равноправия в отношениях с капиталистическими странами, сохранения бдительности в отношении Германии, а также последовательного осуществления всех решений Берлинской (Потсдамской) конференции⁸³.

По своим задачам Созидательная программа была программой перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую. В ней содержались конкретные предложения, направленные на дальнейшее строительство народно-демократической республики. Намечалось разработать новую конституцию, которая закрепила бы революционные завоевания трудящихся, первый двухлетний план восстановления и дальнейшего развития экономики республики. Переход к плановому ведению хозяйства должен был продемонстрировать преимущества экономической политики народно-демократического государства. Программа правительства содержала положения по крестьянскому вопросу, предусматривавшие завершение земельной реформы⁸⁴.

Борьба за реализацию Созидательной программы проходила в атмосфере все усиливавшихся классовых боев в Чехословакии. Победа коммунистов на выборах и получение ими в новом правительстве важных постов, в том числе поста премьер-министра, в руках коммунистов стали предпосылкой того, что принципы пролетарского интернационализма, до этого действовавшие прежде всего в сфере взаимоотношений КПЧ и ВКП(б), распространялись и на межгосударственные отношения между СССР и ЧСР.

Первым внешнеполитическим шагом нового правительства Чехословакии была поездка в июле 1946 г. правительственной делегации во главе с председателем К. Готвальдом в Москву. Переговоры в Москве охватили широкий круг вопросов, в том числе координацию действий на международной арене, в частности по проблемам мирной конференции в Париже, вооруженного сотрудничества, транспортных связей, долгосрочного торгового соглашения, проблемы трофейного имущества СССР на территории Чехословакии. С советской стороны ЧСР была обещана полная поддержка при выработке и подписании мирных договоров с Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией в Париже. Советское правительство предоставило Чехословакии крупный кредит на закупку вооружения для ее армии. Подписано было соглашение об установлении воздушного сообщения между обеими странами, а также подготовлено к подписанию соглашение о советско-чехословацком железнодорожном сообщении (подписано 26 ноября 1946 г.).

Важным результатом июльских советско-чехословацких переговоров было соглашение о трофейных предприятиях и имуществе на территории ЧСР, принадлежавшем,

согласно репарационным соглашениям, Советскому Союзу. Все это имущество, в том числе завод по производству синтетического бензина в Залужи у г. Мост, металлургический завод Витковице-юг и другие было передано Чехословакии⁸⁵.

Телеграмму о решении Советского правительства рабочим химического комбината в Залужи зачитал посол СССР в Чехословацкой республике В. А. Зорин⁸⁶. Советское правительство также признало правомочными претензии Чехословакии на принадлежавшее чехословацким гражданам без учета их национальности имущество, которое находилось в тогдашней советской зоне оккупации Германии⁸⁷.

Состоялись переговоры на уровне экспертов по финансовым проблемам. Советские представители поставили вопрос о финансовом возмещении переданных Чехословакии завода по производству синтетического бензина и оборудования ряда предприятий. Кроме того, материальной компенсации требовали восстановительные работы, проведенные советскими войсками на территории Чехословакии в 1945 г., и др. Во время личной встречи К. Готвальда с И. В. Сталиным обсуждались финансовые проблемы. Советская сторона отказалась от своих претензий без их финансового возмещения⁸⁸. Этот шаг Советского правительства стал еще одним подтверждением формирования отношений между СССР и Чехословакией на новых принципах.

Выполнение экономической части Созидательной программы, т. е. двухлетнего плана, зависело от следующих основных предпосылок: обеспечения промышленности достаточным количеством сырья и рабочей силой. Сырьевая база у Чехословакии практически отсутствовала, и ее развитая обрабатывающая промышленность могла быть обеспечена только путем импорта сырья и полуфабрикатов, процент которых в общем импорте ЧСР на 1946 г. составлял 51,2 %⁸⁹. Это, в свою очередь, требовало высокого уровня экспортных возможностей. Поэтому внешняя торговля, ее интенсивность оставались для Чехословакии одним из главных факторов жизнеспособности ее экономики. Ввиду этого внешняя торговля в восстановительный период была жизненно важной сферой республики и проблемой не только экономической, но и политической, как показал уже опыт 1945 г. Революционные силы во главе с КПЧ в упорной борьбе с буржуазией, удерживавшей в своих руках основные рычаги внешней торговли, стреми-

лись в соответствии с политической ориентацией Чехословакии на союз с СССР добиться такой же ориентации во внешнеэкономической сфере. Это отмечалось и в Созидательной программе: «Нашу внешнюю торговлю необходимо ориентировать таким образом, чтобы обеспечить постоянные рынки сбыта нашей продукции и источники импортных потребностей, которые не будут зависеть от колебаний в мировой экономике и от кризисов. С этой целью необходимо прежде всего целенаправленно и всесторонне расширять и углублять экономические связи с Советским Союзом и остальными славянскими государствами и странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Одновременно мы будем систематически углублять экономические отношения с Соединенными Штатами, Великобританией и другими государствами»⁹⁰.

Для развития экономического сотрудничества с СССР в Чехословакии вскоре были созданы две организации. Согласно решению чехословацкого правительства от 25 июня 1946 г., в августе того же года была учреждена канцелярия уполномоченного по вопросам торговли с СССР, а в марте следующего года — чехословацко-советская торговая палата, в задачи которой входило «поддерживать торговые, финансовые, промышленные и другие экономические связи между Чехословацкой республикой и Советским Союзом»⁹¹.

В мае 1946 г., еще до утверждения Созидательной программы чехословацкого правительства, группа экспертов Государственного управления по планированию начала подготовку плана чехословацко-советского экономического сотрудничества, который должен был быть увязан с пятилетним планом восстановления народного хозяйства СССР. Подготавливаемый план был весьма обширным и предусматривал установление прочных транспортных связей между двумя странами, производственную программу и программу капиталовложений в те отрасли промышленности, продукция которых экспортировалась в СССР. Учитывалась также возможность синхронизации будущих пятилетних планов, планов научно-технического сотрудничества, возможность прямого сотрудничества Словакии с отдельными союзными республиками Советского Союза⁹². Так, уже в 1946 г. в плане взаимного экономического сотрудничества между СССР и ЧСР появляются интеграционные моменты.

По просьбе К. Готвальда Советский Союз оказал большую помощь Чехословакии в изучении нефтеносных райо-

нов ЧСР, восстановления документации разведки нефти, уничтоженной фашистскими оккупантами. Советские специалисты уже осенью 1946 г. приступили к составлению карт нефтеносных районов, комплексной технологической документации. СССР поставил также оборудование для разведки и добычи нефти в Чехословакии⁹³. Большую помощь оказал Советский Союз на основании соглашения от 23 ноября 1945 г. о совместной добыче урана в разработке этого важного стратегического сырья. Поставки урана в СССР в первые послевоенные годы представляли частичный эквивалент за советское сырье⁹⁴.

В 1946 г. взаимный товарооборот между СССР и ЧСР увеличился. Если в 1945 г. он составил 265 млн рублей, то только за первую половину 1946 г. он достиг уже 245,2 млн. Экспорт из Чехословакии в СССР возрос с 5,8 млн рублей в 1945 г. до 137 млн. Советский экспорт в Чехословакию — соответственно с 20,7 млн до 108,2 млн.⁹⁵

При этом обмен товаров менялся не только по объему, но и по структуре. В экспорте СССР на первом месте было сырье для тяжелой промышленности (418,3 т железной руды, что составило 23,3 % импорта ЧСР), на втором — хлопок (6652 т, что составило 33,9 % импорта хлопка в ЧСР) и шерсть, на третьем — зерно. В экспорте Чехословакии первое место занимали товары широкого потребления (853 тыс. пар, т. е. почти весь советский импорт, обуви; 15 млн метров хлопчатобумажных тканей, составивших 19,2 % советского импорта; 3600 т, или 13 % советского импорта сахара), машины и оборудование (581 металлообрабатывающий станок, или 11,7 % советского импорта; 60 % советского импорта оборудования предприятий легкой промышленности; 14 % импорта дорожных строительных машин; 47 900 т, или 35,5 % советского импорта, проката; 21 900 т, или 34 % советского импорта стальных труб)⁹⁶. В целом доля Чехословакии в советском импорте достигла в среднем 4,3 %, что соответствовало шестому месту после США, Польши, Болгарии, Китая и Монголии. В целом экономические взаимоотношения между СССР и ЧСР развивались благополучно, несмотря на трудности послевоенного восстановления хозяйства обоих государств. В стоимостном отношении Чехословакия к тому же имела активный баланс. Все это резко контрастировало с дискриминационной экономической политикой США в отношении ЧСР.

Победа чехословацких коммунистов на выборах в мае 1946 г. и дальнейшее укрепление власти трудящихся в

республике вызвало крайнее раздражение в Вашингтоне. Зная об экономических трудностях, которые переживала Чехословакия в период реконструкции народного хозяйства, США использовали целый ряд дискриминационных мер экономического характера в целях оказания давления на чехословацкое правительство. Государственный секретарь Д. Бирнс писал в своих воспоминаниях: «Однажды (на заседании мирной конференции в Париже.— *И. П.*), когда Вышинский в очередной раз выступал с обвинениями в адрес Соединенных Штатов, что они пытаются подчинить себе мир с помощью „протянутого пряника“, я заметил, что чехословацкие делегаты, сидевшие на два ряда впереди нашей делегации, восторженно ему аплодировали. Я тут же позвонил в госдепартамент и дал указание, чтобы кредит Чехословакии был заблокирован»⁹⁷. Под давлением США заблокирован был также кредит ЧСР в международном экспортно-импортном банке, а также в Международном банке реконструкции и развития. Внешне США мотивировали свои дискриминационные действия тем, что экономическая ситуация Чехословакии будто бы улучшилась. Кроме того, по мнению представителей США, правительство Чехословакии не проявило доброй воли в урегулировании имущественного вопроса граждан США в связи с национализацией⁹⁸.

Решение госдепартамента США вызвало острую дискуссию в Национальном собрании Чехословакии. Депутаты правых партий подвергли резким нападкам внешнеполитическую линию правительства К. Готвальда. Причину дискриминационной политики США в отношении Чехословакии они видели только в том, что коммунисты и их пресса слишком активно выступали на стороне Советского Союза и неумеренно, по их мнению, критиковали американскую политику. Пресса чехословацких буржуазных партий прямо требовала прекратить всякую критику политики США⁹⁹. Представители буржуазных партий настояли на посылке в США делегации ЧСР, которая урегулировала бы трения между обеими сторонами по экономическим вопросам. Делегация министерства внешней торговли, находившегося практически в руках представителей национально-социалистической партии, выехала в США в октябре 1946 г. 14 ноября после длительных переговоров была подписана совместная чехословацко-американская декларация о взаимной торговле. В ней подчеркивалась необходимость укрепления и расширения торговых и экономических связей Чехословакии с США.

В буржуазных кругах ЧСР декларацию восприняли с ликованием, считая, что ее осуществление приведет к расширению связей с США и укреплению экономических позиций буржуазии. Во время дебатов в парламенте депутаты-коммунисты решительно выступали против нападков на союз с СССР со стороны представителей буржуазии. Видный деятель КПЧ Ю. Долапский заявил: «Я делаю это заявление потому, что в связи с недавно подписанной вашингтонской декларацией о принципах торгово-экономических отношений между Чехословакией и Соединенными Штатами Америки, раздаются голоса о несовместимости ее с нашими обязательствами, исходящими из союзного договора с Советским Союзом и экономического соглашения (с СССР.— *И. П.*), подписанного 12 апреля этого года. Я решительно заявляю, что вашингтонская декларация ничего не меняет и изменить не может в содержании нашего союза с Советским Союзом»¹⁰⁰. Умерить пыл и восторги своих коллег постарался и Г. Рипка, заявивший в бюджетной комиссии парламента, что «указанная декларация не меняет и не может ничего изменить в наших союзнических отношениях с СССР... Делаю это заявление для того, чтобы рассеять всяческие домыслы, которые могут возникнуть, а также с той целью, чтобы все и всюду осознали, что любые наши торговые соглашения, декларации, заключенные и подписанные с какими угодно государствами, ни в коем случае не должны оказывать негативного влияния на торговые отношения и связи с Советским Союзом, основанные на нерушимом чехословацко-советском сотрудничестве»¹⁰¹. Однако со стороны буржуазного деятеля то были только риторические упражнения. Именно Г. Рипка как министр внешней торговли делал все для того, чтобы крепче привязать экономически ЧСР к Западу.

* * *

С весны 1946 г. все больше углубляется раскол Европы и мира, растет недоверие между формирующимися группировками государств. С обеих сторон нагнетается чувство опасности и неуверенности. Этому способствовало и отсутствие завершающего военные конфликты акта — мирного договора между победителями и побежденными. Коммунисты, придя к власти в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, естественно стремились опереться в этой обстановке на свою основную внешнюю

опору — Советский Союз. В глазах широких народных масс это выглядело вполне естественным, как бы продолжавшим опыт общей борьбы против фашизма, совместных выступлений в рамках антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны и на международной арене после ее окончания. Коммунисты стран Центральной и Юго-Восточной Европы пуждались в такой поддержке СССР в виду сложности внутреннего положения в странах региона и в связи с осуществленным ими глубокими политическими и социально-экономическими преобразованиями. На этом фоне начинается формирование новой системы союзных договоров между СССР и странами региона ¹⁰².

Наиболее активные, плодотворные и многосторонние контакты имели место между Чехословакией, Польшей и Югославией, бывшими союзниками в борьбе с фашизмом ¹⁰³. В новых условиях их сотрудничество наполнялось новым политическим содержанием. Возникла необходимость в юридических актах, которые бы фиксировали складывание союзнических отношений между странами региона и дополняли уже действовавшие договоры СССР с Чехословакией, Югославией и Польшей. Важным шагом на пути к этому были визиты премьер-министра народной Югославии маршала И.-Б. Тито в Польшу и Чехословакию в марте 1946 г. Эти визиты демонстрировали стремление укрепить сотрудничество в момент, когда западные державы поставили под сомнение окончательный характер решений, принятых на Берлинской (Потсдамской) конференции относительно послевоенных реалий в Центральной Европе. 18 марта 1946 г. в Варшаве был подписан Договор о дружбе и взаимной помощи между Польшей и Югославией, а 9 мая того же года в Белграде — Договор о дружбе и сотрудничестве между Чехословакией и Югославией ¹⁰⁴.

Существенным компонентом складывавшейся новой системы двусторонних межгосударственных отношений были отношения между Польшей и Чехословакией, которые в послевоенное время стремились покончить с порой далеко не дружественными отношениями в прошлом ¹⁰⁵. Самыми последовательными сторонниками нормализации межгосударственных отношений были чехословацкие и польские коммунисты. Демократические силы в обеих странах смогли противостоять попыткам разжечь националистические страсти. Советское руководство также прилагало максимум усилий для урегулирования спорных вопросов в отношениях между Чехословакией и Польшей и образования союзной системы между тремя государствами, как

это предполагалось согласно дополнительному протоколу советско-чехословацкого договора 1943 г. Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин направил телеграмму президенту Э. Бенешу и чехословацкому правительству, в которой, ссылаясь на указанный протокол, указывал на необходимость подписания союзного договора между Чехословакией и Польшей до решения спорных пограничных вопросов, т. е. «по возможности в августе этого года»¹⁰⁶.

Телеграмма И. В. Сталина стала предметом обсуждения на срочном совещании Э. Бенеша и чехословацкого правительства. После совещания президент написал ответ Сталину, в котором говорилось: «Ввиду того, что наше правительство и я сам искренне желаем заключить договор с Польшей и не исключаем, что именно таким путем можно было бы к нему прийти, я склонен согласиться на такие переговоры при условии, которое указано в Вашей телеграмме. Учитывая Вашу инициативу, ни я, ни наше правительство не будем ставить условия решения всех спорных вопросов между нами и Польшей до подписания такого договора»¹⁰⁷.

Во второй половине 1946 г. после выборов в Чехословакии и референдума в Польше, принесших победу левым силам этих стран, процесс их сближения усилился. Укреплялось экономическое сотрудничество между обоими государствами, развивались контакты и в других сферах. Солидарно выступали обе стороны и на Парижской мирной конференции. 5 марта 1947 г., в период обсуждения германского вопроса на Лондонской конференции заместителей министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и накануне Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), в Польше и Чехословакии было оглашено коммюнике о достижении соглашения относительно текста договора между ними, что было расценено как демонстрация единства двух стран. 10 марта 1947 г. был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи между Чехословакией и Польшей¹⁰⁸. Этот договор рассматривался в обоих государствах как начало нового этапа в отношениях между ними, как фактор укрепления мира в Европе. Понимание общности национально-государственных интересов и необходимости сотрудничества, заложенное в договоре, вкупе с его положениями, предусматривавшими совместные действия против возможности германской угрозы, сближало его с ранее заключенными двусторонними договорами СССР с Чехословакией, Польшей и Югославией.

Договоры, заключенные между СССР и странами народной демократии и между самими этими странами в 1946—1947 гг., явились логическим завершением усилий Советского Союза и просоциалистических сил Чехословакии, Польши и Югославии, направленных на укрепление дружбы, единства и всестороннего развития связей. Эти договоры создавали в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе новую систему политических и экономических двусторонних контактов. Договоры гарантировали безопасность в данном регионе Европы и создавали благоприятные внешние условия для закрепления проводившихся в странах народной демократии глубоких преобразований, их дальнейшего развития. Возникновение договорной системы Советского Союза, Чехословакии, Польши и Югославии в конечном итоге способствовало оформлению лагеря социалистических стран.

Характерно, что в этих договорах особо подчеркивалась необходимость совместной защиты против возможного повторения агрессии со стороны Германии, хотя в 1946 г., в условиях оккупации Германии союзными войсками, она не представляла прямой опасности для стран региона. Но именно на немецкой земле отход западных держав от согласованных и принятых в Потсдаме и на сессиях СМВД решений был наиболее далеко идущим, именно по германскому вопросу разногласия бывших союзников непрерывно нарастали. Непосредственную угрозу безопасности стран Центральной и Юго-Восточной Европы представляла политика западных государств, их стремление сохранить и укрепить германский монополистический капитал и силы, связанные с ним. Поэтому наличие в договорах статей, предусматривавших солидарные действия в случае военной угрозы со стороны Германии и присоединившихся к ней государств, следует рассматривать как своего рода предупреждение агрессивным силам¹⁰⁹.

В то же время представители Чехословакии, Польши и Югославии заявили, что договоры полностью соответствуют духу Устава ООН и их подписание не является созданием какого-либо блока государств, направленного против других стран. Не имели под собой никакой основы высказывания западной консервативной печати об организации какого-либо агрессивного «славянского блока»¹¹⁰.

СССР, а также Чехословакия и другие народно-демократические страны постоянно требовали действительного проведения демилитаризации, декартелизации и депацификации и последовательной демократизации об-

пественной жизни в Германии. Чехословацкая общественность была обеспокоена оживлением реваншизма в западных зонах оккупации Германии, в особенности в среде переселенцев из Чехословакии и Польши. В связи с этим чехословацкое правительство в течение 1947 г. неоднократно выражало протест американским оккупационным властям в Германии и правительствам западных государств ¹¹¹.

Польша и ЧСР требовали, чтобы им как первым жертвам германской агрессии было предоставлено право участия во всех дискуссиях о Германии, которые в то время велись в СМВД четырех великих держав. Председатель чехословацкого правительства К. Готвальд заявил 19 января 1947 г.: «Наши предложения и требования преследуют единственную цель — создание самых надежных гарантий против возможного повторения немецкого нападения на мирные государства»¹¹². Чехословацкие предложения встретили поддержку только со стороны советской делегации.

СССР, Чехословакия и другие пародно-демократическо государства солидарно выступали и на Парижской мирной конференции 1946 г. Ее работа проходила в условиях начавшейся «холодной войны» ¹¹³.

Делегация СССР, УССР, БССР на мирной конференции способствовала выработке взаимоприемлемых условий мирного договора с Венгрией в той его части, которая касалась Чехословакии. Граница между ЧСР и Венгрией оставалась прежней, за исключением небольшой поправки в районе Братиславы на правом берегу Дуная. Решения Венского арбитража 1938 г. были аннулированы ¹¹⁴.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧСР И СССР И «ПЛАН МАРШАЛЛА»

Подписание мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии было практически последним совместным актом союзников по антигитлеровской коалиции. В Европе и во всем мире наступил новый этап развития международных отношений, для которого характерно было острое противостояние двух систем, сгруппированных вокруг США и СССР, доходившее иногда до опасной черты военного конфликта¹.

В конце сентября 1947 г. в Польше собрались представители некоторых коммунистических партий Европы. В одном из припавших на совещании документов говорилось о проводившейся в тот период политике США: «„Доктрина Трумэна“ предусматривала не только размещение американских баз в Средиземноморье, прямую поддержку реакции в Греции и Турции, но и непрерывный нажим на пародно-демократические государства, постоянное вмешательство во внутренние дела этих государств... демонстративное прекращение экономических связей с этими странами...»².

Начало «холодной войны» отразилось и на советско-чехословацких отношениях. Буржуазия в Чехословакии восприняла политику США «с позиции силы» как сигнал к действию. Открыто нападать на союз Чехословацкой республики с СССР и советскую внешнюю политику политические деятели из национально-социалистической, пародной и словацкой Демократической партии не решились, они избрали другой путь. Органы печати этих партий были полны тенденциозных сообщений западных информационных агентств и тенденциозных высказываний политических деятелей капиталистических стран в отношении Советского Союза и стран пародной демократии³. 23 февраля 1947 г. советский посол в Чехословакии вручил чехословацкому министру иностранных дел ноту протеста правительства СССР против клеветнических измышлений буржуазной чехословацкой прессы. Нападки на советско-чехословацкий союз со стороны буржуазных партий Че-

чехословакии были подвергнуты резкому осуждению на пленуме ЦК КПЧ, проходившему в январе 1947 г.⁴

Большие надежды чехословацкая буржуазия возлагала на заключение чехословацко-французского союзного договора, видя в нем противовес советско-чехословацкого договора. С его помощью она надеялась осуществлять политику «моста между Востоком и Западом». Открытый антисоветизм и силовые методы давления дипломатии США отпугивали президента Бенеша. Он был реалистом и ему больше импонировал «средний путь» Франции, сохранявшийся ею до весны 1947 г.⁵ Кроме того, Бенеш и его сторонники из буржуазных партий понимали, что предметом особого интереса США в Европе является не Чехословакия, а Германия.

Советский Союз как основной союзник Чехословакии поддерживал идею заключения союзнического договора между Чехословакией и Францией. Но для того, чтобы он действительно стал важным звеном в системе безопасности в Европе, как указывали советские представители, этот договор по своему содержанию должен соответствовать советско-чехословацкому и советско-французскому договорам⁶.

Французская сторона всячески затягивала обсуждение проекта договора, в результате чего французский контрпроект из Парижа в Прагу пришел только спустя 11 месяцев. За истекший период в политической жизни Франции, как и Западной Европы в целом, произошел сдвиг вправо. 4 марта 1947 г. Франция подписала союзный договор с Великобританией, направленный не против Германии, а против СССР и его союзников⁷. Вскоре, 4 мая того же года, из правительства Франции были удалены коммунисты. На этом фактически «средний путь» Франции закончился. Такое развитие не замедлило сказаться и на франко-чехословацких переговорах. 31 мая Прага получила французский контрпроект, который весьма разочаровал чехословацкое правительство. Франция отказывалась брать на себя обязательства выступить против союзников Германии и отклонила принцип автоматического оказания помощи ЧСР. Французский контрпроект содержал только предложение о консультации в случае нападения агрессора и не давал Чехословакии гарантии безопасности⁸.

Во французском контрпредложении отчетливо прослеживалось влияние Великобритании, также отказывавшейся от уточнения советско-британского договора по воп-

росу о том, чтобы обязательства о взаимной помощи договаривающихся сторон распространялись и против союзников Германии⁹. Советское правительство как правительство союзного Чехословакии государства в ответ на запрос чехословацкого правительства советовало, чтобы ЧСР не отступала от первоначального проекта чехословацко-французского договора¹⁰. В переданной 25 июня 1947 г. советским послом министру иностранных дел ЧСР ноте указывалось, что правительство СССР считает возражения чехословацкого правительства в отношении изменений проекта чехословацко-французского договора о взаимной помощи обоснованными¹¹. Такой договор не соответствовал национально-государственным интересам Чехословакии, и поэтому КПЧ решительно выступила против его подписания. Этот факт явился поводом для новых нападок буржуазных чехословацких политических деятелей на генеральную линию чехословацкой внешней политики. 4 июля 1947 г. на заседании внешнеполитического комитета Национального собрания депутаты национально-социалистической, народной и Демократической партий сделали запрос министру иностранных дел: зачем нужны консультации с союзниками по вопросу чехословацко-французского договора? (Правительство ЧСР консультировалось по данному вопросу также с Югославией и Польшей). Запрос этот явно имел антисоветский оттенок. Буржуазные министры и политические деятели Чехословакии Ф. Гала, И. Духачек, П. Тигрид предприняли по своей инициативе несколько вояжей в Париж и Лондон, добиваясь заключения чехословацко-французского договора. Чехословацкие политические деятели всячески стремились заручиться поддержкой Запада. Обращаясь к министру иностранных дел Франции Ж. Бидо, министр почт ЧСР Ф. Гала сказал: «Вы — наш друг и поймете абсолютную недопустимость того, чтобы у чешского народа появилось подозрение, что Франция его бросила, ибо это оказало бы на него деморализующее воздействие»¹².

В конечном итоге чехословацкое правительство приняло проект решения, которое выдвинули коммунисты. В нем говорилось, что ЧСР заинтересована в заключении договора с Францией, но такого же полноценного, какой она подписала с Советским Союзом, Югославией и Польшей¹³. Поскольку французский проект этому требованию не отвечал, то переговоры между Францией и ЧСР по данному вопросу завершились безрезультатно. Попытки буржуа-

зии во внешнеполитической сфере уравновесить союз Чехословакии с СССР союзным договором с Францией оказались на том этапе безуспешными. С тем большим рвением буржуазные круги стали стремиться взять реванш в области внешнеэкономических связей.

Начиная с 1946 г. чехословацкая буржуазия попыталась ослабить экономические связи между ЧСР и СССР. Это проявилось прежде всего в падении доли СССР во внешнеторговом обороте Чехословакии. Если в 1945 г. доля Советского Союза составляла 25 %, в 1946 г. уже только 10,9, то в начале 1947 г. она понизилась до 6 %. В общем внешнеторговом обороте Чехословакии СССР со второго места переместился на шестое¹⁴. Таким образом, противодействие буржуазии укреплению союза между ЧСР и СССР во внешнеэкономической сфере достигло определенных успехов. Произошло это в силу сложившейся тяжелой ситуации в чехословацкой экономике и расстановки сил на внутривнутриполитической арене. Структура чехословацкой внешней торговли с точки зрения процентной доли в ней национализированного сектора была неблагоприятной. Доля этого сектора в оптовой торговле составляла 5 %, а в кооперативной — 20 %, остальные 75 % падали в руках 4—5 тыс частных капиталистических фирм¹⁵. Последние получали всестороннюю поддержку министерства внешней торговли, руководимого одним из лидеров национально-социалистической партии, Г. Рипкой. Хотя на словах Рипка неоднократно подчеркивал преимущества расширения торговых связей с СССР, на деле он как министр делал все для того, чтобы предоставить полную свободу действий капиталистическим внешнеторговым фирмам. Те в свою очередь заинтересованы были прежде всего в краткосрочных операциях с быстрым оборотом капитала и высокой прибылью. Крупные и долгосрочные операции, которые предлагал Советский Союз и к которым благосклонно относилось правительство ЧСР (они обеспечивали выполнение двухлетнего плана), капиталистические фирмы не интересовали. Частные чехословацкие фирмы, помимо всего прочего, значительную часть своей прибыли обеспечивали за счет валютных махинаций, а СССР предлагал клиринговый обмен. В результате при попустительстве министерства Г. Рипки из Чехословакии практически происходила утечка валюты, достигшая в конце 1947 г. 3 млрд крон в год¹⁶. Действия министра Рипки и покровительствуемых им чехословацких капиталистических фирм получали к тому же полную поддержку

президента Э. Бенеша. Последний заявил корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» 7 мая 1947 г., что «Чехословакия смотрит на Советский Союз как на своего защитника». Торговля между ЧСР и СССР, как указывал Бенеш, выросла еще в довоенное время. Вместе с тем, подчеркнул он, «самыми важными торговыми связями для Чехословакии остаются связи с западным миром — Европой, Англией, Америкой — и таковыми останутся и в дальнейшем»¹⁷.

Чувствуя достаточно мощную поддержку, капиталистические торговые и промышленные фирмы ЧСР проявляли большую изобретательность в сокращении своих операций на советском рынке. К примеру, они ловко использовали открытость советских партнеров, предупреждавших на первых порах, ввиду разрухи, о трудностях поставок из СССР сырья самого высокого качества. Получив его в самые трудные месяцы, капиталистические фирмы уже в 1946 г. под предлогом некондиционности сырья из СССР стали размещать свои заказы на руду и хлопок в США и Швеции. Министерство внешней торговли ЧСР обеспечивало эти заказы конвертируемой валютой, легализовав тем самым утечку ее из республики.

Применялись и другие формы саботажа внешнеторговых связей с СССР. Так, в соответствии с соглашением о товарообороте между ЧСР и СССР от 12 апреля 1946 г. за основу брались мировые цены. Однако изделия чехословацкой промышленности, в особенности металлургической и металлообрабатывающей, ввиду устарелости технологии не соответствовали мировым стандартам. Чехословацкие фирмы требовали за свою продукцию цены на 20 % выше мировых, а некоторые беззастенчиво завышали цены на металлопродукцию на 100 % и больше. Советская сторона шла на определенные уступки, искала компромиссное решение. Она готова была заплатить на 30,5 % дороже, чем за американские изделия, что, в сущности, было платой за более быструю и гарантированную доставку¹⁸. Однако фирмы ЧСР упорно настаивали на своем, идя на незначительные уступки. Все это свидетельствовало о неудовлетворительном состоянии экономических связей между ЧСР и СССР к началу 1947 г. Сопrotивление чехословацких капиталистических фирм, пользовавшихся поддержкой чехословацких буржуазных политических деятелей, давало свои плоды.

Чехословацкая буржуазия почувствовала еще большую уверенность после провозглашения в середине 1947 г.

администрацией США «плапа Маршалла», который буржуазная пропаганда рассматривала как панацею от всех послевоенных бед Европы. Однако действительность была более прозаичной. США, используя свой экономический перевес и монополию на атомное оружие, с одной стороны, окончательно отказались от довоенной политики изоляционизма, а с другой — от рузвельтовской линии сотрудничества с СССР. Они начали проводить в глобальных масштабах политику «с позиции силы». Начиная с осени 1946 г., США стремились всеми силами лишить Советский Союз плодов победы, добиваясь исключения прежде всего его участия в решении германской проблемы. Они также пытались ограничить влияние СССР на международной арене и сбить революционную волну в мире. Соединенные Штаты оказывали поддержку консервативным кругам и режимам во всех странах, надеясь укрепить их положение и влияние в противовес революционным силам.

В то же время правящие круги США варьировали методы своей экспансионистской политики. «Доктрина Трумэна» с ее чисто военными методами, как она осуществлялась на Балканах, для Западной и Центральной Европы, была в таком виде непригодна. Здесь буржуазии вынудили считаться с революционными силами. И хотя весной 1947 г. коммунисты были изгнаны из правительств ряда западноевропейских стран, методы антикоммунистического крестового похода в предельно агрессивной форме не имели шансов на успех. Поэтому американская администрация стала искать внешне менее агрессивные способы подавления революционного движения в Европе. Таким методом представлялась «экономическая помощь». За этой «помощью» никакой филантропии не было, существовал четкий расчет, с одной стороны, влить «новую кровь» в подорванные во второй мировой войне силы западноевропейского монополистического капитала, а с другой — избежать надвигающегося на США кризиса в связи с падением промышленного производства, развитого в период войны и не находившего в мирное время нужных рынков сбыта. «Канализовать опасность приближающегося кризиса, укрепить западноевропейский капитализм и одновременно низвести его как конкурента в подчиненное положение, воспрепятствовать укреплению народно-демократических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, свести роль и влияние Советского Союза к минимуму и тем самым освободить пространство для осуществления идеи мирового господства США — все это

требовало объединения общим знаменателем»¹⁹. Им стала идея «экономической помощи и оздоровления Европы», разрабатывавшаяся в кругах вашигтонской администрации с весны 1947 г.²⁰

Во второй половине мая 1947 г. комитет под руководством идеолога политики «сдерживания коммунизма» и «холодной войны» Д. Кеннана разработал основную концепцию американской помощи «экономического оздоровления Европы». Затем проект был предложен государственному секретарю Д. Маршаллу. Весьма характерны рекомендации госсекретарю, сопровождавшие предложенный проект. Учитывая непопулярность «доктрины Трумэна», рекомендовалось подчеркивать, что американская помощь направлена не против коммунизма, а для укрепления «экономического здоровья и силы Европы»²¹. Считалось также целесообразным, чтобы план был предложен с американской стороны. Дело должно было быть поведено таким образом, чтобы европейские страны сами обратились за помощью к Соединенным Штатам²².

Особое внимание уделялось Советскому Союзу. Авторы проекта понимали, что здесь нужно разработать очень тонкую тактику. Если СССР, рассуждали авторы проекта, с самого начала будет отстранен от указанного плана, то тут же всплывут на поверхность его истинные цели и маневры. «Помощи бедной Европе» будут пустым звуком. Однако если принимать всерьез участие Советского Союза в плане «экономической помощи Европе», то в дальнейшем следует считаться с ним как с партнером в осуществлении плана²³.

Советское правительство не отказывалось от сотрудничества. Еще при первых признаках наступления «холодной войны», т. е. весной 1946 г., министр иностранных дел СССР В. М. Молотов в беседе с министром внешней торговли Чехословакии Г. Рипкой заявил: «Как только западные союзники признают СССР как равноценную великую державу, которая может участвовать в решении мировых проблем так же, как и они, достичь соглашения между нами не будет никакой проблемы. Но до тех пор, пока они будут занимать прежние позиции, СССР, естественно, вынужден будет защищать свои права»²⁴. Такое заявление не было случайным.

Г. Рипка занимал второе место в иерархии буржуазных политических деятелей Чехословакии, его прочили в преемники Э. Бенеша. Он имел очень широкие связи в полити-

ческих кругах Парижа, Лондона, Вашингтона. Поэтому В. М. Молотов был уверен, что его заявление дойдет до нужных адресатов. Это был тактический ход советского руководства, направленный на то, чтобы показать Западу: Советский Союз такого положения не потерпит, и если Запад хочет установления соответствующих отношений с СССР, то он не должен загонять его в угол. Тем более, что в Москве было известно о спорах в американской администрации о том, до какой степени курс США в отношении СССР может быть жестким. Поэтому заявление Молотова можно расценивать как предупреждение. Неясным остается вопрос, каким представляли себе в Москве возможное партнерство с западными странами.

Зная о такой позиции Советского Союза, госсекретарь США предложил свой путь: не исключать наперед участие СССР в плане «оздоровления Европы», добиться его отказа тактическими маневрами. Одновременно американская дипломатия предприняла активные усилия в Лондоне, Париже и Риме, чтобы в дальнейшем «инициативы» исходили от заинтересованных западноевропейских правительств. Французское правительство 10 июня 1947 г. высказало свое согласие с «планами Маршалла». Особую активность развило английское правительство. Министр иностранных дел Бевин согласился с американскими дипломатами, что из тактических соображений нужно предложить присоединиться к плану и Советскому Союзу, но при этом выдвинуть заведомо неприемлемые для него условия²⁵. Тактика действий западных держав была разработана на совещании министров иностранных дел Франции и Великобритании в Париже 17—19 июня 1947 г. После этого они обратились к Советскому Союзу с предложением принять участие в совещании по этому плану. Одновременно в британском парламенте прозвучала целая серия грубых антисоветских выпадов, в том числе и со стороны Бевина. Во всех бедах Европы он обвинял Советский Союз²⁶.

Советское правительство, изучая приглашение западных держав, представляло собой реальную ситуацию. Советский Союз и до этого неизменно выступал за продолжение сотрудничества в политической и экономической сферах между бывшими союзниками. Однако действия правящих кругов США и Великобритании после окончания войны не оставляли сомнений в действительных их намерениях и в связи с «планом Маршалла», который со-

ветская пресса не без оснований рассматривала как модификацию «доктрины Трумэна»²⁷. Тем не менее Советское правительство приняло приглашение участвовать в совещании в Париже по «плану Маршалла».

Совещание министров иностранных дел Великобритании, Франции и Советского Союза проходило в Париже с 27 июня по 2 июля 1947 г. Представители Великобритании и Франции выдвинули предложение создать наднациональный «руководящий комитет», который должен был определить общую для всей Европы, включая и Германию, программу экономического восстановления. Ему предоставлялись весьма широкие полномочия, вплоть до определения уровня и направления экономического развития отдельных стран, а также квоты помощи США. Советская делегация решительно выступила против такого проекта, который узаконил бы вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Кроме того, советский представитель В. М. Молотов считал неправомерным, чтобы представители трех держав принимали какие-то важные решения по экономическому восстановлению Европы и навязывали их всем остальным государствам. Он предложил пригласить все заинтересованные государства и для выработки соответствующих решений. В советском предложении подчеркивалось, что в первую очередь должны быть учтены нужды жертв фашистской агрессии²⁸. Представители Великобритании и Франции отвергли это предложение. В последний день совещания было оглашено советское заявление, в котором раскрывалась сущность «плана Маршалла». Американский план, подчеркивалось в заявлении, рассчитан на раскол Европы на две группы государств и «использование одних европейских стран против других во имя выгоды некоторых стремящихся к господству сильных держав»²⁹. После этого делегация СССР покинула совещание в Париже. Такой шаг был успешным, ибо советская дипломатия использовала далеко не все возможности, которые давали переговоры о реализации «плана Маршалла».

Британский и французский министры разработали текст приглашения в соответствии со своими представлениями и мнением США. В нем, правда, учтена была и критика СССР в том смысле, что формулировки о неограниченных полномочиях «руководящего комитета» были затуманены, вопрос о привлечении Германии оставался открытым, давалось обещание о невмешательстве во внутренние дела участвующих государств. Это рассчитано было на

то, чтобы к «плану Маршалла» проявили интерес союзники СССР³⁰.

Весть о «плане Маршалла» чехословацкая буржуазия восприняла, как протянутую руку помощи. Буржуазная пресса республики единодушно отмечала, что проблемы экономики ЧСР могут быть решены только при самом широком участии США. А проблем по-прежнему было немало, к тому же холодная, беспрепятственная зима уничтожила озимые посевы, а яровые зачехли во время начавшейся небывалой для Центральной Европы засухи. Все это буржуазия решила использовать для широчайшей агитации за принятие Чехословакией «плана Маршалла». Пресса правых партий усиленно изображала американскую инициативу как жест бескорыстной помощи. Она писала, что американская помощь не связана ни с какими политическими условиями, не угрожает союзническим обязательствам Чехословакии, не подрывает ее союз с СССР. Орган пародной партии газета «Вывой» отмечала: «Если „доктрина Трумэна“ создавала барьеры между государствами, будучи нацеленной на „образование карантина против коммунизма“, то в инициативе Маршалла этот опасный недостаток, как нам кажется, преодолен. И вот любое европейское государство, страдающее от военной разрухи, получит необходимую помощь, если ее попросит. Мы настаиваем на серьезном и честном подходе к этому предложению, как это делают умные государственные деятели в других странах...»³¹ Буржуазные публицисты и политические деятели изображали «план Маршалла» как принципиально новый курс США, не имеющий ничего общего с «доктриной Трумэна». Такая агитация была четко продумана. Не случайно, например, что именно, в этот период такие ведущие чехословацкие буржуазные политические деятели, как П. Зепкл, Г. Рипка, Яр. Страфский, находились в постоянном контакте с послом США в Праге Л. Стейнгардтом.

Возникшая ситуация потребовала и от КПЧ определения позиций и тактики действий. Конкретное содержание «плана Маршалла» еще не было известно. В принципе коммунисты не высказывались против экономической помощи из-за рубежа, в том числе и из США. Экономические связи ЧСР со странами народной демократии только налаживались, да и возможности их ввиду военной разрухи были все еще небольшие. Переговоры о долгосрочном торговом соглашении с Советским Союзом находились на начальной стадии. КПЧ никогда не выступала против экономических

связей республики с капиталистическими странами, если они не были сопряжены с экономической дискриминацией или какой-либо иной формой политического давления. Коммунисты готовы были согласиться с реализацией «плана Маршалла» под эгидой ООН³². Исходя из этого, КПЧ приняла решение не отказываться от участия в реализации «плана Маршалла», подождать до выяснения его содержания и методов реализации, их совместимости с национально-государственными интересами Чехословакии. К тому же выступление КПЧ против американской инициативы, когда еще не было известно содержание переговоров министров иностранных дел СССР, Франции и Великобритании в Париже, привело бы к изоляции министерско-коммунистов в правительстве ЧСР.

Выступление госсекретаря США Д. Маршалла в Гарвардском университете чехословацкое правительство первый раз обсуждало на своем заседании 24 июня 1947 г. С докладом выступил государственный секретарь МИД ЧСР В. Клементис (министр иностранных дел Я. Масарик находился в это время с официальным визитом в Норвегии). Клементис сообщил, что МИД отдал распоряжение представителям ЧСР за рубежом, чтобы они изучили отношения европейских стран к предложению США. В. Клементис также сообщил, что Советское правительство информировало МИД ЧСР о той позиции, которую займет на совещании в Париже В. М. Молотов. В информации указывалось, что Советское правительство считает целесообразным, чтобы Чехословакия сама выступила с инициативой собственной интерпретации помощи³³.

На заседании правительства ЧСР было оглашено также заявление министра иностранных дел Я. Масарика, сделанное им в Осло на прес-конференции. Масарик заявил, что американский план следует поддержать в том случае, если он будет служить единству Европы, развитию торговли, улучшению условий получения кредитов. Но если этот план поведет к расколу Европы, если экономическая помощь будет обусловлена какими-то политическими уступками, то Чехословакия откажется принимать участие в его реализации³⁴.

Председатель правительства ЧСР К. Готвальд в своем выступлении подчеркнул, что в определении позиции Чехословакии к американскому предложению большое значение будет иметь тот факт, каким способом будет осуществляться выдвинутый Д. Маршаллом план, кто примет участие в его осуществлении, кто будет руководить всей

акцией и кто будет принимать решения. Солидаризируясь с Клементисом, он указал, что считал бы вполне достаточным, чтобы США отказались от дискриминационных мер и создали нормальные условия для получения кредитов³⁵. В заключение Я. Масарику было поручено незамедлительно приступить к консультациям с союзными правительствами СССР, Польши и Югославии.

4 июня вопрос об американском плане обсуждался во внешнеполитическом комитете Законодательного Национального собрания. Депутаты буржуазных партий первичали, получив известие о том, что советский министр В. М. Молотов покинул совещание в Париже. Они пытались узнать, как будет на это реагировать чехословацкое правительство. Я. Масарик заверил депутатов от пародной и национально-социалистической партий, что ЧСР не отказывается от участия в реализации «плана Маршалла», однако для выработки позиции следует подождать официального приглашения, а также узнать о позиции союзников — СССР, Польши и Югославии. «По многим соображениям, — подчеркнул Я. Масарик, — мы жизненно заинтересованы в сотрудничестве с Западом как в смысле экспорта, так и импорта сырья. Но при этом все должны четко понимать, что мы не предпримем ничего такого, что могло бы быть интерпретировано как резкое расхождение с Советским Союзом. Это главное условие нашей внешней политики...»³⁶

Буржуазные депутаты настаивали, чтобы в случае неучастия Советского Союза Чехословакия и Польша предприняли в Москве соответствующие шаги и объяснили жизненную необходимость участия этих стран в реализации «плана Маршалла». Я. Масарик заверил их, что подобный демарш готовится. «Мы понимаем, — сказал он, — что многие вопросы нужно обсудить с Советским Союзом»³⁷.

В тот же день, 4 июля, состоялось заседание чехословацкого правительства, на котором обсуждалось дальнейшее развитие событий вокруг «плана Маршалла». Детали переговоров в Париже все еще не были известны. Несмотря на уход с совещания советского представителя, было объявлено, что на следующую конференцию по проблемам американской экономической помощи в Париж будет приглашен и Советский Союз. Польские представители также информировали правительство ЧСР о своей выжидательной позиции. Все это оказало влияние и на ход заседания чехословацкого правительства 4 июля 1947 г. Я. Масарик настаивал на том, чтобы правительство уже

на данном заседании приняло решение об участии Чехословакии в конференции в Париже. К. Готвальд предложил, чтобы сначала были выработаны инструкции для чехословацкого представителя, а затем было поручено президенту правительства принять окончательное решение. В коммюнике о заседании правительства указывалось, что «предпосылкой окончательного решения остается наличие детальной информации о смысле, принципах и будущем содержании „плана Маршалла“». Только после этого чехословацкое правительство примет окончательное решение»³⁸.

6 июля Я. Масарик встретился с временным поверенным в делах СССР в Чехословакии М. Ф. Бодровым, который передал ему меморандум Советского правительства о причинах ухода В. М. Молотова с совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в Париже. В меморандуме указывалось, что Советское правительство с самого начала не питало доверия к этой акции, потому что еще до начала совещания англичане и французы, а вероятно, и США договорились между собой за спиной СССР. В самом проекте Маршалла не были указаны ни условия, ни объемы кредитов, а потому и реальность его осуществления оказалась весьма сомнительна. Тем не менее Советское правительство послало свою делегацию на совещание, чтобы выяснить все обстоятельства, условия, объем и реальность получения кредитов и выработать собственную точку зрения. Совещание трех министров длилось шесть дней, но оказалось, что ни об условиях кредитов, ни об их объеме США не дали никакой информации. Неизвестно даже, даст ли конгресс США согласие на предоставление кредитов и на каких условиях. В меморандуме указывалось, что в требованиях создания «руководящего комитета» делегация СССР усматривает попытку вмешиваться во внутренние дела европейских государств, заставить их принять программу США, воспрепятствовать экспорту их излишков туда, куда они захотят, и тем самым сделать их экономику зависимой от американских интересов. Естественно, с этим делегация СССР согласиться не могла. Она считала, что следует прежде всего выяснить вопрос реальности предоставления кредита, его условия и объем, затем установить размеры потребностей европейских стран, составить план их кредитования со стороны США. В этом случае европейские государства оставались бы полноправными хозяевами своей экономики и могли бы свободно распоряжаться собственными средствами и излишками. Ввиду столь серьезных рас-

хождений точек зрения англо-французской и советской сторон соглашения достичь не удалось. Советское правительство, подчеркивалось в заключительной части меморандума, считало необходимым информировать о ходе совещания в Париже чехословацкое правительство, кроме всего прочего, и потому, что Великобритания и Франция созывают совещание европейских государств, которое должно состояться 12 июля и на котором, по всей вероятности, будут обсуждаться те же вопросы, что и на совещании министров иностранных дел в Париже³⁹. Это был достаточно прозрачный намек на то, что позиция СССР не изменится.

Однако Я. Масарик сделал вид, что намек не понял и пытался получить от Бодрова прямой ответ на вопрос, рекомендует Советское правительство Чехословакии принять участие в конференции в Париже или нет? Бодров трижды повторил, что об участии или неучастии ЧСР в совещании 12 июля речь не идет и что на этот счет у него нет никаких инструкций. От себя же он добавил, что Чехословакия и другие государства могли бы принять участие в конференции, но только в случае получения гарантии невмешательства в их внутренние дела⁴⁰.

Как видно из меморандума, советская позиция была изложена в деталях. Каждая формулировка этого документа ясно говорила о неприемлемости для СССР американско-англо-французского проекта. Тем не менее документ этот в МИД ЧСР получил весьма своеобразную интерпретацию. Я. Масарик не ознакомил с содержанием меморандума и беседы с Бодровым председателя правительства К. Готвальда, а сразу же отправился посоветоваться к президенту. Масарик и Бенеш договорились, что беседа с Бодровым и советский меморандум будут интерпретированы министром иностранных дел на заседании правительства таким образом, что чехословацкое правительство может самостоятельно решать вопрос об участии или неучастии в реализации «плана Маршалла»⁴¹. Было ясно, что Бенеш и Масарик всеми силами хотят включить Чехословакию в «план Маршалла», а тем самым и укрепить ее связи с Западом. В этом они видели единственно возможное практическое осуществление концепции «моста» между Востоком и Западом.

7 июля состоялось заседание президиума чехословацкого правительства, где обсуждался вопрос об участии Чехословакии в совещании в Париже. Выступивший по этому вопросу министр Я. Масарик настаивал на участии в

совещании в Париже. Он процитировал полученное им письмо британского посла в Праге Б. Никольса, который всячески убеждал чехословацкое правительство в важности принятия англо-французского приглашения. Посол заверял, что «план Маршалла» — это всего лишь экономический проект ⁴².

За участие Чехословакии в совещании в Париже 12 июля выступил и Э. Бенеш. Членам президиума правительства он направил письмо следующего содержания: «Принятие решения нашим правительством об участии в совещании в Париже, куда мы были приглашены, считаю само собой разумеющимся и необходимым, исходя из следующих обстоятельств: 1. Экономическое положение республики и функционирование ее хозяйства зависят по меньшей мере на 60—80 % от помощи со стороны западных государств, от взаимодействия и экономического сотрудничества с ними. 2. Я убежден, что в том или ином виде рано или поздно Советский Союз будет действовать в том направлении, чтобы подключиться к этому сотрудничеству. В том случае, если мы с самого начала откажемся от такого сотрудничества, Франция, Великобритания и США объединятся сами. Могу с уверенностью сказать, что в этом случае они в той или иной форме подключат и Германию и против этого мы ничего не сможем сделать. Потому считаю крайне необходимым, чтобы мы, Польша и ряд других европейских государств не позволили своим неучастием помогать Германии».

Прогноз Э. Бенеша был реалистичным и, как оказалось позже, осуществился. Э. Бенеш дальше убеждал членов президиума правительства, что Советский Союз не имеет ничего против участия Чехословакии в совещании в Париже. Вместе с тем он указал, что стремление США к восстановлению потенциала Германии вызывает у него серьезные опасения ⁴³. Тем не менее он все еще считал возможным осуществление политики «моста» между Востоком и Западом, для которой между возникшими окопами «холодной войны» уже не было места. Концепция Э. Бенеша имела шансы на успех только в случае участия в «плане Маршалла» СССР. Но И. В. Сталин к этому времени уже отказался от дипломатической борьбы против раскола Европы и принял вариант силовой конфронтации.

Позицию Масарика и Бенеша поддержали представители правых партий. С контраргументами выступили представители левых сил. Заместитель председателя правительства социал-демократ Э. Фирлингер заявил, что

«план Маршалла» — это большой обман, ибо направлен он против Советского Союза, поэтому его инициаторы и пытаются реализовать этот проект вне рамок ООН⁴⁴. В. Клементис указал на то, что уже принятие приглашения означало бы для Чехословакии взятие на себя определенных обязательств. Он сообщил также, что, по поступившим в МИД ЧСР данным, в совещании в Париже не примут участие Швейцария, Швеция, Венгрия и, возможно, Норвегия. Ввиду создавшейся ситуации Клементис предложил отложить принятие решения чехословацкого правительства, проконсультироваться с союзниками, прежде всего с Советским Союзом.

К. Готвальд подчеркнул в своем выступлении, что имеющаяся информация не дает возможности выяснить, чем будет заниматься парижское совещание. Он высказал опасение, что скорее всего речь пойдет о возрождении Германии, что прямо противоречит жизненным интересам Чехословакии. Даже в том случае, если Чехословакия примет участие в совещании в Париже, заявил К. Готвальд, она должна оставить за собой возможность свободного выбора и принятия своих решений. В заключение он подчеркнул, что вопрос об участии в совещании в Париже должен быть тщательно обдуман хотя бы по той причине, что в Париже из славянских государств будет, вероятно, присутствовать только Чехословакия. Во втором своем выступлении Я. Масарик вновь настаивал на немедленном принятии решения об участии Чехословакии в совещании в Париже. Его поддержали все представители правых партий⁴⁵.

После длительных дебатов было принято решение не отказываться от англо-французского приглашения и поручить послу Чехословакии во Франции В. Носеку принять участие в совещании. Коммунисты также проголосовали за такое решение, хотя этот шаг был для них непросто. В инструкции Носеку предписывалось принять участие в совещании в Париже и в работе созданной на нем организации при условии, что это не будет ни в какой мере нарушать суверенитет Чехословакии и противоречить ее договорной системе. Особое внимание Носек должен был уделять проблеме Германии и отношению «плана Маршалла» к ООН⁴⁶.

Таким образом, участие чехословацкого представителя в работе конференции в Париже рассматривалось правительством Чехословакии как чисто информативное, а его полномочия только как наблюдателя. В. Носеку предписы-

валось постоянно находиться в контакте с правительством на случай, если чехословацкое участие в конференции окажется в противоречии с государственным суверенитетом республики и делегация ЧСР вынуждена будет сразу же покинуть совещание.⁴⁷

Факт участия Носека в работе совещания в Париже буржуазная пресса на Западе расписывала как крупную победу антисоветского направления во внешней политике Чехословакии⁴⁸. Эти материалы тут же перепечатывала чехословацкая буржуазная пресса. Отвечая чехословацкой буржуазии, которая видела в участии Чехословакии в «плане Маршалла» одну из возможных предпосылок изменения внешнеполитической ориентации республики, К. Готвальд заявил в беседе с бельгийским журналистом: «Наша внешнеполитическая ориентация ясна и ни в чем не будет изменена. Основного гаранта безопасности и государственного суверенитета мы видим в Советском Союзе и остальных славянских странах. Вместе с тем мы хотим сотрудничать со всеми демократическими странами мира на благо нашего государства и укрепления мира во всем мире»⁴⁹.

КПЧ выступила с резкой критикой положения во внешней торговле республики. Коммунисты выдвинули свою концепцию внешнеторговых связей. Они требовали упорядочить их с капиталистическими государствами, где торговый баланс Чехословакии был пассивным, и расширять внешнюю торговлю со странами с плашированным хозяйством, т. е. с СССР⁵⁰. Представители КПЧ в правительстве выступили с предложением ликвидировать препятствия в расширении торговли с СССР и выслать делегацию в Москву для подписания долгосрочного торгового соглашения на пять лет и договоренности о закупках зерна⁵¹.

Меморандум об основных принципах долгосрочного соглашения о взаимных поставках товаров между ЧСР и СССР чехословацкое правительство отправило в Москву в конце апреля 1947 г. В нем подчеркивалось, что, поскольку Чехословакия так же, как и Советский Союз, стала на путь планового управления народным хозяйством, соглашение о взаимных долгосрочных поставках товаров представляется не только возможным, но с точки зрения стабильности планового хозяйства и желательным. Учитывая планы советской пятилетки, в меморандуме было выражено пожелание, чтобы обе стороны взяли на себя конкретные обязательства по поставкам до 1950 г., с тем

чтобы затем продлить их ⁵². Советская сторона немедленно дала свое согласие, однако министр внешней торговли Чехословакии Г. Рипка все откладывал поездку в Москву для подписания соглашения.

Летом 1947 г. Чехословацкую республику постигла катастрофическая засуха. Стали проявляться трудности с обеспечением городов. Чехословацкое правительство обратилось к правительству США с просьбой о чрезвычайных поставках зерновых, но получило отказ ⁵³. Буржуазная пресса Чехословакии использовала это как повод для резких нападок на КПЧ. Поэтому закупка зерна в СССР имела для ЧСР не только экономическое, но прежде всего политическое значение ⁵⁴.

10 июня чехословацким правительством было принято решение о поездке в Москву делегации в целях заключения нового чехословацко-советского соглашения о взаимных поставках товаров. Делегацию в составе представителей министерств иностранных дел, внешней торговли, финансов, промышленности, продовольствия и сельского хозяйства, полномочного представительства промышленности и торговли Словакии, а также Национального банка должен был возглавить Г. Рипка ⁵⁵. Программа переговоров с чехословацкой стороны была обсуждена 19 июня, отъезд в Москву намечался на 4—5 июля. Однако ввиду различных событий на международной арене между правительствами ЧСР и СССР возникла необходимость более обширных консультаций не только по долгосрочному соглашению о взаимных поставках товаров, но и по вопросу о чехословацко-французском договоре, а также о «плане Маршалла». В связи с этим состав делегации был изменен. Ее возглавил председатель правительства ЧСР К. Готвальд, в делегацию вошли министр иностранных дел, министр юстиции П. Дртина, посол Чехословакии в Москве И. Горак и представители указанных выше министерств и ведомств ⁵⁶.

9 июля чехословацкая делегация прилетала в Москву с официальным визитом. Некоторые чехословацкие буржуазные политические деятели в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции, утверждали, что в программе переговоров в Москве были только экономические вопросы, обсуждение же участия Чехословакии в реализации «плана Маршалла», мол, навязала чехословацкой делегации советская сторона ⁵⁷. Такое утверждение не соответствует действительности, ибо инициатором обсуждения данного вопроса в Москве был не кто иной, как президент Чехо-

словакии, что подтверждает бывший начальник канцелярии президента Я. Смутны⁵⁸.

К. Готвальд привез в Москву и сразу же после прилета передал И. В. Сталину два меморандума Э. Бенеша. В одном президент подчеркивал необходимость заключения союзного договора между Чехословакией и Францией, а в другом объяснял такими же аргументами, как в письме членам президиума правительства ЧСР от 7 июля 1947 г., необходимость участия Чехословакии в реализации «плана Маршалла»⁵⁹.

Вечером 9 июля между чехословацкой и советской делегациями состоялись переговоры по важнейшему вопросу — участию ЧСР в «плане Маршалла». Категоричность постановки вопроса президентом Э. Бенешем в меморандуме И. В. Сталину определила, очевидно, и ответ советской стороны. Сталин и Молотов заняли резко отрицательную позицию в отношении решения чехословацкого правительства, принявшего приглашение на конференцию в Париж. Советские представители в своих выступлениях подчеркивали, что, по их твердому убеждению, действительной целью «плана Маршалла» и парижской конференции является создание западного блока и изоляция Советского Союза посредством приманки его союзников в виде кредитов, о которых организаторы конференции в настоящее время ничего конкретного сказать не могут. Но если даже такие кредиты и будут когда-нибудь предоставлены Соединенными Штатами участвующим государствам, то только в ущерб их политической и экономической независимости. В такой ситуации Советский Союз считал бы участие Чехословакии в реализации «плана Маршалла» прорывом фронта славянских государств и действием, направленным против СССР. И. В. Сталин подчеркнул, что речь идет о проблеме, от которой зависят дружеские отношения между ЧСР и СССР. Советское правительство не сомневается в дружеском отношении Чехословакии к СССР, однако участие ее делегации в парижской конференции для народов Советского Союза было бы наглядным доказательством того, что Чехословакия позволила использовать себя в качестве орудия в борьбе империалистической реакции против СССР, что является неприемлемым ни для советской общественности, ни для Советского правительства⁶⁰. Жесткость формулирования Сталина и Молотова не оставляла чехословацким представителям возможности для маневрирования.

Одновременно чехословацкая делегация получила информацию о том, что от участия в конференции в Париже отказались Польша и Югославия. Таким образом, позиция Чехословакии выглядела как нескоординированная со своими союзниками. Я. Масарик пытался обосновать участие Чехословакии в конференции в Париже экономическими трудностями. И. В. Сталин заверил его, что Советский Союз окажет республике всю необходимую помощь⁶¹.

Положение, в котором оказалась чехословацкая сторона, было крайне серьезным. Опасности подвергался союз Чехословакии с СССР, выдержавший труднейшие испытания войны и первых послевоенных лет. У председателя правительства и главы делегации ЧСР, коммуниста К. Готвальда не было сомнений в необходимости ухода чехословацкого делегата с конференции в Париже. Важность ситуации понимали также Я. Масарик и П. Дртица. Конфронтация с СССР для них также была неприемлемой, она противоречила национально-государственным интересам Чехословацкой республики.

Настал момент выбора — идти с Западом, где ЧСР не находила понимания своих национально-государственных интересов и где урок, преподанный чехословацкой буржуазии в 1938 г. был еще свеж в памяти, или с СССР? Буржуазные политические деятели понимали, что конфронтация с Советским Союзом не будет поята широкими кругами чехословацкой общественности, которые могут смести их.

Рано утром 10 июля в Прагу была послана телеграмма президенту и правительству за подписями К. Готвальда, Я. Масарика и П. Дртицы, в которой излагалась суть переговоров в Москве по вопросу об участии ЧСР в Парижской конференции. В заключении телеграммы указывалось: «Созовите немедленно всех членов правительства и познакомьте их с содержанием наших переговоров со Сталиным и Молотовым. Считаем необходимым, чтобы вы приняли решение об отзыве нашего представителя из Парижа и сообщили об этом таким способом, чтобы мы получили это официальным путем до четверга (до 11 июля.— И. П.) пополудни. Кроме того, немедленно телеграфируйте нам о принятом решении»⁶².

Заседание чехословацкого правительства под председательством В. Широкого состоялось в день получения телеграммы. Вопрос об участии ЧСР в конференции в Париже не дискутировался. Буржуазные министры понимали, что участия Чехословакии в Парижской конфе-

решения они могли добиться только ценой раскола Национального фронта, а для этого у них не было сил. В. Клементис и В. Широкий накануне заседания правительства посетили президента в его резиденции в г. Сезимове-Усти и ознакомили его с телеграммой правительственной делегации. Э. Бенеш поручил им сообщить членам кабинета, что, получив столь исчерпывающую информацию о позиции Советского Союза, вопрос об отказе правительства ЧСР от участия в Парижской конференции дискуссии не подлежит⁶³.

Острые дебаты развернулись на заседании правительства ЧСР по вопросу о формулировке решения, в котором должно было быть выражено окончательное отношение правительства к Парижской конференции. В проекте решения В. Клементис от имени представителей КПЧ и других левых сил в правительстве предложил в качестве основного аргумента отказа Чехословакии неучастие в конференции в Париже союзников ЧСР. Буржуазные министры П. Зенкл, Яр. Странский и другие настаивали, чтобы в коммюнике было подчеркнуто, что чехословацкое правительство приняло это решение не по своей воле, а под внешним давлением. Болевший в это время Г. Рипка звонил членам правительства и требовал, чтобы было «открыто заявлено, что наше правительство приняло решение по указанию Советского правительства»⁶⁴. Коммунисты и социал-демократ З. Фирлинггер такую формулировку решительно отвергли.

После длительных дебатов было принято следующее коммюнике: «Установлено, что ряд государств отказались принять участие в конференции, в частности все славянские государства и другие государства Центральной и Юго-Восточной Европы. Таким образом, в конференции не примут участие государства, с которыми Чехословакия находится в тесных экономических и политических связях, основанных на договорных обязательствах. В такой ситуации участие Чехословакии было бы интерпретировано как акт, направленный против дружбы с Советским Союзом и остальными нашими союзниками. Исходя из этого, правительство единогласно приняло решение не принимать участие в указанной конференции»⁶⁵.

Несмотря на то, что представители буржуазных партий поставили свои подписи под решением правительства, сразу же после его публикации они пытались от него отмежеваться и начали очередную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию в своей прессе, на партийных

собраниях и т. д. П. Дртиша и генеральный секретарь партии В. Крайина на собраниях национальных социалистов в Пардубице и Лугачовице представили отказ Чехословакии от участия в реализации «плана Маршалла» как тяжелейшую жертву, принесенную на алтарь чехословако-советского союза⁶⁶. Пресса пародной партии старалась внушить своему читателю мысль о том, что виновником бед народных масс Чехословакии является Советский Союз и что без американской помощи чехословацкая экономика потерпит крах⁶⁷.

По-иному интерпретировал провал попытки отрыва Чехословакии от других стран пародной демократии и от СССР президент Чехословакии. В беседе с британским дипломатом Р. Б. Локхартом он сказал: «Условие кредита (американского.— И. П.) одно: государство, которое его получает, должно вывести из состава правительства всех министров-коммунистов. В такой стране, как Чехословакия, где равновесие так неустойчиво, это сделать невозможно. Если бы американцы были немного мудрее, они бы поняли, что победить коммунизм можно лишь в том случае, если предоставить кредиты таким правительствам, как чехословацкое, где коммунисты хоть и имеют сильные позиции, но в то же время не обладают абсолютным большинством. С этим кредитом Чехословакия продвинулась бы быстро вперед, и через два года коммунисты были бы парализованы»⁶⁸.

Буржуазная и реформистская пресса западноевропейских стран и США писала, что отказ Чехословакии и остальных пародно-демократических государств от участия в реализации «плана Маршалла» противоречит интересам этих стран и что произошло это под давлением Советского Союза. Последний объявлялся виновником раскола Европы⁶⁹. Вместе с тем «Нью-Йорк таймс» еще 18 июня 1947 г. замечала, что «задача заключается в том, чтобы открыть перед Россией дверь, в которую она не войдет»⁷⁰. К сожалению, И. В. Сталин не только не захотел войти в эту дверь, но даже не попытался оставить ее приоткрытой.

В некоторых буржуазных газетах появлялись объяснения истинных причин сожаления Запада по поводу отказа Чехословакии. Так, лондонская «Таймс» писала, что отказ Чехословакии был воспринят на Западе с глубоким сожалением, так как ее возможное участие в реализации «плана Маршалла» давало надежду на то, что позже удастся втянуть туда и другие пародно-демократические страны⁷¹. Французская «Монд» причину чехословацкого отказа ви-

дела в том, что чехословацкие коммунисты и их сторонники твердо выступали в поддержку союза ЧСР и СССР и отвергли политическую линию «моста» между Востоком и Западом⁷².

Коммунистическая и левая пресса западноевропейских стран подчеркивала, что целью конференции в Париже было восстановление потенциала Германии как противовеса государствам, которые были жертвами гитлеровской агрессии⁷³.

Парируя выпады западной буржуазной прессы, а также некоторых чехословацких газет, Я. Масарик заявил: «Рассказывают фантастические истории о том, как нас вызвали в Москву. Но ведь председатель правительства Готвальд согласовал свою поездку в Москву еще за две недели до первого упоминания „плана Маршалла“. Он предложил встретиться со Сталиным и министром иностранных дел Молотовым с тем, чтобы обсудить наши экономические отношения так, как они нам представлялись, т. е. расширить их. Когда мы уже выехали в Москву, стало известно, что Польша отказалась от участия в конференции в Париже, в результате чего мы остались единственным кандидатом к востоку от Рейна, который предполагал участвовать в конференции в Париже»⁷⁴. Эмигрировавший из Чехословакии после февраля 1948 г. Г. Ринка писал в своих воспоминаниях: «Чехословацкое правительство изменило свою позицию в отношении конференции в Париже, исходя из собственных соображений, при этом не столько в интересах Советского Союза, сколько и прежде всего в интересах собственных»⁷⁵.

В сводном отчете министерства иностранных дел ЧСР, которое фактически находилось в руках буржуазии (он составлен на основании сообщений из Вашингтона за сентябрь — октябрь 1947 г.), отмечалось: «Из заявлений Трумэна, Маршалла, Ван ден Берга, Кошэли, Даллеса и других представителей американской администрации, адресованных не только американской, но и международной общественности, следует, что основной идеей „плана Маршалла“ является создание крупного западноевропейского блока, экономический потенциал которого, как и возрожденную тяжелую индустрию Рурской области, можно было бы в политическом отношении использовать против государств Центральной и Юго-Восточной Европы и Советского Союза»⁷⁶.

24 августа 1947 г. в своем выступлении в Брюно К. Готвальд подчеркнул: «У нас с самого начала не было ника-

ких иллюзий относительно „плана Маршалла“. Все то, что мы постепенно узнавали о нем, показывает, что наши опасения были совершенно обоснованными. Факты говорят о том, что смысл „плана Маршалла“ заключается в следующем: открыть Европу для американских товаров, более того, восстановить германскую промышленность и экономику...»⁷⁷

В ходе политической борьбы в Чехословакии вокруг вопроса об участии в реализации «плана Маршалла» решалась в конечном счете проблема дальнейшей внешнеполитической ориентации республики. Для КПЧ и массовых общественных организаций, которые находились под влиянием коммунистов, дилеммы не было. Компартия исходила из опыта доиюлненской Чехословакии и определяющим фактором во внешнеполитическом положении республики считала ее безопасность, которую мог обеспечить в сложившейся ситуации только союз с СССР. Чехословацкие коммунисты были уверены в том, что только в крепком единстве и сплоченности народно-демократических государств с Советским Союзом — гарантия безопасности и возможности строительства социализма в Чехословакии.

Из политических партий республики ближе всех к коммунистам стояла социал-демократическая партия, что проявилось и в вопросе об отношении к «плану Маршалла». Чехословацкие социал-демократы понимали, что основной внешнеполитической проблемой ЧСР является германская, поэтому считали политику СССР в германском вопросе правильной, отвечающей национально-государственным интересам страны. Однако уже в середине 1947 г., т. е. в период острой борьбы по проблеме «плана Маршалла», в социал-демократической партии начинается процесс дифференциации, образуется правое и левое крыло. Если левые во главе с З. Фирлингером или вместе с коммунистами, то справа все чаще раздавались голоса за тесное сотрудничество с социалистами Западной Европы, которые в это время в большинстве своем стояли на позициях поддержки «плана Маршалла» и политики западных держав, направленной не только к экономическому, но к политическому и военному объединению и конфронтации западных государств со странами Восточной Европы⁷⁸.

Руководство национально-социалистической, пародной и словацкой Демократической партий находилось перед серьезнейшей дилеммой. Политика «моста» между Востоком и Западом окончательно потерпела крах, ибо все мосты постепенно сжигались, формировались две

группировки, биполярность Европы и мира становилась непреложным фактом. И в этой ситуации, как заявил ведущий представитель и идеолог буржуазного лагеря Э. Бенеш, следовало помнить, что «Чехословакия расположена не между Западом и Востоком, а между Россией и Германией»⁷⁹.

В то же время внутри буржуазных партий Чехословакии, как показала политическая дискуссия вокруг «плана Маршалла», появились влиятельные группы политических деятелей, которые свои эгоистические интересы ставили выше интересов национальных. Эти группы считали, что необходимо выиграть время, которое работает на них, ибо с помощью США экономический, политический и военный потенциал Западной Европы быстро возрастет, а с ним и влияние западных государств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако именно развитие событий вокруг «плана Маршалла» показало беспочвенность таких надежд буржуазных политических деятелей Чехословакии. Тем не менее и после отказа Чехословакии от участия в реализации «плана Маршалла» в ее внешней политике, в особенности в ее внешнеэкономических связях, сохранялась определенная двойственность. Именно ее стремились укрепить чехословацкие буржуазные партии и правое крыло социал-демократии. Коммунисты же хотели добиться в конечном итоге того, чтобы Чехословакия ориентировалась исключительно на Советский Союз. Борьба этих двух тенденций определила развитие событий на политической арене ЧСР в последние месяцы 1947 г. и вплоть до кризиса в феврале 1948 г.

Динамика экономического сотрудничества между ЧСР и СССР

Одним из главнейших направлений деятельности СССР и стран пародной демократии по решению этой задачи было развитие и упрочение экономических взаимосвязей стран Центральной и Юго-Восточной Европы, что приходилось решать в условиях искусственного разрыва ранее действовавших экономических контактов стран региона с западным миром, объявившим экономический бойкот СССР и странам пародной демократии. Углубление и расширение экономического сотрудничества стран пародной демократии и СССР становилось в этих условиях важнейшим фактором выполнения их пароднохозяйственных планов⁸⁰.

Зарождение в первые послевоенные годы экономических связей между СССР и странами народной демократии происходило на принципах равноправия, взаимного доверия, помощи и уважения суверенитета, что стало важным фактором расширения экономических связей в регионе и свидетельствовало о начале процесса формирования новых экономических отношений, развивающегося по мере углубления революционных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Уже в начале 1947 г. возникла необходимость перехода от краткосрочных соглашений о взаимном товарообороте к долгосрочным договорам. Достигнутый уровень экономического сотрудничества между странами Центральной и Юго-Восточной Европы создал предпосылки для новых организационных форм и методов в углублении и расширении их хозяйственных и научно-технических связей.

Первые долгосрочные договоры были заключены в феврале 1947 г. между СССР и Румынией, Чехословакией и Югославией, в апреле между Чехословакией и Болгарией, в июле между СССР и Венгрией, Чехословакией и Польшей. Весной 1947 г. было заключено долгосрочное торговое соглашение между ЧСР и СССР как логическое завершение серии соглашений, связывавших в единую систему торговлю и другие формы хозяйственных связей СССР и стран народной демократии.

Основные направления долгосрочного соглашения о взаимном обмене товарами были обсуждены между советскими и чехословацкими представителями 9—12 июля 1947 г. во время официального визита правительственной делегации Чехословакии в Москве. Сразу же после приезда К. Готвальд передал И. В. Сталину меморандум чехословацкого правительства, содержавший проект договора о торговле сроком на пять лет. В меморандуме указывалось на неудовлетворительное состояние взаимного обмена товарами между ЧСР и СССР. «С начала 1947 г., — отмечалось в документе, — проявилось существенное сужение стоимости взаимного товарообмена, а также вновь заключенных соглашений о поставках. В течение первых трех месяцев этого года СССР экспортировал в ЧСР товаров на сумму около 132 млн крон, чехословацкий экспорт в СССР за этот же период составил 309 млн крон, из чего следует, что поставки из СССР составляли всего 7,3 % чехословацкого импорта, а поставки ЧСР в СССР за этот же период составили всего 5,6 % чехословацкого экспорта»⁸¹.

Согласно проекту, изложенному в меморандуме, новое соглашение вступало в силу с 1 января 1948 г. Оно должно было основываться на принципах твердо установленных контингентов, размеры которых предстояло уточнять ежегодно. Общий объем поставок с каждой стороны за пять лет должен достигнуть 20—25 млрд крон, или 400—500 млн долл. Поставлена была также проблема платежей⁸². Переговоры проходили в духе взаимопонимания, только по вопросу платежей возникли некоторые трудности, но и они были быстро преодолены. Советская сторона пошла навстречу пожеланиям чехословацкой делегации. Как указывалось в коммюнике, обе стороны считали необходимым расширить экономическое сотрудничество с тем, чтобы был обеспечен непрерывный долгосрочный обмен товарами в интересах обеспечения хозяйственных планов обеих стран и полного использования рабочей силы⁸³.

Во время переговоров в Москве СССР и ЧСР достигли принципиальной договоренности о подписании в ближайшее время долгосрочного договора о торговле сроком на пять лет. Детальная разработка статей договора была поручена специалистам.

Перед отъездом чехословацкой правительственной делегации в Москву в республике уже со всей остротой встала проблема последствий засухи. Поэтому К. Готвальд во время переговоров просил поставить Чехословакии советские зерно и корма. СССР обязался отправить в ЧСР в течение 1948 г. 200 тыс. т пшеницы, 200 тыс. т зерновых для кормов, 65 тыс. т удобрений, 20 тыс. т хлопка и другой сельскохозяйственной продукции⁸⁴.

ЧСР обязалась со своей стороны поставлять в СССР локомотивы, рельсы, трубы, оборудование для обувной и сахарной промышленности, обрабатывающие станки, электромоторы, земснаряды, оборудование для малых электростанций, локомобили, высокопродуктивную породу скота, сахар, обувь, текстиль. При этом СССР свою импортную программу определял на пять лет вперед⁸⁵. Результаты переговоров были высоко оценены чехословацкой делегацией. Выступая в Праге, К. Готвальд заявил: «Политически и экономически переговоры, которые мы вели в Москве, являются важным и успешным шагом вперед в укреплении и углублении наших отношений с Советским Союзом... Полагаю, что наши переговоры в Москве являются хорошим примером сотрудничества между народами»⁸⁶.

В итоге московских переговоров чехословацкой промышленности были гарантированы сырье и реализация ее продукции. Значение этой договоренности выходило за рамки отношений между ЧСР и СССР, ибо чехословацкая промышленность как наиболее развитая и наименее пострадавшая в период войны в условиях усилившейся экономической блокады стран народной демократии западными империалистическими государствами становилась важным источником обеспечения других стран народной демократии.

Правые силы в Чехословакии заняли выжидательную позицию, с тем чтобы использовать малейшие трудности для подрыва политики правительства Национального фронта и дискредитации коммунистов. С этой целью буржуазные политические деятели, действовавшие по принципу «чем хуже, тем лучше», решили получить максимальные дивиденды из трудностей, возникших в связи с небывалой засухой, чтобы в глазах широких народных масс представить КПЧ как партию, абсолютно неспособную решить экономические проблемы республики.

Потери в сельском хозяйстве ЧСР летом 1947 г. были действительно катастрофическими. По сравнению с планом урожай зерновых достиг чуть больше половины, сахарной свеклы 53 %, картофеля 48 %, кормов для скота заготовлено было только 33 %⁸⁷. Положение осложнялось еще и потому, что сельская буржуазия и крупные собственники саботировали продажу продукции в надежде на быстрый рост цен и получение спекулятивной прибыли. КПЧ в правительстве и вне его приложила все усилия к тому, чтобы овладеть ситуацией. Усилиями ее представителей в правительстве и революционных профсоюзах был введен специальный налог на миллионеров для оказания помощи крестьянам; на местах создавались продовольственные комиссии; велась острая борьба против черного рынка⁸⁸. Тем не менее положение с продовольственным обеспечением населения ЧСР осенью 1947 г. ухудшилось настолько, что председатель правительства К. Готвальд вынужден был 25 ноября обратиться с письмом к И. В. Сталину с просьбой увеличить советские поставки зерна еще на 150 тыс. т с тем, чтобы республика начала их получать еще в 1947 г.⁸⁹ Из Москвы сразу же поступил положительный ответ И. В. Сталина, при этом обещано было увеличить поставки зерна не на 150 тыс., а на 200 тыс. т⁹⁰.

Как в советской, так и в чехословацкой историографии этот акт неизменно трактовался как выполнение СССР

интернационального долга. Нам кажется, что говорить так и забывать при этом о последствиях засухи в том же 1947 г. в Молдавии, на Украине, в южнорусских областях, где в 1947—1948 гг. голодной смертью погибли многие тысячи крестьян, неправомерно с моральной точки зрения. Поставки зерна из СССР в ЧСР и другие народно-демократические страны в 1947—1948 гг. были актом государственной политики, политический эффект которого был бесспорным⁹¹, однако советский народ заплатил за него слишком высокую цену.

В конце лета 1947 г. закончены были все подготовительные работы по долгосрочному договору о торговле. Подписание договора предшествовали переговоры чехословацких отраслевых делегаций с советскими компетентными органами осенью 1947 г. В сентябре в Москву приехали делегации министерств внешней торговли и стекольной промышленности, а в октябре металлообрабатывающей промышленности, текстильных предприятий, химической промышленности, деревообрабатывающей промышленности, целлюлозных предприятий, обувной промышленности и заводов по производству кабеля. В ноябре в Москве побывала еще одна делегация — обувной промышленности. Во время переговоров выяснились и уточнялись условия долгосрочных соглашений по отдельным отраслям⁹².

Для подписания документов об экономическом сотрудничестве между ЧСР и СССР в Москву 2 декабря приехала чехословацкая делегация во главе с министром внешней торговли ЧСР Г. Ришкой. В ее составе было 14 экспертов из разных министерств и Национального банка. 3 декабря во время встречи с А. И. Микояном Ришка заявил, что соглашение вскоре может быть подписано. Парафирование было назначено на 11 декабря. Однако в момент, когда оставалось только подписать подготовленные документы, произошла неожиданная задержка всей процедуры.

На заседании чехословацкого правительства 10 декабря представители правых партий вызвали бурную дискуссию по вопросу о принципе наибольшего благоприятствования. Буржуазные министры требовали, чтобы он имел свои определенные рамки и в тексте советско-чехословацкого договора было четко сформулировано, каких сторон экономических связей между ЧСР и СССР он касается⁹³. Этот вопрос служил только поводом, а сам спор отражал напряжение на политической арене ЧСР. СССР подписал уже к тому времени несколько идентичных

договоров с народно-демократическими странами. Принцип наибольшего благоприятствования при этом не подвергался никакому сомнению или ограничению, поэтому советская сторона не склонна была уступать давлению чехословацкой реакции.

Дискуссия на заседании чехословацкого правительства достигла кульминации, когда представители национально-социалистической партии выдвинули предложение, чтобы Чехословакия подписала только общее соглашение, а не конкретный договор о торговле. Парадокс заключался в том, что один из лидеров партии, представители которой выдвинули это предложение на заседании правительства, оп же министр внешней торговли Г. Рипка, сообщал из Москвы, что интерпретация договора советской и чехословацкой сторонами идентична. Таким образом, Рипка дезавуировал своих коллег по партии и позволил раскрыть всю неприглядность их обструкции. Загнанные в угол, правые министры перешли к оскорблениям в адрес представителей КПЧ. В конечном итоге спор был решен в пользу левых сил и чехословацкое правительство дало свое согласие на подписание договора о торговле и других документов⁹⁴.

11 декабря 1947 г. документы об экономическом сотрудничестве между ЧСР и СССР подписали с советской стороны А. И. Микоян, а с чехословацкой — Г. Рипка.

Первым важным документом советско-чехословацких экономических отношений на период 1948—1952 гг. стал договор о торговле и судоходстве. Он основывался на принципах наибольшего благоприятствования в области таможенных тарифов, контингентов, классификации товаров, экспорта и складирования. Принцип наибольшего благоприятствования распространялся и на транспортировку товаров и пассажирские перевозки через территорию договаривавшихся стран. Большое значение имела та часть договора, где говорилось о взаимных обязательствах обеих сторон по обмену техническим опытом путем стажировки специалистов, организации промышленных, хозяйственных и информационных выставок. Одновременно с договором был подписан также документ о юридическом статусе торгового представительства СССР в ЧСР, а также его филиалов в Брно и Братиславе⁹⁵.

Вторым важным документом, подписанным 11 декабря, было долгосрочное соглашение о товарообороте и платежах состоявшее из 12 статей и 8 дополнений: соглашение о краткосрочном кредите на сумму 11500 млн кроп, протоко-

ла о платежах за поставки продукции чехословацкой металлообрабатывающей промышленности и станков, протокола о сотрудничестве и арбитраже, списка № 1 об обязательных контингентах чехословацких товаров и списка № 2 об обязательных поставках чехословацкого оборудования для металлообрабатывающей промышленности и машиностроения СССР на 1949—1954 гг. Особое значение для Чехословакии имел список № 3, включавший локомотивы, локомобили, экскаваторы, краны, компрессоры, обрабатывающие станки и другое оборудование для предприятий легкой и пищевой промышленности, а также трубы и рельсы⁹⁶.

Соглашение предполагало обмен товарами с каждой стороны на сумму в 5 млрд крон в год, что составляло 16 % чехословацкого экспорта⁹⁷. СССР экспортировал в ЧСР зерно и сырье для промышленности, 60 % и 40 % соответственно. Чехословакия экспортировала в Советский Союз продукцию тяжелой промышленности (47,5 %) и продовольствие (11,5 %)⁹⁷. Это создавало чрезвычайно благоприятные условия и производственную стабильность для чехословацкого машиностроения и черной металлургии.

Существенной выгодой для чехословацкого экспорта являлось то, что цены должны были согласовываться ежегодно на базе мировых цен. Ввиду того, что чехословацкие договорные поставки вследствие своей структуры требовали большего срока для производства, баланс для ЧСР вначале был пассивным. Советское правительство предоставило ей кредит из расчета 3 % годовых. Цены на зерновые были установлены на 10 % ниже уровня цен на мировом рынке⁹⁸.

В рамках договора было подписано также соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Это соглашение стало первой в истории взаимоотношений ЧСР и СССР договоренностью такого рода. Оно открывало широкие возможности для обмена научно-технической информацией и опытом в области промышленного производства, сельского хозяйства и других отраслей экономики. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве позволяло перейти от первых пробных шагов в этой области в 1945—1946 гг. к постоянным и непосредственным связям, координацию которых призвана была обеспечить соответствующая советско-чехословацкая комиссия, созданная в мае 1948 г.⁹⁹

Подписание документов об экономическом сотрудничестве между ЧСР и СССР обсуждалось на заседании пра-

вительства Чехословакии 16 декабря 1947 г. В сообщении министра внешней торговли Г. Рипки подчеркивалось плодотворное сотрудничество между двумя странами во время подготовки документов и их большое значение для чехословацкой экономики. Министр указывал: «Наш экспорт в СССР полностью соответствует структуре нашей экономики. Предполагаемые поставки машиностроительной продукции в предстоящие четыре года позволяют нашей промышленности осуществить долгосрочное планирование связей с СССР и провести ее реконструкцию»¹⁰⁰. В заключение Рипка подчеркнул, что подписанный договор о торговле и судоходстве является прямым продолжением советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве 1943 г., конкретным осуществлением его ст. 4 о самом широком развитии экономических связей между обоими государствами. Однако спустя два дня после заседания правительства, выступая на собрании перед членами национально-социалистической партии, Г. Рипка стремился принизить значение подписанных в Москве документов. Намекая на коммунистов, он сказал, что не следует «качать» из этих документов политический капитал, ибо они имеют чисто экономическое значение¹⁰¹.

Дискуссию об экономических соглашениях с СССР, которая 4 февраля 1948 г. развернулась на заседании Законодательного Национального собрания, буржуазные депутаты использовали для нападок на политику КПЧ и левых сил в целом, против социалистической революции и союза с СССР. В результате ратификация договора о торговле и судоходстве была сорвана¹⁰². Это был явный признак приближавшегося решающего столкновения противоборствующих сил в республике.

Подписанные в 1947 г. соглашения между СССР и Чехословакией имели огромное значение для развития взаимоотношений между двумя государствами. Они создавали устойчивую перспективу для дальнейшего планомерного развития чехословацкой экономики, укрепляли ее стабильность, поскольку плановое советское хозяйство гарантировало заказы крупных партий машин и оборудования на длительный срок, а соответственно высокую занятость в стране. Опираясь на стабильный советский рынок, Чехословакия могла ускорить модернизацию всех отраслей экономики, уменьшить себестоимость продукции, повысить фондоотдачу производства, а следовательно, добиться существенного подъема народного хозяйства.

Эти соглашения послужили стимулом к постепенному изменению структуры чехословацкого экспорта в пользу продукции тяжелого машиностроения¹⁰³.

Долгосрочный торговый договор с Советским Союзом был самым значительным экономическим соглашением, подписанным Чехословакией во второй половине 40-х годов. Большое значение имело включение в договор существенного процента экспорта в СССР продукции чехословацкой легкой промышленности, так как прежние партнеры ЧСР — главным образом Великобритания, Франция и США — оградили ее импорт до предела. Важную роль играло также снижение транспортных издержек на 50-60 %¹⁰⁴.

Немалую выгоду экономические соглашения с Чехословакией представляли и для СССР. Поставки чехословацкого промышленного оборудования способствовали переоснащению советской промышленности новой техникой. Большие преимущества давали поставки из Чехословакии товаров широкого потребления, помогавшие решить проблему снабжения населения СССР в трудные послевоенные годы. Определенное значение для обеих стран имела и оплата поставок товарами собственного производства или сырьем. Уже в 1948 г., первом году действия соглашения, объем торговли Чехословакии с Советским Союзом был в 3 раза больше, чем в 1946 г., а в 1949 г. товарооборот возрос, по сравнению с 1948 г., еще на 50 %¹⁰⁵.

Советско-чехословацкие экономические соглашения стали важной победой в борьбе против попыток реакции как в Чехословакии, так и за ее пределами ослабить советско-чехословацкое сотрудничество. Подписанные между ЧСР и СССР в Москве в конце 1947 г. документы были материализацией нового соотношения классовых сил в Чехословакии, решающей роли рабочего класса и развития отношений между двумя странами. К этому времени КПЧ уже фактически выиграла борьбу за большинство нации и оказывала преобладающее влияние на определение характера внешнеполитических и внешнеэкономических связей республики¹⁰⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения ЧСР и СССР в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы определялись взаимным стремлением к полному разгрому германских захватчиков, освобождению оккупированной ими территории, к созданию прочной системы послевоенной безопасности в Центральной Европе.

Советско-чехословацкие отношения стали важным фактором перерастания национально-освободительной борьбы в национально-демократическую революцию в Чехословакии. Здесь в полную силу отразилась принципиально новая функция социалистического государства, направленная на поддержку национально-освободительного движения.

Элементы новых отношений между ЧСР и СССР появились и развивались уже в период войны, национально-освободительной борьбы чехов и словаков и национально-демократической революции в Чехословакии. Процесс их возникновения и утверждения весьма сложен и противоречив. Сложность его в начальный период, до победы национально-демократической революции, была обусловлена неоднородностью чехословацкого движения Сопротивления, а также неоднородностью самого фронта антифашистских сил, всей антигитлеровской коалиции, колебаниями ситуации на фронтах.

Возрастание международной роли СССР как государства, выдержавшего основную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией и нанесшего ей решающее поражение на советско-германском фронте, вызвало определенный сдвиг в понимании национально-государственных интересов Чехословакии и ее внешнеполитических приоритетов во всех составных частях чехословацкого движения Сопротивления и подвело их к выводу о необходимости заключения союзного договора Чехословакии с СССР, подписанного в декабре 1943 г.

С усилением влияния коммунистов в движении Сопротивления как в оккупированной стране, так и за рубежом

возросла и их роль в определении нового внешнеполитического курса республики, что особенно проявилось в советско-чехословацких отношениях с 1944 г., в частности, в период Словацкого национального восстания, ознаменовавшего начало национально-демократической революции в Чехословакии. Между руководством КПЧ, находившимся в период войны в Москве, и ВКП(б) развивались теснейшие связи и сотрудничество. Помощь Советского Союза национально-освободительному движению Чехословакии, особенно в период Словацкого национального восстания, является убедительным примером международной солидарности, интернациональной помощи народу, борющемуся против нацистского порабощения.

Объективные условия борьбы против нацистских работодателей и всевозрастающий вес СССР в антигитлеровской коалиции способствовали единению двух стран перед лицом общего врага, укреплению их сотрудничества в войне. Хотя договор о дружбе был подписан буржуазным эмигрантским правительством, содержание его определено было левыми силами чехословацкого движения Сопротивления и изменением роли Советского Союза на мировой арене вообще и в Центральной Европе в частности. В Чехословакии с началом национально-демократической революции, образованием правительства Национального фронта чехов и словаков этот договор обретает новую функциональную роль, он становится начальным звеном новой договорной системы в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

С приходом к власти в ЧСР правительства Национального фронта чехов и словаков в апреле 1945 г. отношения между СССР и Чехословакией вступают в новую фазу развития, приобретают новые качества. Основными их признаками становятся военная поддержка и координация действий на международной арене, экономическая взаимопомощь и сотрудничество, а в дальнейшем — расширение контактов по линии общественных организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ¹ ДМИСЧО. М., 1981. Т. 4, кн. 1. Март 1939 г.—декабрь 1943 г. С. 122.
- ² *Grňa J.* Sedm roků na domácí frontě. Brno, 1968. S. 106—107.
- ³ Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985; *Odboj a revoluce, 1939—1945. Nastín dějin československého odboje.* Pr., 1965. S. 59—61; *Z počátků odboje, 1939—1941.* Pr., 1969. S. 449—503.
- ⁴ Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981. С. 148; *Prispevky k dějinám fašizmu v Československu a Maďarsku.* Br., 1969. S. 90—93.
- ⁵ *Boďnár I.* Ideové konfrontácie v rokoch odboja. Br., 1985; *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 75—78.
- ⁶ *Za svobodu českého a slovenského národa.* Pr., 1956. S. 84—85.
- ⁷ *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 67.
- ⁸ Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979, С. 238—240.
- ⁹ *Křen J.* V emigraci. Západní zahraniční odboj, 1939—1940. Pr., 1969. S. 29—43.
- ¹⁰ *Laštovička B.* V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR, 1939—1945. Pr., 1960. S. 8—9.
- ¹¹ *Křen J.* Do emigrace. Západní zahraniční odboj, 1938—1939. Pr., 1966. S. 503.
- ¹² *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Pr., 1948. S. 17.
- ¹³ *Ibid.* S. 25.
- ¹⁴ *Křen J.* V emigraci. S. 38—45.
- ¹⁵ *Za svobodu českého a slovenského národa.* S. 91—92.
- ¹⁶ *Feierabend L.* Ve vládě v exilu. Na londýnské frontě. Wash., 1965. S. 144.
- ¹⁷ *Z počátků odboje, 1938—1941.* S. 103—104.
- ¹⁸ DHČsZP, 1939—1943. Acta occupationis Bohemiae et Moraviae. Pr., 1967. Sv. 1: Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na zapadě.
- ¹⁹ *Beneš E.* Paměti. Pr., 1947. Sv. I. S. 209
- ²⁰ *Rozen-Zavadzki K.* Proby sfederowania środkowo-wschodniej Europy (1939—1943) // *Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej.* 1965. N 1; *Kühl J.* Föderationspläne im Donauraum und im Mitteleuropa. München, 1958; *Wiener K.* Das Federalismus im Donauraum. Graz; Köln, 1960; *Wandycz P.* Czechoslovak-Polish Confederation and Great Powers, 1940—1943. Bloomington, 1956; *Turlejska M.* Plany konfederacji polsko-czesłocłowackiej (1940—1943) // *Z polskich studiów ślawistycznych.* Ser. 3: Prace na VI Międzynarodowy kongres ślawistów w Pradze. 1968. Historia. W-wa, 1968. S. 257—264.
- ²¹ *Studia z najnowszych dziejów powszechnych.* 1963. N.4. S. 261, 264.
- ²² *Z počátků odboje, 1938—1941.* S. 102—104.
- ²³ *Dejinná križovatka.* Br., 1964. S. 66.

- 24 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 120—123.
- 25 KSC a naše priateľstvo a spojenectvo zo ZSSR. Br., 1975. S. 224—225.
- 26 Ibid.
- 27 Grňa J. Op. cit. S. 67—68.
- 28 Rozhovory s I. M. Majským // Kulturná tvorba. 1965. Č. 26.
- 29 Edvard Beneš. Rozpravy a úvahy k jeho šedesátým narodeninám. Ps., 1947. S. 44—42.
- 30 Čejka E. Konfrontace hlavních vojenskopolitických koncepcí v československém zahraničním odboji, 1939—1941 // HaV. 1981. N 6. S. 563.
- 31 Čierny J. Nová orientácia zahraničnej politiky Československa (1941—1948). Br., 1979. S. 46.
- 32 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 231—232.
- 33 Исраэлли В. Л. Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество между СССР, США и Англией в период второй мировой войны, 1941—1945 гг. М., 1975.
- 34 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 11—13.
- 35 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 242.
- 36 Ibid.
- 37 Ibid.
- 38 Советско-чехословацкие отношения... С. 13.
- 39 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 241.
- 40 Ibid. S. 244.
- 41 Ibid. S. 241.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid.
- 44 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 127.
- 45 Там же. С. 124.
- 46 Там же. С. 126.
- 47 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 244.
- 48 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 129.
- 49 Gottwald K. Spisy. Sv. XI. S. 207.
- 50 Beneš E. Paměti. S. 244.
- 51 Laštovička B. Op. cit. S. 145—146.
- 52 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 248.
- 53 Laštovička B. Op. cit. S. 148.
- 54 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 140.
- 55 Čierny J. Op. cit. S. 54.
- 56 Правда. 1941. 21 июля.
- 57 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 129.
- 58 Народные и национальные фронты... С. 188—189.
- 59 Laštovička B. Op. cit. S. 150.
- 60 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 137, 138.
- 61 Za svobodu českého a slovenského národa. S. 161—172.
- 62 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 141—142.
- 63 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 143.
- 64 Фашизм и антидемократические режимы в Европе. С. 150—151.
- 65 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 140.
- 66 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 156.
- 67 Ibid. S. 158.
- 68 Hlas ľudu. 1941. September.
- 69 Ibid.

- 70 Dejiny Slovenského národného povstania. Protifašistický odboj a príprava SNP. Br., 1984. Zv. 1. S. 155—156.
- 71 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 1. С. 29—30.
- 72 Там же. С. 148.
- 73 Там же. С. 165.
- 74 *Laštovička B.* Op. cit. S. 157—160.
- 75 *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. S. 27.
- 76 *Laštovička B.* Op. cit. S. 152—159.
- 77 *Fierlinger Z.* Ve službach ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Pr., 1948. Díl. 2. S. 23.
- 78 *Wandycz P. S.* Op. cit. P. 133—135.
- 79 *Laštovička B.* Op. cit. S. 171—172.
- 80 *Otáhalovi L. a M.* K problematice planů na uspořádání Střední a Východní Evropy za druhé světové války // Sb. historický. Pr., 1967. Sv. 15. S. 182.
- 81 *Táborský E.* A polish-czechoslovak Confederation // Journal of Central European Affairs. 1949—1950. P. 389—390.
- 82 *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. М., 1982.
- 83 Там же.
- 84 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 278.
- 85 Ibid.
- 86 *Otáhalovi L. a M.* Op. cit. S. 188.
- 87 Советско-чехословацкие отношения... С. 31—32.
- 88 Там же. С. 32.
- 89 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 229.
- 90 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 293.
- 91 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 185.
- 92 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 303—305.
- 93 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 312.
- 94 Korespondencja w sprawie konfederacji polsko-czechoslowackiej w latach 1940—1943 // Studia z najnowszych dziejów powszechnych. W-wa, 1963. T. 4. S. 298.
- 95 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 303—304, 309, 311—312.
- 96 *Новаковский Д. И., Марченко А. Д.* Славное боевое содружество. М., 1974. С. 15.
- 97 Советско-чехословацкие отношения... С. 18—20.
- 98 Там же. С. 27—28.
- 99 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 177.
- 100 *Новаковский Д. И., Марченко А. Д.* Указ. соч. С. 16.
- 101 Там же. С. 16—17.
- 102 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 217—219.
- 103 *Svoboda L.* Splnili jsme úkol // Směr Praha. Pr., 1955. S. 472.
- 104 *Fierlinger Z.* Op. cit. Díl. 2. S. 81.
- 105 Odboj a revoluce, 1938—1945. S. 185.
- 106 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 242.
- 107 Там же. С. 177.
- 108 *Русин В. П.* На крутих перевалах. Київ, 1983. С. 85—89.
- 109 *Ванаг І.* Закарпатські українці в чехословацькому війську в СРСР // Шлях до волі. Зб. спогадів і документів про національно-визвольну боротьбу українського населення Чехословаччини проти фашизму в 1939—1945 рр. Музей української культури в Свиднику. Науковий збірник. 1966. Т. 2. С. 188.
- 110 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 231.

- 111 *Erban V. Pohled z jednoho úhlu. (Ještě k boji dvou koncepcí o nové Československo) // SPř. 1975. Č. 5. S. 353.*
- 112 *Ванат I. Указ. соч. С. 191.*
- 113 *Janeček O. Voj o hegemonii v československem vojsku v SSSR (1942—1945) // PkD KŠČ. 1964. Č. 2. S. 212.*
- 114 *Прасолов С. И. Советско-чехословацкий договор 1943 г. (К истории дипломатической подготовки) // Сов. славяноведение. 1965. № 1. С. 30.*
- 115 *Přehled československých dějin. Pr., 1960. Dil. III. S. 532.*
- 116 *ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 274—275, 277.*
- 117 *Помаковский Д. И., Марченко А. Д. Указ. соч. С. 19.*
- 118 *ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 286—287.*
- 119 *Советско-чехословацкие отношения... С. 63—64.*
- 120 *Там же. С. 64.*
- 121 *Там же. С. 65.*
- 122 *Там же. С. 86.*
- 123 *Там же. С. 71.*
- 124 *Seeber E. Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und die ČSR, 1941—1945. B., 1984. S. 107—112, 133—148.*
- 125 *Ibid. S. 135.*
- 126 *Červinková M. Views and Diplomatic Activity of Dr. Edvard Beneš in the Period of Preparation for the Czechoslovak-Soviet Treaty of 1943 // Historica. Pr., 1969. Vol. XVII. P. 243.*
- 127 *Seeber E. Op. cit. S. 135.*
- 128 *Beneš E. Paměti. S. 282.*
- 129 *Ibid.*
- 130 *ДНČСЗР, 1939—1943. Sv. 1. S. 334; Советско-чехословацкие отношения... С. 308.*
- 131 *Seeber E. Op. cit. S. 136.*
- 132 *Правда. 1943. 27 апр., 10 мая.*
- 133 *Там же. 1943. 18 апр.*
- 134 *ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 298—300.*
- 135 *Там же. С. 300—301.*
- 136 *Советско-чехословацкие отношения... С. 82—83.*
- 137 *Červinková M. Op. cit. P. 254.*
- 138 *Ibid.*
- 139 *Laštovička B. Op. cit. S. 275.*
- 140 *Seeber E. Op. cit. S. 137.*
- 141 *FRUS. Diplomatic Papers. 1943. Vol. 3. Wash., 1963. P. 670.*
- 142 *Ibid.*
- 143 *Ibid.*
- 144 *Ibid.*
- 145 *Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941—1945). М., 1985. С. 150—151.*
- 146 *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976. Т. 2. С. 70.*
- 147 *Laštovička B. Op. cit. S. 277—278.*
- 148 *Ibid. S. 274—277.*
- 149 *Červinková M. Op. cit. P. 260.*
- 150 *Král V. Smlouva československo-sovětská v roce 1943 // SPř. 1973. С. 6. S. 452.*
- 151 *История дипломатии. М., 1975. Т. IV. С. 358; Fierlinger Z. Op. cit. Dil. 2. S. 136.*

- 152 *Fierlinger Z.* Op. cit. Dil. 2. S. 143—144.
- 153 История дипломатии. Т. IV. С. 358.
- 154 *Seeber E.* Die Rolle der sowjetisch-tschechoslowakischen Verhandlungen im Jahre 1943 für die Gestaltung einer demokratischen Friedensordnung in Europa. Zur Genesis des Freundschaft- und Beistandsvertrages vom 12. Dezember 1943 // JfGW. B., 1977. Bd. 17. S. 211—213.
- 155 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. М., 1983. Т. 1: 1941—1943. С. 408—409.
- 156 *Král V.* Op. cit. S. 451—452.
- 157 Ibid. S. 452.
- 158 Советско-чехословацкие отношения... С. 89—90.
- 159 Там же. С. 93.
- 160 Там же. С. 95—96, 101.
- 161 Там же. С. 99—100.
- 162 СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества, 1944—1949 гг. М., 1985. С. 10.
- 163 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1961. Т. 3. С. 491—496.
- 164 *Израэлян В. Л.* Указ. соч. С. 197—198.
- 165 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 118—119.
- 166 *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 28.
- 167 *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 258.
- 168 *Čierný J.* Op. cit. S. 69.
- 169 Ibid. S. 70.
- 170 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 334—335.
- 171 *Peroutka F.* Byl Edvard Beneš viněn? Paris, 1949. S. 11.
- 172 Советско-чехословацкие отношения... С. 101—105.
- 173 Там же. С. 106.
- 174 Там же.
- 175 Там же. С. 108—109.
- 176 Там же. С. 110.
- 177 Там же. С. 119—120.
- 178 Там же. С. 121.
- 179 *Laštovička B.* Op. cit. S. 281.
- 180 Советско-чехословацкие отношения... С. 118.
- 181 *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 30.
- 182 ДНČSЗР, 1939—1943. Sv. 1. S. 365.
- 183 Ibid. S. 365; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 145—146.
- 184 Советско-чехословацкие отношения... С. 122.
- 185 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 157.
- 186 Война и рабочий класс. 1943. № 9. С. 22.
- 187 Советско-английские отношения... Т. 1. С. 408—409.
- 188 Там же. С. 422—423.
- 189 Там же. С. 444.
- 190 Война и рабочий класс. 1943. № 9. С. 22—23.
- 191 *Beneš E.* Paměti. S. 244.
- 192 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 346—348.
- 193 ДНČSЗР, 1939—1943. Sv. 1. S. 381, 386.
- 194 Ibid. S. 387—388. А. Иден признал, что советско-чехословацкий договор будет предметом переговоров на предстоящей конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г.
- 195 ДНČSЗР, 1939—1943. Sv. 1. S. 386.

- 195 Ibid. S. 383—387; *Červinková M.* Op. cit. P. 266.
- 197 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 389.
- 198 Советско-чехословацкие отношения... С. 112—113.
- 199 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 388.
- 200 Советско-чехословацкие отношения... С. 112.
- 201 Там же. С. 117—118.
- 202 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 401.
- 203 Советско-чехословацкие отношения... С. 121—122.
- 204 *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 31.
- 205 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 171.
- 206 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. М., 1978. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). С. 170.
- 207 Там же. С. 168—170.
- 208 Там же. С. 172.
- 209 Советско-чехословацкие отношения... С. 124.
- 210 Там же.
- 211 DHČsZP, 1939—1943. Sv. 1. S. 404.
- 212 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 г. ... С. 170.
- 213 Советско-чехословацкие отношения... С. 126—127.
- 214 *Král V.* Op. cit. S. 453.
- 215 *Seeber E.* Die Mächte der Antihitlerkoalition... S. 154.
- 216 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 437.
- 217 *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 31.
- 218 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 394—395.
- 219 Там же. С. 395.
- 220 Там же.
- 221 Там же.
- 222 Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами: Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей. М., 1968. С. 140—142.
- 223 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 395.
- 224 Там же.
- 225 Там же. С. 396.
- 226 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 376—377.
- 227 Там же. С. 377—378.
- 228 *Mastný V.* The Beneš — Stalin — Molotov Conversation in December 1943. New Documents // JfGO. B., 1972. H. 3. S. 380.
- 229 Ibid.
- 230 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy, 1945—1948. Pr., 1985. S. 41.
- 231 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 191.
- 232 Ibid.
- 233 Ibid.
- 234 Ibid. S. 192.
- 235 *Voráček E.* Op. cit. S. 42.
- 236 Ibid.
- 237 *Čejka E.* Čtyřicet let československo-sovětské spojenecké smlouvy // HaV. 1983. Č. 6. S. 15.
- 238 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 191.

- 239 *Ibid.* S. 191—194; *Kořalková K.* Moskevská jednání 1943. Pr.— M., 1965. Č. 2. S. 44—45; *Mastný V.* Op. cit. P. 380—389.
- 240 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 190.
- 241 *Ibid.* S. 194.
- 242 *Ibid.*
- 243 *Beneš E.* Paměti. S. 399.
- 244 *Ibid.* S. 399—400.
- 245 *Čejka E.* Čtyřicet let... S. 16—17.
- 246 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 194.
- 247 *Ibid.*
- 248 *Ibid.*
- 249 *Ibid.*
- 250 *Beneš E.* Paměti. S. 398.
- 251 *Ibid.*
- 252 *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Š. 369—372.
- 253 *Laštovička B.* Op. cit. S. 255—283; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 145—152; 177—180; *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 264—267.
- 254 *Král V.* Op. cit. S. 450—452.
- 255 *Křen J.* Dr. Beneš za války // *ČsČH*, 1965. C. 6. S. 815.
- 256 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 113.
- 257 ДМИСЧО. Т. 4, кп. 2. Декабрь 1943 г.— май 1945 г. С. 49.
- 258 *Klimeš M.* Moskevské rozhovory v prosinci 1943 // *DaS*. 1963. Č. 11—12. S. 13—17; *Народные и национальные фронты...* С. 264—266; *Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии.* С. 217.
- 259 *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revoluce. Br., 1975. S. 44—49.
- 260 *Čejka E.* Čtyřicet let... S. 26.
- 261 *Rudé právo, 1939—1945.* Pr., 1971. S. 479.
- 262 *Amort Č.* SSSR a osvobození Československa. Pr., 1970. S. 82.
- 263 *Čejka E.* Čtyřicet let... S. 26.
- 264 *Slovenské národné povstanie: Dokumenty.* Br., 1965. S. 126.
- 265 *Svedectvo o priateľstve a spojeníctve: Dokumenty.* Br., 1970. S. 159.
- 266 *Slovenské národné povstanie.* S. 130.
- 267 *Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии.* С. 218.
- 268 *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 38.
- 269 *Готвальд К.* Избр. речи и статьи. М., 1970. С. 23—24.
- 270 *Война и рабочий класс. 1943.* № 14. С. 7.
- 271 *Beneš E.* Paměti. S. 415—416.
- 272 *Ibid.* S. 425—426.
- 273 *Král V.* Op. cit. S. 454—455.
- 274 *Valenta J.* Polsko a uzavretie československo-sovietskej spojeneckej zmluvy roku 1943 // *ŠŠ.* IX. Br., 1967. S. 29—33.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- ¹ *Правда.* 1943. 21 нояб.
- ² *Československé listy.* 1943. 7.XI.
- ³ *Когляров В. И., Марченко А. Д.* Дружба, скрепленная кровью. Харьков, 1975. С. 92.
- ⁴ *Fierlinger Z.* Ve službach ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Pr., 1948. Dil. 2. S. 214.
- ⁵ *Ibid.* S. 216.
- ⁶ *Ibid.* S. 215.

- 7 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 54.
- 8 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 229.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid. S. 230.
- 11 Ibid.
- 12 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 148.
- 13 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 56.
- 14 Правда. 1944. 25 февр.
- 15 *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1984. С. 225—227.
- 16 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 68—69.
- 17 *Котляров В. И., Марченко А. Д.* Указ. соч. С. 96.
- 18 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 67—68.
- 19 *Котляров В. И., Марченко А. Д.* Указ. соч. С. 96.
- 20 *Lipták J., Špičák M.* K vojenskopolitickým aspektům československo-sovětských vztahů: (K 30 výročí československo-sovětské smlouvy o přátelství a poválečné spolupráci z prosince 1943) // *NaV.* 1973. Č. 5. S. 778—780.
- 21 *Odboj a revoluce, 1938—1945.* Nastin dějin československého odboje. Pr., 1965. S. 277.
- 22 *Grňa J.* Sedm roků na domácí frontě. Brno, 1968. S. 322.
- 23 *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 277.
- 24 *Král V.* Освобождение Чехословакии: Studie o mezinárodně politických aspektech. Pr., 1975. S. 19.
- 25 *Губианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия, 1941—1947 гг. М., 1987. С. 91—95.
- 26 *Laštovička B.* V Londýně za války. Zápas o novou ČSR, 1939—1945. Pr., 1960. S. 340—342.
- 27 Ibid. S. 339.
- 28 *Král V.* Освобождение Чехословакии. S. 19.
- 29 Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 266.
- 30 *Cesta ke květnu.* Pr., 1965. Sv. 1. S. 88.
- 31 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy, 1945—1948. Pr. 1985, S. 45—46.
- 32 *Cesta ke květnu.* Sv. 1. S. 88.
- 33 *Voráček E.* Op. cit. S. 45—46.
- 34 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 151—152.
- 35 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 247—248.
- 36 Ibid. S. 247.
- 37 Ibid. S. 248—249; *Педорезов А. И.* Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны // *Сов. славяноведение.* 1974. № 3. С. 16.
- 38 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 250.
- 39 Ibid. S. 250—251.
- 40 Ibid. S. 252.
- 41 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 155—159.
- 42 Там же. С. 160—161.
- 43 Там же. С. 161.
- 44 Там же. С. 161—162.
- 45 Известия. 1944. 9 мая.
- 46 Война и рабочий класс. 1944. № 10. С. 2—3.
- 47 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 164—165.
- 48 *Čierny J.* Nová orientácia zahraničnej politiky Československa

- (1941—1948): Br., 1979. S. 104—105; *Seeber E.* Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und die ČSR, 1941—1945. B., 1984. S. 228—229.
- 49 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 253—254.
- 50 Война и рабочий класс. 1944. № 11. С. 16.
- 51 *Seeber E.* Op. cit. S. 230.
- 52 Война и рабочий класс. 1944. № 11. С. 3.
- 53 Там же. С. 6.
- 54 Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов.— 1945 г. М., 1981. С. 157.
- 55 Slovenské národné povstanie roku 1944. Br., 1965. S. 21.
- 56 Ibid. S. 24.
- 57 Фашизм и антидемократические режимы в Европе. С. 157.
- 58 *Husák G.* Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Br., 1975. S. 94—102; *Dejiny Slovenského národného povstania*, 1944. Br., 1965. Zv. 1. S. 247—252.
- 59 Народные и национальные фронты... С. 268.
- 60 *Husák G.* Svedectvo... S. 167—176.
- 61 *Laštovička B.* Op. cit. S. 402—405.
- 62 *Dejiny Slovenského národného povstania 1944.* Zv. 1. S. 318; *Král V.* Osvobození Československa. S. 26—27.
- 63 *Král V.* Československo-sovětské vztahy v období příprav Slovenského národného povstání // SPř. 1974. Č. 4. S. 281; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 19—20.
- 64 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 19.
- 65 Там же. С. 20.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1978. Кн. 2. С. 328.
- 69 Там же. С. 318—323.
- 70 Там же. С. 326.
- 71 *Laštovička B.* Op. cit. S. 403—404; *Amort Č.* KSSS a náš národný odboj. Pr., 1961. S. 185—186.
- 72 *Král V.* Osvobození Československa. S. 35; *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 318—323.
- 73 *Král V.* Československo-sovětské vztahy v období priprav... S. 289.
- 74 Ibid.
- 75 *Husák G.* Svedectvo... S. 129—132.
- 76 Československé listy. 1944. 1. II.
- 77 *Dejinná križovatka.* Br., 1964. S. 238.
- 78 *Amort Č.* KSSS a náš národný odboj. S. 92.
- 79 *Клоков В. И.* Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961.
- 80 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 85—86.
- 81 *Клоков В. И.* Указ. соч. С. 263.
- 82 *Amort Č.* Podíl Sovětského Svazu na přípravách Slovenského národného povstání // SPř. 1974. Č. 4. S. 299.
- 83 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 170—171.
- 84 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 91.
- 85 *Amort Č.* KSSS a náš národný odboj. S. 98.
- 86 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 90.
- 87 *Amort Č.* Na pomoc československému lidu. Pr., 1975. S. 345—346.

- 88 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 103.
- 89 Král V. Osvobození Československa. S. 50.
- 90 Fierlinger Z. Op. cit. S. 324—326.
- 91 Partizánské hnutí v Československu za druhé světové války. Pr., 1961. S. 159—161.
- 92 Amort Č. KSSS a náš národní odboj. S. 107.
- 93 Ibid.
- 94 Kopecký V. ČSR a KSČ. Pr., 1960. S. 345—346.
- 95 Amort Č. KSSS a náš národní odboj. S. 107.
- 96 Husák G. Svedectvo... S. 130—133.
- 97 Král V. Československo-sovětské vztahy v období příprav... S. 292.
- 98 Král V. Osvobození Československa. S. 39—40.
- 99 Ibid. S. 40.
- 100 Král V. Československo-sovětské vztahy v období příprav Slovenského národního povstání. S. 293.
- 101 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 87—88.
- 102 Там же. С. 93.
- 103 Там же. С. 95—96.
- 104 Fierlinger Z. Op. cit. S. 310.
- 105 Ibid.
- 106 Ibid.
- 107 Král V. Osvobození Československa. S. 47.
- 108 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 98.
- 109 Král V. Osvobození Československa. S. 47.
- 110 Ibid.
- 111 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 326.
- 112 Там же. С. 327.
- 113 Там же.
- 114 Husák G. Svedectvo... S. 171—172.
- 115 Ibid. S. 190—191.
- 116 Král V. Sovětský Svaz a otázka povstání na Slovensku // Československo-sovětské vztahy. IV. Pr., 1975. S. 26.
- 117 Ibid. S. 29.
- 118 Ibid. S. 30—31.
- 119 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 329.
- 120 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 105—108.
- 121 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 326.
- 122 Příspěvky k dějinám KSČ. Pr., 1964. Č. 3. S. 440.
- 123 Гречко А. А. Через Карпаты. М., 1970. С. 26.
- 124 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 326—328.
- 125 Příspěvky k dějinám KSČ. Pr., 1964. Č. 1. S. 441.
- 126 Král V. Osvobození Československa. S. 75.
- 127 Husák G. Svedectvo... S. 202.
- 128 Příspěvky k dějinám KSČ. Pr., 1964. Č. 1. S. 442.
- 129 Ibid.
- 130 Husák G. Svedectvo... S. 231; Vznik lidově demokratického Československa, Pr., 1975. S. 87.
- 131 Husák G. Svedectvo... S. 206.
- 132 Ibid. S. 244.
- 133 Ibid. S. 244—245.
- 134 Ibid. S. 245.
- 135 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 105—106.
- 136 Jablonický J. Z ilegality do povstania (Kapitoly z občianskeho

- odboja). Br., 1969. S. 389—395; *Friš E.* Povstání zdaleka a zblízka. Pr., 1964. S. 61; *Dejinná križovatka.* S. 307.
- 137 *Král V.* Sovětská pomoc Slovenskému národnímu povstání... S. 88.
- 138 *Husák G.* Svedectvo... S. 206.
- 139 Příspěvky k dějinám KSČ. Pr., 1964. Č. 3. S. 439—444.
- 140 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 314—315.
- 141 *Ibid.* S. 315.
- 142 *Husák G.* Svedectvo... S. 193—194.
- 143 *Král V.* Sovětský Svaz a otázka povstání na Slovensku. S. 47.
- 144 *Ibid.*
- 145 *Husák G.* Svedectvo... S. 199.
- 146 *Ibid.* S. 200—201, 208—209.
- 147 *Ibid.* S. 206—209.
- 148 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 324.
- 149 *Ibid.* S. 327.
- 150 *Ibid.* S. 327—328.
- 151 *Ibid.* S. 329.
- 152 *Husák G.* Svedectvo... S. 213, 223—225; *Dejiny Slovenského národného povstania 1944.* Zv. 2. S. 48—49.
- 153 *Rašla A.* Tiso a povstanie. Br., 1947. S. 39.
- 154 *Jablonický J.* Slovensko na prelome. Zápas o víťazstvo národnej a demokratickej revolúcie na Slovensku. Br., 1965. S. 100.
- 155 *Vznik ľudové demokratického Československa.* S. 93.
- 156 *Slovenské národné povstanie roku 1944.* S. 311—329.
- 157 *Husák G.* Svedectvo... S. 268—277.
- 158 *Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии.* С. 221—226; *Мурашко Г. П.* Словацкое национальное восстание — начало национально-демократической революции // *Сов. славяноведение.* 1980. № 1.
- 159 *Советско-чехословацкие отношения...* С. 181—182; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 337—340.
- 160 *ДМИСЧО.* Т. 4, кн. 2. С. 117.
- 161 *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 330.
- 162 *Vznik ľudové demokratického Československa.* S. 121—123.
- 163 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 181—182.
- 164 *ДМИСЧО.* Т. 4, кн. 2. С. 117.
- 165 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 339.
- 166 *Vznik ľudové demokratického Československa.* S. 122—123.
- 167 *Ibid.* S. 123.
- 168 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 183—186.
- 169 *Там же.* С. 189.
- 170 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 349.
- 171 *Husák G.* Svedectvo... S. 305—318.
- 172 *Dejiny Slovenského národného povstania.* Zv. 2. S. 351.
- 173 *Прозктор Д. М.* Через Дуклинский перевал, М., 1960. С. 27.
- 174 *История второй мировой войны, 1939—1945 гг.* М., 1978. Т. 9. С. 163—172.
- 175 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 203.
- 176 *Прозктор Д. М.* Указ. соч. С. 39—43.
- 177 *Král V.* Osvobození Československa. S. 87.
- 178 *Ibid.*
- 179 *Husák G.* Svedectvo... S. 95—98.
- 180 *Toth J.* Úloha a účasť dvoch východoslovenských divízií v SNP // *НС.* 1959. S. 512.
- 181 *Гречко А. А.* Указ. соч. С. 33.

- 182 Vznik ľudové demokratického Československa. S. 117.
- 183 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 330.
- 184 Там же.
- 185 Конеv И. С. Записки командующего фронтом, 1943—1944 г. М., 1972. С. 299, 300.
- 186 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 136.
- 187 Там же. С. 136; Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 44—48.
- 188 Москаленко К. С. На юго-западном направлении. М., 1972. Кн. 2. С. 446.
- 189 Штеменко С. М. Указ. соч. С. 332.
- 190 Там же.
- 191 Конеv И. С. Указ. соч. С. 323.
- 192 Там же.
- 193 Там же. С. 320—322; Поваковский Д. П., Марченко А. Д. Указ. соч. С. 56—57; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 474.
- 194 Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 250; Конеv И. С. Указ. соч. С. 312; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 173.
- 195 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 166, 167, 170—174, 177—178.
- 196 Конеv И. С. Указ. соч. С. 341.
- 197 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 167.
- 198 Там же. С. 197.
- 199 Там же. С. 194—195.
- 200 Москаленко К. С. Указ. соч. С. 474.
- 201 Гречко А. А. Указ. соч. С. 243.
- 202 Oslobodenie Československa. Br., 1966. S. 106.
- 203 Gottwald K. Sb. stati a projevů, 1949—1950. Pr., 1951. S. 137.
- 204 Husák G. Vyber z prejavov a stati. Br., 1982. Zv. 2. S. 60.
- 205 Husák G. Svedectvo... S. 272—278, 351—369; Dejiny Slovenského národného povstania. Zv. 2. S. 61—106.
- 206 Slovenské národné povstanie: Dokumenty. S. 126.
- 207 Šverma J. Za nové Československo. Pr., 1975. S. 103.
- 208 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 201.
- 209 Král V. Osvobození Československa. S. 131.
- 210 Husák G. Svedectvo... S. 414—415.
- 211 Vznik ľudové demokratického Československa. S. 133.
- 212 Fierlinger Z. Op. cit. S. 356—357; Советско-чехословацкие отношения во время... С. 203—204; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 199—200.
- 213 Fierlinger Z. Op. cit. S. 358; Советско-чехословацкие отношения во время... С. 205; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 203.
- 214 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 111, 116, 117—119, 180.
- 215 Král V. Západ a Slovenské národné povstání // ČsČh. 1975. Č. 1. S. 63.
- 216 Ibid.
- 217 Husák G. Svedectvo... S. 391—430.
- 218 Král V. Západ a Slovenské národné povstání. S. 57.
- 219 Ibid. S. 63—64.
- 220 Král V. Osvobození Československa. S. 151.
- 221 Ibid.
- 222 Fierlinger Z. Op. cit. S. 361.
- 223 Král V. Západ a Slovenské národné povstání. S. 64.
- 224 Fierlinger Z. Op. cit. S. 357.
- 225 Král V. Západ a Slovenské národné povstání. S. 65.
- 226 Husák G. Svedectvo... S. 490—491.
- 227 Fierlinger Z. Op. cit. S. 361.

- 228 Ibid. S. 361—362; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 218.
 229 *Král V. Západ a Slovenské národné povstání.* S. 67.
 230 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 363.
 231 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 224.
 232 Там же.
 233 *Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта.* М., 1971. С. 275—276.
 234 *Husák G. Svedectvo...* S. 508—515; *Král V. Osvobození Československa.* S. 173—174.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ *Seton-Watson H. The East European Revolution.* L., 1950; *Davis L. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict Over Eastern Europe.* Princeton, 1974; *Mastny V. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy Warfare and the Politics of Communism, 1941—1945.* N. Y., 1979.
² *Němec F., Moudry V. The Soviet seizure of Subcarpathian Ruthenia.* Westport; Connecticut, 1981. P. 59.
³ *Евсеев И. Ф. Народные комитеты Закарпатской Украины — органы государственной власти (1944—1945).* М., 1954; *Париж історії Закарпатської обласної партійної організації.* Ужгород, 1980. С. 130—139.
⁴ *Němec F., Moudry V.* Op. cit. P. 83.
⁵ *Laštovička B. V Londýně za války. Zápasy o novou ČSR, 1939—1945.*—Pr., 1960. S. 462.
⁶ *Париж історії Закарпатської обласної партійної організації.* С. 130—139.
⁷ *Brod T. Spor kolem Zakarpatska (1944—1945) // SPř.* 1968. Č. 4. S. 342.
⁸ *Němec F., Moudry V.* Op. cit. P. 85—98.
⁹ Правда. 1944. 11 нояб.
¹⁰ *Fierlinger Z. Ve službach ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje.* Pr., 1948. Díl 2. S. 388—389.
¹¹ *Brod T.* Op. cit. S. 342.
¹² *Laštovička B.* Op. cit. S. 462.
¹³ *Brod T.* Op. cit. S. 343.
¹⁴ *Král V. Osvobození Československa.* S. 207; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 425—427.
¹⁵ *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 405.
¹⁶ Ibid.
¹⁷ *Král V. Osvobození Československa.* S. 207, 402—403.
¹⁸ *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 409.
¹⁹ Ibid. S. 405—406.
²⁰ *Král V. Osvobození Československa.* S. 207.
²¹ *Шляхом Жовтня: Збірник документів.* Ужгород, 1965. С. 79—80.
²² *Němec F., Moudry V. The Soviet seizure of Subcarpathian Ruthenia.* P. 95—98.
²³ Ibid. P. 98—103.
²⁴ Ibid. P. 103—110.
²⁵ Ibid. P. 97—98.
²⁶ *Закарпатська правда.* 1944. 18 грудня.
²⁷ Там же. 1944. 24 грудня.
²⁸ *Brod T.* Op. cit. S. 345.

- 29 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 468—469.
- 30 *Ibid.* S. 469—472.
- 31 *Laštovička B.* Op. cit. S. 462.
- 32 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 470.
- 33 *Ibid.* S. 446—447.
- 34 *Ibid.* S. 452.
- 35 *Němec F., Moudry V.* Op. cit. P. 319—322; 322—324; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 263—264.
- 36 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 474.
- 37 *Brod T.* Op. cit. S. 345—352.
- 38 *Král V.* *Osvobození Československa.* S. 204.
- 39 *Ibid.*
- 40 *Ibid.* S. 402.
- 41 *Война и рабочий класс.* 1944. № 24. С. 19—20.
- 42 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 480—481.
- 43 *Ibid.* S. 485—486, 489—490.
- 44 *Ibid.* S. 490.
- 45 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 215—217.
- 46 *Král V.* *Osvobození Československa.* S. 214.
- 47 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 480—491.
- 48 *Feierabend L.* *Soumrak československé demokracie.* Wash., 1967. S. 46.
- 49 *Mackenzie C. Dr. Beneš.* Pr., 1947.
- 50 *Brod T.* Op. cit. S. 348.
- 51 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 497; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 265.
- 52 ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 265.
- 53 *Král V.* *Osvobození Československa.* S. 216.
- 54 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 469, 470, 472—473; *Laštovička B.* Op. cit. S. 462—463.
- 55 *Král V.* *Osvobození Československa.* S. 216.
- 56 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 223—224.
- 57 *Fierlinger Z.* Op. cit. 466—469, 478—484, 501—503.
- 58 *Ibid.* S. 491—493.
- 59 *Ibid.* S. 555—560.
- 60 *Советско-чехословацкие отношения во время...* С. 221—222.
- 61 Там же. С. 223—224.
- 62 *См. Губианский Л. Я.* *Советский Союз и новая Югославия, 1941—1947 гг.* М., 1987. С. 91—110, 126—140.
- 63 *СССР и страны народной демократии. Стаповление отношений дружбы и сотрудничества 1944—1949 гг.* М., 1985. С. 182—207.
- 64 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 525.
- 65 *Ibid.* S. 509.
- 66 *Kořalková K.* *Československo a polská prozatímní vláda r. 1944—1945 // SPř.* 1966. Č. 4. S. 198.
- 67 *Laštovička B.* Op. cit. S. 469; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 510—513.
- 68 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 513—514.
- 69 *Ibid.* S. 515.
- 70 *Ibid.* S. 510.
- 71 *Ibid.*
- 72 *Ibid.* S. 525.
- 73 *Ibid.* S. 522.
- 74 *Ibid.* S. 523—526.
- 75 *Ibid.* S. 526.
- 76 *Ibid.* S. 527.
- 77 *Král V.* *Osvobození Československa.* S. 224; *Laštovička B.* Op. cit. S. 469.
- 78 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 553.
- 79 *Ibid.* S. 529.

- 80 СССР и страны пародпой демократии. С. 182—207.
- 81 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 554—555.
- 82 *Laštovička B.* Op. cit. S. 469; *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 555—557.
- 83 *Laštovička B.* Op. cit. S. 469.
- 84 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 562.
- 85 *Laštovička B.* Op. cit. S. 470.
- 86 *Ibid.*
- 87 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 563—564.
- 88 *Gottwald K.* Spisy. Pr., 1955. Sv. XI. S. 362.
- 89 *Laštovička B.* Op. cit. S. 471—473.
- 90 *Ibid.* S. 481—483.
- 91 *Křen J., Kural V., Brandes D.* Integration oder Ausgrenzung. Deutsche und Tschechen, 1890—1945. Bremen, 1986. S. 141—146.
- 92 *Feirabend L.* Op. cit. S. 123, 133.
- 93 *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 388—389.
- 94 Народные и национальные фронты... С. 272.
- 95 *Husák G.* Svedectvo... S. 612.
- 96 *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu.* Dokumenty. Pr., 1965. Sv. 1. Č. 1. 280—390.
- 97 *Ibid.* S. 400—404.
- 98 *Ibid.* S. 403—404.
- 99 *Ibid.*
- 100 *Laštovička B.* Op. cit. S. 522—525.
- 101 *Král V.* V předvečer Pražského povstání. Vytvoření první vlády Národní fronty: Moskva, březen 1945 // SPř. 1975. Č. 3. S. 170.
- 102 *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 595—596.
- 103 *Ibid.* S. 598.
- 104 *Král V.* Osvobození Československa. S. 241.
- 105 *Král V.* V předvečer Pražského povstání. S. 171.
- 106 Советско-чехословацкие отношения во время... С. 233.
- 107 Там же. С. 239—240.
- 108 Там же. С. 237—238.
- 109 Program první domácí vlády republiky, vlády Národní fronty Čechů a Slováků: Sbirka dokumentů ministerstva informací. Pr., 1945.
- 110 *Ibid.* S. 14.
- 111 *Ibid.* S. 16.
- 112 *Ibid.* S. 14.
- 113 *Ibid.*
- 114 *Grospič G., Chovanec J., Vysokaj J.* Košický program — program budování lidové demokratického Československa. Pr., 1977.
- 115 *Rozhodující střetnutí.* Pr., 1973. S. 205.
- 116 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy, 1945—1948. S. 54.
- 117 *Ibid.*
- 118 История второй мировой войны, 1939—1945 гг. М., 1978. Т. 9. С. 423—432.
- 119 Там же.
- 120 *Churchill W.* The Second World War. L., 1950. Vol. VI. P. 407.
- 121 *Израэлян В. Л.* Указ. соч. С. 367—375.
- 122 *Nesvadba F.* Za svobodu Prahy. Vyvrcholení osvobozenického posláni Sovětské armady v Československu v letech 1944—1945. Pr., 1980; *Melichar V.* Zakonczenie wojny w Czechosłowacji i wpływ jej skutków na sytuację powojenna w Europie Środkowej // SM. 1975. N 5. S. 89.

- 123 *Peša V.* Na brněnském směru. Brno, 1985. S. 19—25.
- 124 *Ibid.* S. 20—28.
- 125 *Zpověď K. H. Franka.* Pr., 1946.
- 126 *Ibid.* S. 175—178.
- 127 *Ibid. Král V.* Osвобоzení Československa. S. 295.
- 128 FRUS. 1943. Vol. 4. Wash., 1963. P. 441.
- 129 *Melichar V.* Některé otázky československo-sovětského spojení v počátcích lidově demokratického Československa // SPř. 1973. Č. 6. S. 473.
- 130 *Wallace B. G.* Patton and his Third Army. Wash., 1946. P. 187.
- 131 *Husák G.* Svedectvo... S. 667; *Táborský E.* The Triumph and Disaster of Dr. Edvard Beneš // FA. July 1958. N 4. P. 680.
- 132 *Táborský E.* The Triumph and Disaster of Dr. Edvard Beneš. P. 680.
- 133 *Brod T., Čejka E.* Na západní frontě. Pr., 1963. S. 504.
- 134 *Král V.* V předvečer Pražského povstání // SPř. 1975. Č. 2. S. 97.
- 135 *Ibid.* S. 97—98.
- 136 *Král V.* Osвобоzení Československa. S. 300.
- 137 *Čierny J.* Nová orientácia... S. 144—145.
- 138 *Churchill W.* Op. cit. Vol. VII. P. 506.
- 139 FRUS. Wash., 1945. Vol. IV. P. 444—445.
- 140 *Ibid.*
- 141 *Ripka II.* Czechoslovakia enslaved. L., 1950; *Jaksch W.* Europas Weg nach Potsdam. Stuttgart, 1958; *Feierabend L.* Op. cit.; *Murphy R.* Diplomat among warriors. N. Y., 1965.
- 142 *Král V.* Osвобоzení Československa. S. 304.
- 143 *Thuman H.* Memoirs. N. Y., 1955. P. 216.
- 144 *Král V.* V předvečer Pražského povstání. S. 102.
- 145 *Ibid.* S. 102—103.
- 146 *Král V.* Osвобоzení Československa. S. 306.
- 147 *Král V.* Co se dělo kolem osvobození Prahy // Praha — Moskva. 1974. Č. 2. S. 15—18.
- 148 *Král V.* K otázce mezinárodních souvislostí Pražského povstání v květnu 1945 // ČsČH. 1975. Č. 2. S. 179.
- 149 *Král V.* K otázce mezinárodních souvislostí... S. 179.
- 150 *Kopecký V.* ČSR a KSČ. Pr., 1960. S. 385—386.
- 151 *Král V.* V předvečer Pražského povstání. S. 103.
- 152 *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг. М., 1963. Т. 5. С. 318; За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 217—218.*
- 153 FRUS. Wash., 1945. Vol. IV. P. 448.
- 154 *Ibid.* P. 451.
- 155 *Král V.* Osвобоzení Československa. S. 311.
- 156 *Ibid.*
- 157 *Melichar V.* K některým otázkám pražské operace Sovětské armády a Květnového povstání českého lidu // SPř. 1975. Č. 2. S. 117.
- 158 *Nesvadba F.* Za svobodu Prahy. Vyvrcholení osvobozenického poslání Sovětské armády v Československu v letech 1944—1945. Pr., 1980.
- 159 *Melichar V.* Op. cit. S. 117—118.
- 160 *За освобождение Чехословакии. С. 215—220.*
- 161 *ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 405—406.*

- ¹⁶² *Конец И. С.* 1-й Украинский фронт в Пражской операции 9 мая 1945 года. М., 1970. С. 125—126.
- ¹⁶³ *Melichar V.* Zaverečné období druhej svetovej vojny v Európe // *ČsČH.* 1980. Č. 4. S. 505.
- ¹⁶⁴ *Конец И. С.* 1-й Украинский фронт в Пражской операции... С. 128.
- ¹⁶⁵ *Melichar V.* Op. cit. S. 121—122.
- ¹⁶⁶ *Seeber E.* Die Mächte der Antihitlerkoalition... S. 397—399.
- ¹⁶⁷ *Ibid.* S. 397—405.
- ¹⁶⁸ Освободительная миссия Советских Вооруженных сил во второй мировой войне. М., 1974.
- ¹⁶⁹ *Odboj a revoluce, 1938—1945.* S. 411—423.
- ¹⁷⁰ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XIV. S. 325.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ История внешней политики СССР. М., 1980. Т. 2. С. 5—7, 24—25.
- ² *Veneš E.* Paměti. Pr., 1947.
- ³ История дипломатии. М., 1974. Т. V. Кн. 1. С. 7—36.
- ⁴ Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 268—272; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 266; *Снигил Э., Цезар Я.* Чехословацкая революция, 1944—1948. М., 1986. С. 119—134; *Vondrašek V.* Politické poměry v Československu v prvních měsících po osvobození // *ČsČH.* 1985. Č. 3. S. 398—400.
- ⁵ Из истории народно-демократических и социалистических революций. С. 271; *Z. najnovších dejin československo-sovietských vzťahov po roku 1945* // *ŠŠ.* V. Br., 1962. S. 47.
- ⁶ *Ripka H.* Le coup de Prague. Une Révolution préfabriquée. P., 1949. P. 5.
- ⁷ *Smutný J.* Únorový převrat, 1948. L., 1953. Sv. 1. P. 5—7.
- ⁸ *Čierný J.* Nová orientácia zahraničnej politiky Československa (1941—1948). Br., 1979. S. 194.
- ⁹ Die Deutsche in der Tschechoslowakei, 1933—1947: Dokumentensammlung. Pr., 1964.
- ¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. документов. М., 1980. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). С. 261—262, 428—429.
- ¹¹ *Петерс И. А.* Внешняя политика Чехословакии (1945—1960 гг.). Киев, 1976. С. 24.
- ¹² *Готвальд К.* Избр. статьи и речи. М., 1972. Т. 2. С. 127.
- ¹³ *Bušek V.* Poučení z únorového převratu. N. Y., 1954. S. 27.
- ¹⁴ *Z najnovších dejin...* S. 48.
- ¹⁵ *Pivoluska J.* Slovanská myšlienka na Slovensku po druhej svetovej vojne // *ŠŠ.* Zv. XX. Br., 1979. S. 135.
- ¹⁶ *Sládek Z.* Boj o rozvíjení hospodářských vztahů mezi Československem a SSSR v letech 1945—1948 // *Čs.-sov. vztahy.* V. Pr., 1970. S. 27—28.
- ¹⁷ *Král V.* Osvobození Československa. S. 367.

- 18 Ibid. S. 367—368.
- 19 Ibid. S. 368.
- 20 Ibid. S. 367—368.
- 21 Ibid.
- 22 Ibid. S. 368.
- 23 FRUS. Wash., 1945. Vol. IV. P. 478.
- 24 *Král V.* Osвобоzení Československa. S. 368—369.
- 25 FRUS. Wash., 1945. Vol. IV. P. 473.
- 26 Ibid.
- 27 Ibid. P. 490.
- 28 Ibid. P. 493—494.
- 29 Ibid. P. 500, 506—508.
- 30 Rudé právo. 1945. 16.XI.
- 31 Rudé právo. 1945. 14.IX.
- 32 Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне // Вопр. истории. 1960. № 4. С. 255.
- 33 Советско-чехословацкие отношения 1945—1960 гг.: Документы и материалы. М., 1972. С. 18, 23—29.
- 34 *Sládek Z.* Voj o rozvíjení hospodářských vztahů... S. 28.
- 35 *Amort Č.* Československo-sovětské vztahy v údobí 1945—1954. ČSSR—SSSR. Z bojů za svobodu a socialismus. Pr., 1961. S. 154—155; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 253—254.
- 36 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy. S. 60.
- 37 Ibid. S. 62.
- 38 Svobodné slovo. 1945. 7.VI.
- 39 Z najnovšých dejin... S. 51—52; *Селезнев Л. И.* Международные экономические отношения Чехословакии. М., 1962. С. 11.
- 40 *Voráček E.* Předpoklady a počátek československo-sovětské spolupráce v roce 1945 // SPř. 1978. Č. 3. S. 211.
- 41 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 63.
- 42 *Voráček E.* Předpoklady a počátek... S. 211.
- 43 Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960 гг. С. 271—274.
- 44 Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1946. М., 1952. С. 149.
- 45 Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960 гг. С. 274.
- 46 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 65.
- 47 Ibid. S. 66.
- 48 *Ripka H.* Zahraniční obchod se Svazem SSR // ZO. 1946. С. 23.
- 49 Zahraniční obchod Republiky Československé za dobu od května do konce roku 1945. Pr., 1947. S. 34—38.
- 50 Ibid. S. 10.
- 51 *Voráček E.* Předpoklady a počátek... S. 212.
- 52 *Sládek Z.* Voj o rozvíjení hospodářských vztahů... S. 30.
- 53 Ibid.
- 54 *Gottwald K.* Spisy. Pr., 1956. Sv. XII. S. 191.
- 55 *Колодникова Л. И.* Советско-чехословацкие экономические отношения в первые послевоенные годы // Вопр. истории. 1978. № 5. С. 50.
- 56 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 71.
- 57 Zahraniční obchod. 1946. Č. 9. S. 1—2.
- 58 *Колодникова Л. И.* Указ. соч. С. 49—51.
- 59 *Sládek Z.* Voj o rozvíjení hospodářských vztahů... S. 30.
- 60 Ibid. S. 31.
- 61 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. (Přispěvek k problematice mezinárodních souvislostí revolučního procesu v Československu v letech 1945—1948.) Pr., 1985. S. 15.
- 62 *Šedivý J.* 20 let československo-sovětské smlouvy. Pr., 1963. S. 34.

- ⁶³ *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy, 1945—1948. S. 73.
- ⁶⁴ *Седлачек И., Немец Я.* Единым путем: из истории борьбы за чехословацко-советскую дружбу. Прага, 1974. С. 137.
- ⁶⁵ *Z najnovšých dejin...* S. 115.
- ⁶⁶ *Седлачек И., Немец Я.* Единым путем. С. 137.
- ⁶⁷ *Čierný J.* Prvky novej zahraničnej politiky Československa v predfebruárovom období // *ČsČH.* 1978. Č. 1. S. 5.
- ⁶⁸ Внешняя политика Советского Союза, 1946 г. М., 1952. С. 47, 222.
- ⁶⁹ *Čierný J.* Nová orientácia... S. 175.
- ⁷⁰ Народные и национальные фронты... С. 400—403.
- ⁷¹ Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 271.
- ⁷² *Z najnovšých dejin...* S. 47.
- ⁷³ *Barnovský M.* Socialné triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Br., 1978. S. 141.
- ⁷⁴ *Husák G.* Voj o dnešok. Br., 1973. S. 125.
- ⁷⁵ *Pivoluska J.* Februar 1948 a zápasy o československo-sovětské spojenectvo na Slovensku (1945—1948) // *SPř.* 1979. S. 43—45.
- ⁷⁶ *Ibid.* S. 44.
- ⁷⁷ *Ibid.*
- ⁷⁸ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XIII. Pr., 1957. S. 71—72.
- ⁷⁹ *Vartiková M.* Zjazdy Komunistickej strany Československa. Br., 1986. S. 114—129.
- ⁸⁰ Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979. С. 253—254.
- ⁸¹ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 431.
- ⁸² Народные и национальные фронты... С. 404.
- ⁸³ Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. С. 256.
- ⁸⁴ *Смитил З., Цезар Я.* Указ, соч. С. 107—108.
- ⁸⁵ Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960 гг. С. 88—92.
- ⁸⁶ *Sládek Z.* Voj o rozvíjení hospodářských vztahů... S. 32.
- ⁸⁷ *Rudé právo.* 1946. 8.VII.
- ⁸⁸ *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 76.
- ⁸⁹ *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 21.
- ⁹⁰ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XIII. Pr., 1957. S. 143.
- ⁹¹ *Voráček E.* KSČ a československo-sovětská hospodářská spolupráce, 1945—1947 // *SPř.* 1981. Č. 3. S. 204.
- ⁹² *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 77.
- ⁹³ *Колодников Л. П.* Указ; соч. С. 52.
- ⁹⁴ *Тельгарин А. Н.* Советско-чехословацкие отношения после второй мировой войны 1945—1949 гг.: Дис. ... канд. ист. наук Караганда, 1970. С. 198.
- ⁹⁵ *Sládek Z.* Voj o rozvíjení hospodářských vztahů... S. 32.
- ⁹⁶ Внешняя торговля СССР: Стат. сб., 1918—1966. М., 1967. С. 64—69.
- ⁹⁷ *Byrnes J.* Speaking Frankly. N. Y., 1947. P. 143.
- ⁹⁸ *Орлик И. Й.* Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1965. С. 97—99; *Krátký K.* Hospodářská politika USA vůči socialistickým státům, 1945—1966 // *SPř.* 1971. Č. 2. S. 474—479.
- ⁹⁹ *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan... S. 25.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* S. 25—26.
- ¹⁰¹ ЦГАОР. Ф. 4459. Д. 6001. Оп. 27/1. П. 1. Л. 219.

- ¹⁰² Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 8.
- ¹⁰³ *Gibiński L. J.* K otázce spolupráce Československa, Polska a Jugoslavia v boji za upevnenie ľudovodemokratického zriadenia (1945—1946) // *HC.* 1971. Č. 3. S. 312—332.
- ¹⁰⁴ *Ibid.* S. 319—325.
- ¹⁰⁵ *Kaňka O., Pavelka R.* Těšinsko v polsko-československých vztazích, 1918—1939. Ostrava, 1970.
- ¹⁰⁶ Československa revoluce v letech 1944—1948. Pr., 1966. S. 214.
- ¹⁰⁷ *Ibid.*
- ¹⁰⁸ Dokumenty československé zahraniční politiky, 1945—1960. Pr., 1960. S. 245—247, 263—264.
- ¹⁰⁹ *Григорьянц Т. Ю.* К вопросу о формировании договорной системы СССР и пародно-демократических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг. // *Сов. славяноведение.* 1980. № 1. С. 28—29.
- ¹¹⁰ ЦГАОР. Ф. 4459. Д. 6001. Оп. 27/1. П. 2. Л. 149.
- ¹¹¹ CSR a Německo. Výběr dokumentů o československé politice v německé otázce. Pr., 1959. S. 14—15.
- ¹¹² *Gottwald K.* O československé zahraniční politice. Pr., 1950. S. 13.
- ¹¹³ Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962. Т. 1. С. 503—525.
- ¹¹⁴ СССР и страны пародной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества 1944—1949 гг. М., 1985. С. 341—342.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- ¹ Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962. Т. 1. С. 363, 365.
- ² Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 35—36.
- ³ Z najnovších dejin československo-sovětských vztahov po roku 1945. Br., 1965. S. 59.
- ⁴ СССР и страны пародной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества 1944—1949 гг. М., 1985. С. 341—342.
- ⁵ Československa revoluce v letech 1944—1948. Pr., 1966. S. 217.
- ⁶ *Čierný J.* Nová orientácia zahraničnej politiky Československa 1941—1948. Br., 1979. S. 290—291.
- ⁷ История дипломатии. М., 1974. Т. V, кн. 1. С. 262.
- ⁸ *Čierný J.* Nová orientácia... S. 135, 300—301.
- ⁹ Československá revoluce v letech, 1944—1948. S. 217—218.
- ¹⁰ *Петерс И. А.* Внешняя политика Чехословакии 1945—1960 гг. Киев, 1976. С. 24.
- ¹¹ *Čierný J.* Nová orientácia... S. 301.
- ¹² *Svědectví.* 1973. Sv. XII. S. 61—62.
- ¹³ *Čierný J.* Nová orientácia... S. 303.
- ¹⁴ *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy 1945—1948. P., 1985. S. 95—96.
- ¹⁵ Černá kniha kapitalistického hospodářeni před Unorem, 1948. Pr., 1948. S. 46.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 47—49.

- 17 ЦГАОР. Ф. 4459. Д. 7342. Оп. 27/1. П. 1. Л. 70.
- 18 *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy 1945—1948. S. 95—96.
- 19 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. Příspěvek k problematice mezinárodních souvislostí revolučního procesu v Československu v letech 1945—1948. Pr., 1985. S. 41.
- 20 История дипломатии. Т. V, кн. 1. С. 252—254.
- 21 *Kennan G. F.* Memoiren eines Diplomaten. Stuttgart, 1968. S. 338.
- 22 Ibid. S. 339.
- 23 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 42.
- 24 *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Pr., 1968. S. 115.
- 25 *Прирт Д. П.* Очерки внешней и внутренней политики лейбористов, 1945—1965 гг. М., 1965. С. 122—123.
- 26 Там же. С. 124—125.
- 27 Правда. 1947. 22 июня.
- 28 Внешняя политика Советского Союза. 1947 г. М., 1952. Ч. II. С. 122.
- 29 Там же. С. 123.
- 30 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 48—49.
- 31 Vývoj. 1947. 25.VI.
- 32 *Cambel S., Barnovský M.* Die Sicherheit der Völker der Tschechoslowakei und die politischen Parteien nach den Erfahrungen des zweiten Weltkrieges // History and Society. Published on the occasion of the XVIth International Congress of Historical Sciences in Stuttgart 1985. Pr., 1985. P. 493.
- 33 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 57.
- 34 *Schröder-Laskowski S.* Der Kampf um die Macht in der Tschechoslowakei, 1945—1948. B., 1978. S. 114.
- 35 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 57.
- 36 Československa revoluce, 1944—1948. S. 219—220.
- 37 Ibid. S. 220.
- 38 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 60.
- 39 Ibid. S. 60—61.
- 40 *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 122.
- 41 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 61.
- 42 Ibid. S. 61.
- 43 *Fierlinger Z.* Zrada československé buržoasie a jejich spojenců. Pr., 1951. S. 161—162.
- 44 *Schröder-Laskowski S.* Op. cit. S. 155—156.
- 45 *Veselý Z.* Československo a Marshallův plan. S. 61—62.
- 46 Ibid. S. 62.
- 47 *Hanus F.* Únor 1948 a zahraničně politická orientace Československa // Únor 1948. Základ vítězství socialismu v Československu. Pr., 1973. S. 42.
- 48 Z najnovších dejin... S. 62.
- 49 *Gottwald K.* Spisy. Pr., 1958. Sv. XIV. S. 76.
- 50 Z najnovších dejin... S. 62.
- 51 Ibid. S. 62.
- 52 Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960. Документы и материалы. М., 1972. С. 90—92.

- 53 Fano Š. K československo-sovietskym vzťahom v období rokov 1945—1948 // ZFFUK. XIV. Br., 1963. S. 101.
- 54 Недорезов А. И. Советско-чехословацкие отношения, 1945—1948 // Сов. славяноведение. 1975. № 3. С. 28—29.
- 55 Voráček E. Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 97.
- 56 Rudé právo. 1947. 8.VII.
- 57 Ripka H. Czechoslovakia Enslaved: The Story of the Communist Coup d'Etat. London, 1950. 35—48; Laušman B. Kdo byl viněn? Viedeň, 1953.
- 58 Smutný J. Únorový převrat, 1948. L., 1953.
- 59 Ibid. Sv. 1. S. 65.
- 60 Veselý Z. Československo a Marshallův plan. S. 64—65.
- 61 Ibid. S. 65.
- 62 Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch. S. 123—124.
- 63 Voráček E. Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 102.
- 64 Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch. S. 123—125.
- 65 Čierný J. Nová orientácia... S. 281.
- 66 Veselý Z. Československo a Marshallův plan. S. 69.
- 67 Obzory. 1947. 12.VII.
- 68 Lockhart R. B. Ústup z Prahy. L., 1950. S. 19—20.
- 69 ЦГАОР. Ф. 4459. Д. 6921. Оп. 1. П. 1. Л. 150—154.
- 70 История дипломатии. Т. V, кн. 1. С. 255.
- 71 ЦГАОР. Ф. 4459. Д. 7342. Оп. 27/1. П. 1. Л. 221.
- 72 Там же. Л. 222.
- 73 Там же. Л. 223.
- 74 Там же. Л. 207.
- 75 Ripka H. Le coup de Prague. P. 55.
- 76 Čierný J. Nová orientácia... S. 310.
- 77 Горвальд К. Избр. произведения. Т. 2. С. 165.
- 78 Народные и национальные фронты... С. 326—327, 532—541.
- 79 Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch... S. 129.
- 80 Информационное совещание представителей некоторых компартий. С. 8.
- 81 Z najnovších dejin... S. 61—62.
- 82 Ibid. S. 62.
- 83 Внешняя политика Советского Союза, 1947 г. М., 1952. Т. 2. С. 17.
- 84 Известия. 1947. 13 июля.
- 85 Там же.
- 86 Gottwald K. Spisy. Sv. XIV. S. 92—93.
- 87 Veselý Z. Československo a Marshallův plan. S. 76.
- 88 Народные и национальные фронты... С. 534—536.
- 89 Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960. С. 122.
- 90 Там же. С. 122—123.
- 91 Там же. С. 129.
- 92 СССР и страны народной демократии. С. 100.
- 93 Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch. S. 189.
- 94 Ibid. S. 225.
- 95 Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960 гг. С. 131—139.
- 96 Там же. С. 127—128.

- ⁹⁷ Там же. С. 128.
- ⁹⁸ Там же. С. 128—129.
- ⁹⁹ *Колодникова Л. П.* Советско-чехословацкие экономические отношения в первые послевоенные годы // *Вопр. истории.* 1978. № 5. С. 50.
- ¹⁰⁰ *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 118.
- ¹⁰¹ *Ibid.* S. 119.
- ¹⁰² *Ibid.* S. 119—120.
- ¹⁰³ *Колодникова Л. П.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁰⁴ *Voráček E.* Československo-sovětské hospodářské vztahy... S. 121.
- ¹⁰⁵ Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами пародной демократии. М., 1958. С. 162.
- ¹⁰⁶ *Kollar K.* Niektoré metodologické otázky strategicko-tactickej orientácie v rokoch 1944—1948 // *ČsČH.* 1981. Č. 5. S. 648—658.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
- ČsČh — Československý časopis historický
- DaS — Dějiny a současnost
- DHČsZP — Dokumenty z historie československé zahraniční politiky
- FA — Foreign Affairs
- FRUS — Foreign Relations of United States
- HaV — Historie a vojenství
- HČ — Historický časopis
- JfGW — Jahrbuch für Geschichtswissenschaft
- JfGO — Jahrbuch für Geschichte Osteuropas
- PkD KSCĚ — Příspěvky k dějinám KSCĚ
- SM — Sprawy międzynarodowe
- SPř — Slovanský přehled
- SŠ — Slovanské Študie
- ZFFUK — Zpravy filozofickej fakulty Univerzity Komenského
- ZO — Zahraničný obchod

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
СКЛАДЫВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ	5
Советско-чехословацкое Соглашение 18 июля 1941 г. и его влияние на расстановку сил в чехословацком движении Сопротивления	5
Планы переустройства Центральной Европы и их отражение в отношениях между ЧСР и СССР в 1941—1942 гг. Формирование чехословацкой воинской части на территории СССР	27
Борьба в чехословацком движении Сопротивления за укрепление союзных отношений с СССР. Подписание советско-чехословацкого договора 12 декабря 1943 г.	39
Глава вторая	
НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА МЕЖДУ ЧСР И СССР	79
Проблемы развития военного и политического союза между Чехословакией и Советским Союзом в первой половине 1944 г.	79
СССР и подготовка Словацкого национального восстания	92
Словацкое национальное восстание как фактор советско-чехословацких отношений	118
Глава третья	
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧСР	142
Проблемы советско-чехословацких отношений в конце 1944—1945 г.	142
Образование правительства Национального фронта чехов и словаков и изменение внешнеполитических приоритетов ЧСР	163
Глава четвертая	
БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ ЗА РАЗВИТИЕ НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РЕСПУБЛИКИ И УПРОЧЕНИЕ СОЮЗА С СССР	188

Политическая борьба в Чехословакии и проблемы сотрудничества между ЧСР и СССР (май 1945 г.— апрель 1946 г.) . . .	188
Укрепление и развитие отношений нового типа между ЧСР и СССР в условиях мирного урегулирования в Европе . . .	209
Глава пятая	
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧСР И СССР И «ПЛАН МАРШАЛЛА»	224
Динамика экономического сотрудничества между ЧСР и СССР	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	257
ПРИМЕЧАНИЯ	259
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	282

Иван Иванович Поп
ЧЕХОСЛОВАКИЯ —
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.
1941—1947 гг.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики
АН СССР

Редактор издательства В. П. Терехов
Художник М. Э. Зельцер
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Л. И. Левашова, Л. И. Николаева

ИБ № 46117

Сдано в набор 20.11.89
Подписано к печати 5.07.90
А-08492. Формат 84×108^{1/32}
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр. отт. 15,44. Уч.-изд.
л. 17. Тираж 950 экз. Тип. зак. 974
Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Ставиславского, 25

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» В 1991 г. ВЫЙДУТ В СВЕТ

БАЛКАНЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Очерки становления национальных государств
и политические структуры
в Юго-Восточной Европе

22 л., 3 р. 50 к.

Данная монография является продолжением книги «Формирование независимых национальных государств на Балканах. Конец XVIII — 1878 г.» В настоящей книге рассказывается о том, как в упорной борьбе политических партий и дворцовых группировок происходила замена патриархальных форм правления нормами буржуазного права, дается анализ программ различных партий в югославянских землях, прослеживается их роль в ходе складывания многонационального балканского государства Югославии.

Для историков, славистов, студентов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

20 л., 3 р. 50 к.

1830—1870 гг.— насыщенный событиями период в истории народов Центральной Европы, важнейшими вехами которого являются революции 1848—1849 гг., выступления польского народа за свободу в 1830—1831 гг. и в 1863—1864 гг. и наконец австро-венгерское соглашение 1867 г.

В этот же период благодаря деятельности революционных организаций, а позднее социалистов, буржуазных демократов складывались многосторонние связи между национальными движениями.

Для историков и читателей, интересующихся проблемами Европейского континента.

**РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
И ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ. 1871—1904 г..**

20 л., 3 р. 20 к.

Проблема пролетарского интернационализма в наши дни находится в центре идеологической борьбы, споров и дискуссий. В связи с этим представляет интерес обращение советских исследователей к истории этого вопроса.

В книге исследуется процесс зарождения и развития идей пролетарского интернационализма в практике и идеологии рабочего движения региона в период с Парижской Коммуны до кауна первой буржуазно-демократической революции в России.

Для историков и обществоведов.

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

1917—1941 г.

45 л., 6 р.

Документы и материалы характеризуют разносторонние связи между народами СССР и Югославии и охватывают большой период времени, а именно 1917—1941 гг. В книге прослеживается влияние Октябрьской социалистической революции на судьбы народов Югославии, подчеркивается солидарность братских народов в их противоборстве с наступавшим фашизмом, экономические, культурные и научные связи.

Для историков, международников, экономистов.

Адреса книготорговых предприятий «Академкнига» с указанием магазинов и отделов «Книга — почтой»
/по состоянию на 01.01.89 г./

Магазины «Книга — почтой»

- 252107 Киев, ул. Татарская, 6
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2.

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 «Книга — почтой»
370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 «Книга — почтой»
232600 Вильнюс, ул. Университетского, 4 «Книга — почтой»
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 «Книга — почтой»
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 «Книга — почтой»
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 «Книга — почтой»
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 «Книга — почтой»
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 «Книга — почтой»
252030 Киев, ул. Лесина, 42
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79.
252025 Киев, ул. Осипенко, 17
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 «Книга — почтой»
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 «Книга — почтой»
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 «Книга — почтой»
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57
199164 Ленинград, Таможенный пер. 2.
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4.
220012 Минск, Лесинский пр-т, 72 «Книга — почтой»
103009 Москва, ул. Горького, 19-а.
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7.
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51.
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 «Книга — почтой»
142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8.
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 «Книга — почтой»
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 «Книга — почтой»
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1
700029 Ташкент, ул. Лесина, 73.
700070 Ташкент ул. Ш. Руставели, 43
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 «Книга — почтой»
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18.
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 «Книга — почтой»
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 «Книга — почтой»
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 «Книга — почтой»

3 p. 60 к.

И.И.Поп

ЧЕХОСЛОВАКИЯ –
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
1941–1948 гг..

И.И.Поп ЧЕХОСЛОВАКИЯ – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1941–1948 гг..

